КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

СТР.

I. ПРИ СТАРЫХЪ ПОРЯДКАХЪ. (Изъ недавняго прошлаго Волынской духовной семинаріи). **Константина Храневича.** . 287—326

II. ОСТАТКИ ДРЕВНЯГО ГОРОДИЩА ВЪ М. СНѢТИНѢ, ЛУБЕНСКАГО У., ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. **Василія Ляскоронскаго.** *(Съ планомъ)* . . . . . 327—336

III. АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА. *(Окончаніе)* . . . . . 337—373

IV. ПО ПОВОДУ СТА ЛѢТЪ ОТЪ СМЕРТИ ГРАФА РУМЯНЦОВА. **Ал. Лазаревскаго.** . . . . . 374—394

V. ПЕРВЫЙ КІЕВСКІЙ АРХЕОЛОГЪ М. Ѳ. БЕРЛИНСКІЙ. **В. Щербины** . . . . . 395—417

VI. КОЛЛЕГІЯ ПАВЛА ГАЛАГАНА ВЪ КІЕВѢ. (По поводу исполнившагося 1 октября текущаго года двадцатипятилѣтія ея существованія). **В. Науменка.** . . . . . 418—433

VII. ПО ПОВОДУ 25-ти ЛѢТІЯ СЦЕНИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ М. Л. КРОПИВНИЦКАГО. **Д. А.** . . . . . 434—440

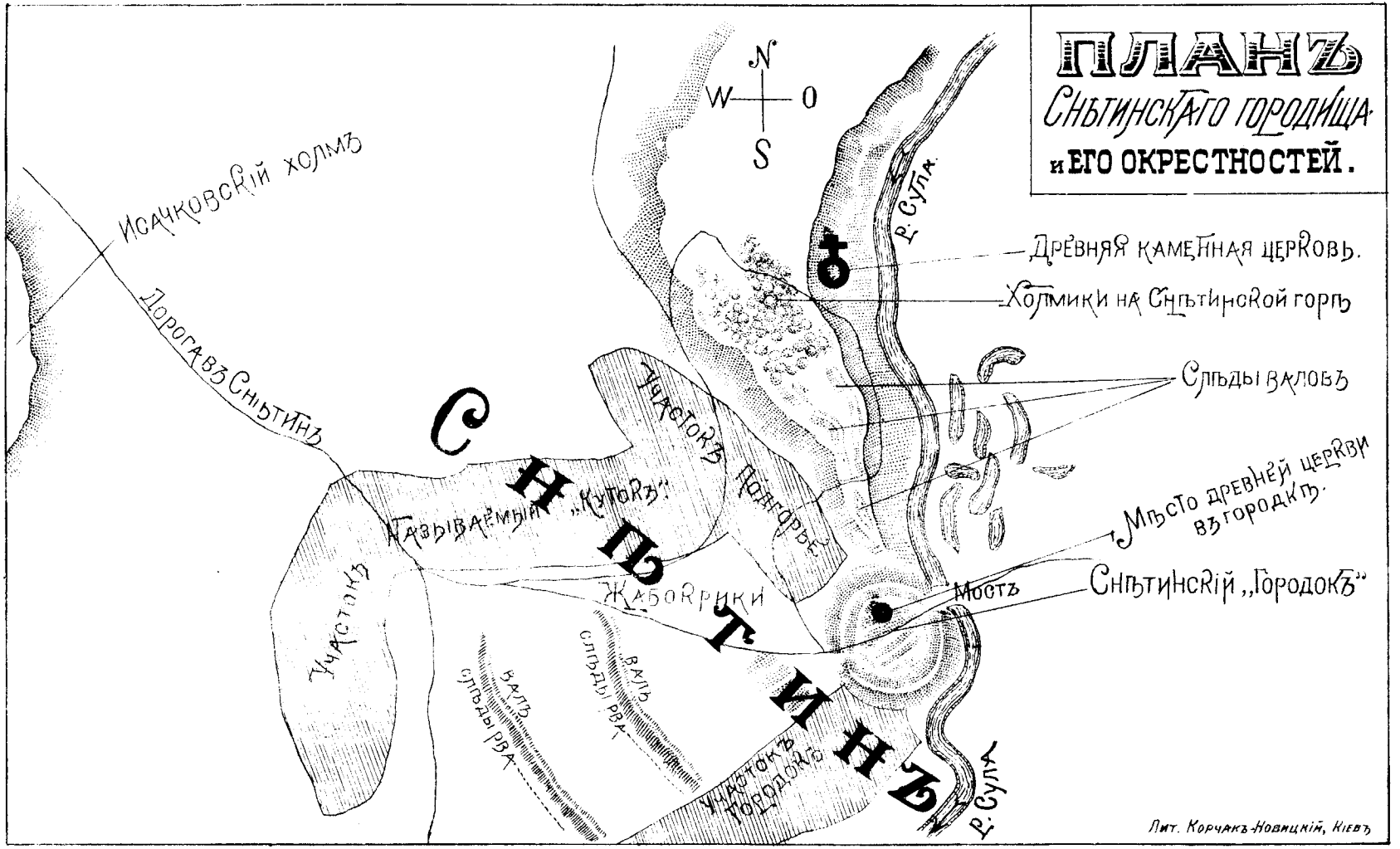
ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Шпага Карла XII. Кн. **Александра Дабижи.** б) Вѣсти о судьбѣ историко-статистическихъ матеріаловъ по Полтавщинѣ. **В. Василенка.** в) Сообщеніе очевидца о великомъ пожарѣ въ Кіевѣ на Подолѣ 1811 года. Сообщ. **П. Голубовскій** г) Артиллерійскій музей въ Петербургѣ. **Н. Бѣляшевскаго** д) Изъ путевыхъ замѣтокъ Великаго Князя Николая Павловича (1816 года). **О. Л.** е) Черты характера гр. П. А. Румянцова. **А. Л.** ж) Хозяйство гр. П. А. Румянцова. **А. Л.** . . . . . 65—85

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Томы 2-й и 3-й. **А. Л.** б) Кіевъ и университетъ св. Владиміра при императорѣ Николаѣ I. 1825—1855. Изданіе университета св. Владиміра съ 16 свѣтопечатями и 2 цинкографіями. **М. Н.** в) Акты, издаваемые Виленской Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIII. Акты Холмскаго гродскаго суда. **И. Каманина.** г) Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 года. Издалъ Б. И. Ханенко. **В. Щербины** . . . . . 86—98

ОБЪЯВЛЕНІЯ о журналахъ 1897 г. . . . . 1—26

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (401—418).


ПЛАНЪ
СНЫТИНСКАГО ГОРОДИЩА
и ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ.
N
W
O
S
Исачковскій холмъ
Дорога въ Снытинь
Древняя каменная церковь.
Холмики на Снытинской горѣ
Слѣды валовъ
Мѣсто древней церкви въ городкѣ.
Снытинскій „Городокъ"
Мостъ
р. Сула
СНЫТИНЬ
Участокъ называемый „Кутокъ"
Участокъ подгорье
Участокъ
Жаворики
Валъ
слѣды рва
Валъ
слѣды рва
Валъ
слѣды рва
Участокъ городка
р. Сула
Лит. Корчакъ-Новицкій, Кіевъ

ПРИ СТАРЫХЪ ПОРЯДКАХЪ.

(ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО ВОЛЫНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ).

Въ концѣ сентября Волынская духовная семинарія торжественно отпраздновала свой столѣтній юбилей. Обычный ритуалъ юбилейныхъ праздниковъ былъ выполненъ съ неизмѣнной точностью. Сначала помолились о вѣчномъ блаженствѣ тѣхъ наставниковъ и питомцевъ семинаріи, которые переселились въ лучшій міръ и теперь не знаютъ болѣзни, печали и воздыханій; потомъ собрались на торжественный актъ и выслушали юбилейную рѣчь одного изъ преподавателей (г. Давидовича); наконецъ, почетные гости были приглашены на юбилейную трапезу. Нечего и говорить, какъ усиленно работала въ этотъ день Кременецкая телеграфная станція надъ пріемомъ привѣтственныхъ депешъ, предупредительно посланныхъ бывшими питомцами школы своей almae matri. Помимо этихъ внѣшнихъ атрибутовъ, скромному волынскому торжеству въ полной мѣрѣ присущи были и всѣ внутреннія свойства, которыми обычно характеризуются всякіе юбилейные праздники; мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, какъ живо и ярко чувствовалось учащенное біеніе коллективнаго пульса, какъ неподдѣльное ликованіе юныхъ питомцевъ семинаріи невольно сообщалось пожилымъ и даже престарѣлымъ участникамъ торжества и т. д. Словомъ сказать, обычное теченіе жизни семинарской на короткое время вышло изъ своего нормальнаго русла, чтобы затѣмъ опять стихнуть, войти въ обычную колею и медленно потащиться по проторенной дорожкѣ...

Юбилейныя торжества не даромъ принято титуловать *знаменательными* (какъ извѣстно, безъ этого эпитета не обойдется и простая репортерская замѣтка). День юбилея всякаго учрежденія является днемъ провѣрки и своего рода расплаты. Оглядываясь на свое прошлое, учрежденіе-юбиляръ устанавливаетъ общій итогъ своей дѣятельности, подсчитываетъ свой плюсъ и минусъ. Въ то-же время общество въ этотъ знаменательный день tacito modo предъявляетъ запросъ юбиляру о его жизни, о плодахъ его работы и труда. И, какъ бы отвѣчая на этотъ молчаливый запросъ общества, всякое учрежденіе ко дню своего юбилея старается познакомить его съ результатами пройденнаго періода жизни.

Въ настоящее время въ Волынскихъ епарх. вѣдом. печатается довольно обстоятельная исторія Волынской дух. семинаріи, принадлежащая перу г. Теодоровича. Располагая семинарскимъ архивомъ, г. Теодоровичъ устанавливаетъ всѣ даже мельчайшія хронологическія даты, относящіяся къ исторіи семинаріи, приводитъ списки учащихъ и учащихся, дѣластъ пространныя выписки изъ оффиціальныхъ распоряженій, относившихся къ семинаріи, и т. д. Словомъ, его исторія исчерпываетъ, такъ сказать, безъ остатка фактическую сторону дѣла. Казалось бы, можно успокоиться на той мысли, что изслѣдованіемъ г. Теодоровича начертана достаточно-полная (пусть и не слишкомъ яркая) картина прошлаго, можно было считать вопросъ о столѣтнемъ поприщѣ жизни семинаріи покончennымъ и, на ряду съ тысячью другихъ дѣлъ, сдать въ архивъ, пока къ новому юбилею какой-нибудь захолустный Пименъ, „пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ“, опять не начнетъ повѣствовать своимъ современникамъ про „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“.

Но въ томъ-то и дѣло, что всякая, такъ скажемъ, оффиціальная исторія—весь этотъ сухой перечень именъ, цифръ, повтореніе шаблонныхъ оффиціальныхъ предписаній и донесеній—многихъ едва-ли можетъ удовлетворить. Она и малоинтересна, и малопоучительна. Она не даетъ яркой, живой картины прошлаго, а только блѣдные контуры, неясныя очертанія. Мы

видимъ здѣсь всѣ внѣшнія перемѣны въ судьбахъ школы, но не видимъ самаго важнаго, близкаго, дорогого для насъ: людей, живыхъ людей въ ихъ повседневномъ быту, съ ихъ будничными радостями и печалями. Какъ имъ жилось въ этихъ мрачныхъ іезуитскихъ зданіяхъ, что они думали и чувствовали, гуляя по закоулкамъ семинарскаго сада, каковы были ихъ надежды, мечты?

Живого отклика на эти вопросы напрасно стали бы мы искать какъ въ пожелтѣлыхъ листахъ семинарскаго архива, такъ и въ изслѣдованіяхъ, основанныхъ на его данныхъ. Есть, правда, другой драгоцѣнный и, по своему обилію, неисчерпаемый источникъ, гдѣ можно почерпнуть свѣдѣнія объ этомъ: это—разсказы и воспоминанія лицъ, въ свое время составлявшихъ тотъ живой организмъ, который теперь мы обозначаемъ отвлеченнымъ понятіемъ семинаріи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ни одинъ питомецъ семинаріи не подѣлился съ читающей публикой своими воспоминаніями. Это тѣмъ болѣе жаль, что, какъ намъ хорошо извѣстно, многіе и очень многіе изъ волынскихъ священниковъ хранятъ богатѣйшій запасъ воспоминаній изъ своей семинарской жизни; по личному опыту также знаемъ, что разсказы объ этой порѣ жизни (разсказы—надобно отдать справедливость—весьма образные и оживленные) составляютъ любимую тему ихъ разговоровъ. Мы имѣли удовольствіе выслушать цѣлый рядъ повѣствованій о прежнихъ семинарскихъ порядкахъ отъ многихъ священниковъ Волыни. Рѣшаясь подѣлиться съ читателями нѣкоторыми изъ этихъ повѣствованій, мы дѣлаемъ это единственно въ той надеждѣ, что на нашъ починъ не замедлятъ откликнуться оставшіеся въ живыхъ непосредственные участники той эпохи, которую мы изображаемъ со словъ другихъ; ихъ воспоминанія, болѣе полныя и болѣе живыя, помимо непосредственнаго своего значенія, имѣли бы несомнѣнный бытовой интересъ, такъ какъ сохранили бы на память потомству не мало частныхъ, очень своеобразныхъ, подробностей прежней жизни, которыя теперь отходятъ или уже отошли, какъ говорятъ, въ область преданій.

I

Начнемъ съ маленькаго отступленія.

Экономическія условія жизни за небольшой сравнительно промежутокъ времени измѣнились почти до неузнаваемости. Спросите старожила любой мѣстности, во что, напр., обходилась жизнь лѣтъ какихъ-нибудь тридцать-сорокъ назадъ: велико будетъ ваше удивленіе при повѣсти о томъ, что рожь въ зернѣ продавалась не корцами или пудами, а прямо „засиками[1]), что капусту въ кочняхъ и огурцы никто иначе не продавалъ, какъ только возами, о продажѣ болѣе мелкими партіями—„копами[2]) или десятками—тогда и не слыхивали, такъ какъ не было ровно-стоющей денежной единицы (и возъ-то стоилъ всего нѣсколько копѣекъ!). Вообще, какъ любятъ говорить старики,—въ старину все было дешево, только деньги дороги (теперь же наоборотъ).

Жизнь духовенства тогда была поставлена такъ, что все необходимое для домашняго обихода и вообще для жизни не покупалось, а изготовлялось у себя на дому, или вообще получалось домашними средствами. Жизнь была проще, требованія скромнѣе. Жалованья еще не было; прихожане расплачивались за требы преимущественно „натурой“. Пасѣчникъ за бракъ или похороны дарилъ батюшкѣ одинъ-два улья, богатый скотоводъ приводилъ овцу или барана, а то и телку, кузнецъ обѣщалъ къ веснѣ починить бороны и оковать новымъ желѣзомъ возъ, плотникъ „презентовалъ“ нѣсколько грабель, люшенъ или пару колесъ, ткачъ приготовлялъ полотно и т. д. Кстати замѣтимъ, что обычаи эти не вывелись окончательно и доселѣ: во многихъ селахъ еще и теперь невѣста передъ бракомъ должна напрясть матушкѣ извѣстное количество „прядива“, женихъ—два-три дня молотитъ, „кумъ“ (при крещеніи)—провести день за какой-бы то

---

[1]) Засикъ—закромъ. Единицей мѣры продаваемаго хлѣба считалось то количество, которое помѣщалось въ до-верха насыпанномъ засикѣ. Само собою разумѣется, это количество опредѣлялось на глазъ. Покупщика приводили „до шихлира“, показывали засикъ и начинался торгъ („а що дасы за засикъ“?).

[2]) Копа—60 штукъ, напр. копа жита=60 сноповъ.

ни было работой „на току“ и т. д. Денегъ тогда почти не давали. Къ такому порядку приноровленъ былъ и домашній обиходъ въ священническихъ семьяхъ. Кухня освѣщалась лучиной, дрова брались изъ церковнаго лѣса (это даже дозволялось консисторской властью, которая предписывала—„не трогая вѣковыхъ деревьевъ, пользоваться буреломомъ и валежникомъ“); въ чистой половинѣ („въ покояхъ“) горѣли самодѣльныя сальныя свѣчи, чай тогда пили только „при гостяхъ“, вмѣсто винъ подавались домашнія настойки и наливки. Вообще садъ, поле и огородъ давали почти все необходимое въ жизни.

Эта же, такъ сказать, домашняя система примѣнялась и къ экономической сторонѣ воспитанія дѣтей. Отвозя сына „до шкилъ“, священникъ нагружалъ возъ всякимъ добромъ: въ основу полагался громадный мѣшокъ ржаной муки, изъ „бодни“ [1]) захватывалась не малая порція свиного сала, а затѣмъ еще прибавлялось сюда въ видѣ второстепенныхъ рессурсовъ: „торбочка“ пшена, по мѣшечку разнообразныхъ крупъ для каши и порядочная торба гречневой муки для галушекъ, небольшой „ворочекъ“ [2]) сыру и еще что нибудь, смотря по состоятельности іерея. Все это составляло „*виктъ*“. Дѣло въ томъ, что своекоштные ученики, располагаясь на частныхъ квартирахъ, платили хозяину только за помѣщеніе—и то самую малость, а за пропитаніе расплачивались готовыми припасами въ условленномъ размѣрѣ. Эта натуральная повинность и есть „*виктъ*“ (вѣроятно, отъ лат. vivo=живу). Такой порядокъ практиковался до конца 70-хъ гг.; еще и въ началѣ 80-хъ гг., нѣкоторые бѣдные причетники пробовали придерживаться старой системы разсчетовъ, болѣе удобной для нихъ, но практичныя хозяйки изгнали ее изъ употребленія, и теперь за все идетъ плата на наличныя.

Поскольку мнѣ приходилось слышать о сценахъ прощанія учениковъ съ родительскимъ домомъ, я вывелъ заключеніе, что эти сцены были полны, съ одной стороны, трогательныхъ,

---

[1]) Бодня—кадка, гдѣ хранится сало.

[2]) „Ворочекъ“—длинный, къ низу постепенно съуживающійся мѣшечекъ для творогу.

съ другой—тяжелыхъ эпизодовъ. Это въ особенности нужно сказать о тѣхъ моментахъ, когда мальчика, отрывая отъ родной семьи, впервые отправляли въ школу. Тогда сходилось чуть не все село прощаться съ „панычемъ“. „Староста“ [1]) еще съ ранняго утра („до свита“) приходилъ въ священническую усадьбу; на его попеченіи лежало—накормить и напоить лошадей въ дорогу, справить и упаковать возъ, освидѣтельствовать исправность сбруи и т. д. Если возьмемъ во вниманіе, что, напр., изъ глуши овручскаго уѣзда ѣзды въ Кременецъ будетъ нѣсколько дней, то для насъ понятна будетъ роль старосты. Весьма часто этотъ послѣдній самъ же и отвозилъ дѣтей священника въ школу; объ этомъ, впрочемъ, болѣе подробная рѣчь впереди.

Итакъ, священническій домъ наполнялся крестьянскимъ людомъ. Приходили болѣе довѣренныя у матушки женщины—„старостыха“, „ключница“, почетныя „сестрычки“, приходила какая-нибудь „удова“, за неимѣніемъ собственнаго угла проживающая въ „сосидяхъ“ и потому часто привитаемая и въ гостепріимномъ домѣ священника, приходили всѣ крестьяне, когда-либо служившіе въ наймытахъ у священника: они на своихъ закорузлыхъ рукахъ выняньчили паныча, часто потомъ брали его съ собой „на росу“ (разумѣется, контрабаднымъ способомъ—тайкомъ отъ матушки), возили на фурѣ сѣна и на возу съ копой жита и нерѣдко угощали его подзатыльниками въ случаѣ непослушанія или баловства. Но теперь все забыто, всѣхъ объединяетъ одно чувство—жалость къ панычу, котораго не радость ждетъ въ школѣ. Однимъ словомъ, сцена эта по характеру близко напоминала тѣ сцены, которыми сопровождалась разлука рекрутовъ въ доброе старое время, при 25-лѣтнемъ срокѣ службы. Бабы то и дѣло утирали слезы, мужчины были особенно серьезны и какъ бы суровы на видъ, стараясь подъ маской наружной дѣловитости и холодности скрыть, быть можетъ, тоже подступавшія къ горлу слезы. „Учитесь, панычыку“, приговаривала баба, суя тихонько въ руку

[1]) Т. е. церковный староста, наиболѣе близкое къ священническому дому лицо въ селѣ. Часто посѣщая батюшку „по должности“, староста дѣлался въ домѣ его своимъ человѣкомъ.

какой-нибудь деревенскій подарокъ, „выйдете въ люды, будете розумни, нехай вамъ Богъ допомогае!“

Пусть не думаетъ читатель, что я рисую идиллію, что такой близости между крестьянской средой и семьей священника никогда и не существовало. Поразспросите стариковъ—и вы удивитесь, до какой степени были близки и задушевны эти отношенія въ старину, и не мало пожалѣете, почему теперь стало иначе...

А что же панычъ, печальный герой дня?

Можно, думается, и не спрашивать о его чувствахъ. Одинъ престарѣлый пастырь говаривалъ мнѣ, что онъ всегда въ такихъ случаяхъ испытывалъ полное внутреннее уныніе, глубокую и страшную тоску души. Не особенно давно, лѣтъ 10 тому назадъ, мнѣ случайно пришлось присутствовать при сценѣ прощанія мальчика съ семьей. Мальчика впервые отвозили въ училище, и тяжела была ему разлука съ семьей, а семья, надобно сказать, была замѣчательно дружная, объединялась любовью и рѣдкимъ, завиднымъ согласіемъ. По старымъ традиціямъ, сначала пошли въ церковь и отслужили молебенъ. Сердобольная матушка, все время утиравшая тихія слезы, увязала нѣсколько узловъ съ домашними лакомствами. Старый и почтенный батюшка, довольно образованный и умный, хотя и понималъ, что теперешняя школа далеко уже не та, что была прежде, но все-таки болѣе обыкновеннаго былъ задумчивъ и какъ-то сдержанъ. Но особенно надрывалась младшая сестренка уѣзжавшаго, подруга дѣтства. Сборы кончены, мальчикъ уѣхалъ съ матушкой, мы остались одни. Сестренка продолжала глухо всхлипывать, отецъ мягко и любовно гладилъ ее по волосамъ. „Не плачь, доню; всимъ треба учытысь; а якже, колысь и ты поидешь до шкилъ, и мы колысь учылысь“—съ глубокимъ вздохомъ прибавилъ батюшка, смахивая непрошенную слезу.

Видно было, что не особенно радостныя воспоминанія вызвала у батюшки даже мимолетно-промелькнувшая передъ нимъ картина его школьныхъ годовъ!

II

Нисколько не слѣдуетъ удивляться тому, что въ прежнее время проводы въ школу составляли уже горе для семьи, раздѣляемое чуть не всѣмъ селомъ. Вспомнимъ, какой каторгой была для ученика жизнь въ школѣ въ эпоху старой бурсы. Возьмемъ только одну сторону дѣла, наиболѣе, такъ сказать, обиходную и повседневную: какъ кормили тогда учениковъ. Не дай Богъ! Меню было самое однообразное: борщъ и каша (кажется, оно оказалось наиболѣе устойчивымъ явленіемъ въ семинаріи, такъ какъ, по разсказамъ, удержалось даже до конца 80-хъ г.г.). Мясо для семинарскаго стола привозилось то, котораго за негодностью никто изъ обывателей не хотѣлъ брать для себя. Въ составѣ веществъ, изъ которыхъ приготовлялась каша, равноправную роль имѣли два основныхъ элемента: крупа и мышиный пометъ. По разсказамъ, этотъ послѣдній съ теченіемъ лѣтъ попадался въ прогрессивно-уменьшающейся дозѣ, и теперь, надо полагать, примѣненіе его въ качествѣ пищеваго продукта для семинаристовъ упало до minimum'а. „Хлѣбъ насущный“ отпускался въ строго-ограниченномъ количествѣ, и во время обѣда ученикъ старался ѣсть съ разсчетомъ—такъ, чтобы съэкономить изъ положеннаго предъ нимъ „пайка“ (ломоть хлѣба) сколько возможно, надѣясь—если не утолить, то хоть немного заглушить голодъ вечеркомъ, когда отъ обѣда осталось только воспоминаніе (не особенно, впрочемъ, прекрасное), а до ужина оставалось ждать долго—томительно долго!

Порядокъ и внѣшняя обстановка обѣда были таковы. Приборъ состоялъ изъ тарелки и ложки; вилка появляется во времена сравнительно недавнія. Ножъ полагался одинъ на четырехъ человѣкъ. Суповая чашка ставилась одна для четырехъ, и ученики хлебали горячее прямо изъ чашки, не наливая въ тарелки, потому что большинству подавались мелкія. Затѣмъ, раньше другихъ покончившій съ первымъ блюдомъ бралъ изъ чашки микроскопическую порцію мяса, разрѣзалъ его въ своей тарелкѣ на маленькіе кусочки и, посыпавъ солью, ставилъ посерединѣ; компанія принималась за мясо, котораго приходилось

кусочка по 3—4 на ротъ. Наконецъ, выдвигалась на середину чашка съ совершенно застывшей кашей, скупо политой саломъ, и всѣ дружно размѣшивали ее ложками. Каша считалась какъ бы тонкимъ, особенно лакомымъ блюдомъ, и подавали ее въ размѣрахъ до смѣшнаго малыхъ—„якъ для слабóго“, какъ острили бурсаки. Такимъ образомъ, ученику поневолѣ приходилось налегать на борщъ, котораго подавали, сколько угодно („килько влизе“); отработавши чашку, ученики всегда требовали „прычынки“ (przyczynek—добавленіе); служитель отправлялся съ опустѣвшей чашкой въ буфетъ, наливалъ деревяннымъ ковшемъ изъ громадной деревянной кадки, въ которой приносили борщъ изъ кухни, и возвращался въ столовую. Кстати о буфетѣ: это громкое названіе носила небольшая канурка, помѣщавшаяся въ сосѣдствѣ со столовой. Тамъ всегда стоялъ такой вонючій, удушливый воздухъ, что хоть носъ затыкай.

Описанный порядокъ сохранялся до конца 80-хъ г.г.

Какъ были приготовлены эти „блюда“—предоставляемъ догадываться читателю. Бывшіе питомцы семинаріи безъ ужаса не могутъ припомнить нѣкоторыхъ подробностей изъ этой области, доминировавшей въ ряду невзгодъ, которыми были окружены ихъ отроческіе годы. Такъ, въ кашѣ очень часто попадались уголья; предпринятыми въ одно время розысками было выяснено, что эта посторонняя примѣсь появилась вслѣдствіе привычки кашевара однимъ и тѣмъ же „ожугомъ“ (длинный шестъ) мѣшать и кашу въ котелкѣ, и огонь въ печкѣ. Было очень много и другихъ курьезовъ, о которыхъ „не лѣть есть и глаголати“.

Малое количество пищи послужило причиной къ развитію въ ученической средѣ спеціальнаго искусства—въ возможно короткое время съѣдать возможно больше. Очень часто при характеристикѣ кого-либо изъ бывшихъ питомцевъ семинаріи, въ числѣ прочихъ свойствъ его, вамъ мимоходомъ укажутъ, что онъ съ необыкновеннымъ умѣньемъ „хапавъ галушки“ и „ловывъ шкварки“, т. е. доводилъ свои манипуляціи при процессѣ насыщенія до изумительной быстроты и ловкости. Конечно, развитіе мало благородной конкуренціи въ этой области составляетъ черту весьма неприглядную, но едва ли кто рѣшится бросить

камень осужденія въ самихъ же семинаристовъ: не ихъ вина, что кормили впроголодь, а вѣдь голодъ—не тетка!

Нечего и говорить, что при такомъ столѣ у бурсаковъ бывала на строгомъ счету всякая мало-мальски съѣдобная вещь. Не трудно также представить, какой праздникъ составляла присылка изъ дому хоть нѣкотораго количества припасовъ. Наѣсться до-сыта—это была такая рѣдкость, что составляла въ теченіе трети года, такъ сказать, эру.

Не многимъ лучше было положеніе этого дѣла и на квартирахъ. Правда, тамъ, гдѣ пища приготовлялась на 15—20 человѣкъ (а не на 300—400), была хоть маленькая гарантія за то, что будетъ сытнѣе и чище; но этими качествами квартирный столъ могъ похвастать только въ сравненіи съ столомъ бурсацкимъ—и именно только съ нимъ однимъ. Однако, простая и годная лишь на неприхотливый вкусъ квартирная пища составляла для своекоштнаго ученика предметъ нѣкоторой гордости, а для бурсака—предметъ скрытой зависти. Любопытно, что на этой почвѣ часто возникала ожесточенная полемика на тему, кому хуже живется, и ни одна сторона не хотѣла сдаться. Квартирные при всякомъ удобномъ случаѣ издѣвались надъ бурсакомъ и высокомѣрно указывали, что онъ, подобно евангельскому блудному сыну, принужденъ питаться „отъ рожецъ, яже ядяху свинія". Это задѣвало бурсаковъ за-живое; они отвѣчали аллегоріей о бревнѣ и сучкѣ, а для большей убѣдительности составили шутливую пѣсеньку, начинавшуюся словами:

Квартерники з мервами (?)[1]
Зъили суку зъ червами...

Долгъ безпристрастія требуетъ сказать, что перевѣсъ въ этомъ вопросѣ если не качественный, то хоть количественный, былъ все-таки на сторонѣ квартирныхъ. Послѣдніе иногда приносили съ собою въ классъ по краюхѣ хлѣба на завтракъ—

[1]) Затрудняемся сказать, какой смыслъ можетъ имѣть это слово въ данномъ стихѣ. „Мерва" значитъ навозъ. По всей вѣроятности, беззаботная молодость не столько хлопотала о точномъ смыслѣ стиха, сколько объ остротѣ и язвительности укола, адресованнаго самолюбію „квартерникивъ", и потому для рифмы ввела это неблаговонное слово помимо заботъ о грамматическомъ и логическомъ смыслѣ.

роскошь, о которой бурсакъ не смѣлъ и помышлять. Кромѣ того, нужно замѣтить, что среди квартирныхъ попадались дѣти сравнительно достаточныхъ родителей. Эти были почти всегда сыты, нерѣдко изъ доброты сердца доставляли пропитаніе пріятелямъ изъ бурсаковъ, а также, въ случаѣ незнанія урока, дарили съѣдобную взятку своему авдитору, который не безъ страха за собственную спину ставилъ въ нотатѣ „scit“ противъ фамиліи богача-кліента.

Даже въ послѣдующія времена, когда обще-семинарская нищета начала утрачивать острый характеръ, сохранились нѣкоторые квартирные порядки, тѣсная связь которыхъ съ отдаленной стариной несомнѣнна. Такъ, въ Кременцѣ одна изъ квартиръ долгое время носила остроумное и, какъ увидимъ, вполнѣ подходящее названіе „Спарты“. Тамъ царили очень суровые порядки, такъ что дѣйствительно бытъ ея насельниковъ приближался къ извѣстному гражданскому строю этой древней республики. Зимой, напр., тамъ не топили. Юношество, населявшее „Спарту“, почему-то вмѣняло себѣ въ обязанность круглый годъ не носить теплой одежды: и всѣ были свидѣтелями, что спартанцы въ самые жестокіе морозы щеголяли только въ сюртукахъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обитатели Спарты превзошли въ стоицизмѣ гражданъ древней республики и взяли въ руководство для жизненнаго обихода чуть ли не самый строгій монастырскій уставъ, именно: вмѣсто знаменитой спартанской похлебки, они ограничивали все пропитаніе сухоястіемъ. Каждый обитатель привозилъ съ собой изъ дому мѣшокъ хлѣба или сухарей и изрядную „торбыну“ сала. Что касается горячей пищи, то ее употребляли въ видѣ исключенія, въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Съ паденіемъ натуральной системы содержанія учениковъ, стала распространяться особая форма квартирной жизни, которую меткій школьный языкъ окрестилъ выраженіемъ—„жизнь на разсчетахъ“. Это обозначаетъ вотъ-что. Двое-трое семинаристовъ снимали „чердакъ“—миньятюрную комнату, расположенную въ пространствѣ надъ потолкомъ и подъ крышей. За этотъ уголокъ съ самоваромъ платить нужно по полтора-два

рубля съ человѣка. Затѣмъ компанія нанимала обѣдъ рублей въ шесть—это называлось „поль-порціи", т. е. на половину меньше, чѣмъ полагается для нормальнаго питанія человѣка. Ужинъ и завтракъ при жизни на разсчетахъ изгоняются изъ обихода вовсе, какъ ненужная роскошь. При такой системѣ ученикъ ухитрялся прожить въ мѣсяцъ рублей на 9—10. „Жизнь на разсчетахъ" возникла въ прямой зависимости отъ развитія высокихъ цѣнъ за содержаніе на квартирахъ. За полный пансіонъ квартирныя хозяйки установили цѣну 13—15 рублей въ мѣсяцъ. Если священнику (ужъ о причетникахъ и не говоримъ) приходилось воспитывать двухъ сыновей разомъ, то роковой вопросъ о средствахъ могъ быть разрѣшенъ только путемъ того своеобразнаго компромисса между требованіями человѣческой натуры и тощимъ карманомъ, какой изобрѣли сами семинаристы въ формѣ жизни на разсчетахъ. Регулярный расходъ по 30 рублей въ мѣсяцъ (кромѣ одежи) могъ выносить карманъ не особенно большого количества священниковъ, занимающихъ хорошіе приходы. Дѣтямъ большинства духовенства ничего другого и не оставалось, какъ урѣзать свои потребности касательно пищи, воздуха и нѣкоторыхъ другихъ жизненныхъ удобствъ. Случается, впрочемъ, что и дѣти достаточныхъ родителей предпочитаютъ форму жизни на разсчетахъ, соблазняясь большей свободой и самостоятельностью; но въ этихъ случаяхъ жизнь на разсчетахъ, конечно, только звукъ пустой: она влетаетъ папенькѣ въ гораздо большую сумму, чѣмъ обошлась бы при обыкновенномъ порядкѣ.

III

Итакъ, сурова и неприглядна была внѣшняя обстановка, среди которой текли лучшіе годы духовнаго воспитанника въ былое время; и кто, какъ не онъ, могъ съ наибольшимъ правомъ сказать о себѣ, что въ удѣлъ ему досталась тяжелая школа. Общій фонъ картины останется неизмѣннымъ, нисколько не прояснится, если мы обратимъ вниманіе на постановку того существеннаго дѣла, въ исполненіи котораго лежало главное

и прямое назначеніе семинаріи, какъ учебно-воспитательнаго заведенія. И здѣсь все носило такой же мрачный, удручающій характеръ. Если пища для желудка была, какъ мы видѣли, скудна и грязна, то пища для ума была неудобоварима и малопитательна; она почти не давала питательныхъ соковъ духовному организму воспитанника, не претворялась въ плоть и кровь его, а ложилась въ умѣ его толстыми комьями, къ тому же она была прямо противна ученику, такъ какъ въ старыя времена, по какому-то печальному недоразумѣнію ее находили нужнымъ приправлять острымъ перцемъ въ видѣ лозы. Нравственная атмосфера, въ которой вращался ученикъ, была затхлая, удушливая. Мораль, лежавшая въ основѣ воспитанія, была такой низкопробной цѣнности, что на самодовлѣющую убѣдительность ея никто и не надѣялся, а потому старались сообщить ей внѣшнюю доказательность извѣстнымъ числомъ ударовъ—въ размѣрѣ, опредѣляемомъ самодуромъ-начальникомъ. Словомъ, и въ сферѣ образованія, и въ сферѣ воспитанія высшимъ и объединяющимъ началомъ была порка.

Касаясь этой особенности прежней школы, старики-священники не любятъ останавливаться на подробностяхъ; обычная словоохотливость въ данномъ случаѣ переходитъ въ отрывистую рѣчь; очень часто весь разсказъ состоитъ изъ одной внушительной фразы, въ которой выливается вся горечь былой школьной жестокости: „а щожъ, былы колысь, крипко былы... О, былы, та ще й якъ былы!...“ Въ этомъ лаконизмѣ рѣчи всего лучше обрисовывается тотъ школьный терроръ, который господствовалъ въ старину. Слѣдуя благому примѣру разсказчиковъ, не станемъ бередить эту рану и ограничимся общими замѣчаніями.

Система тѣлесныхъ наказаній имѣла градаціи, и высшую ступень ея составляли розги. Единичныя формы были по большей части шаблонными; впрочемъ, находились виртуозы, которые изощрялись въ изобрѣтеніи чего-нибудь новенькаго, что особенно было бы досадительно наказуемому. Такъ, одинъ изъ педагоговъ практиковалъ такую форму своего изобрѣтенія: билъ ученика по лбу суставами пальцевъ, а чтобы удары не причиняли боли самому, онъ покрывалъ ихъ толстымъ слоемъ воску, который

затвердѣвалъ и придавалъ удару остроту и силу. Выходило какъ нельзя лучше!

Учебное дѣло было поставлено на началахъ примитивныхъ и несложныхъ. Громадное количество времени непроизводительно тратилось на переписку лекцій (учебниковъ тогда почти не было). При требованіи „отъ сихъ до сихъ поръ“ ученику мало приходилось вникать въ смыслъ изучаемаго, и весь трудъ сводился къ тому, чтобы механически запомнить связь словъ и отдѣльныхъ реченій. Многіе преподаватели тогдашняго времени такъ и спрашивали: Имярекъ, отвѣчай съ „изъ соблюденныхъ въ церкви“. Вслѣдствіе этого ученикамъ приходилось упражняться въ искусствѣ—по первымъ словамъ фразы угадывать, о чемъ идетъ рѣчь и какъ продолжать. Подзубривши въ такомъ направленіи урокъ, ученикъ приходилъ къ товарищу и просилъ: „зарвы мене“. Это значило—предложить нѣсколько вопросовъ въ формѣ двухъ-трехъ первыхъ словъ любой фразы и по тетради наблюдать буквальную точность передачи. Если ученикъ могъ безъ затрудненія „паляты дальше“ (т. е. выпаливать дальнѣйшія фразы), то онъ вполнѣ успокаивался въ томъ сознаніи, что урокъ выученъ хорошо.

Особенностью старой духовной школы было полное отсутствіе воспитанія. Если, благодаря немногимъ выдающимся личностямъ изъ среды преподавателей, въ голову ученика иногда заронялись сѣмена истины, то сердце, чувство оставалось стихіей (какъ говорится въ одномъ семинарскомъ учебникѣ по психологіи) совершенно неупорядоченной, было почвой окончательно заброшенной, для воздѣлыванія которой никто не прилагалъ никакихъ усилій и заботъ. И удивительно ли, что на этой почвѣ могли произрастать только тернія и волчцы! Откуда могла, въ самомъ дѣлѣ, явиться у бурсака облагороженность вкусовъ и привычекъ, когда вся система начальственныхъ отношеній тогдашняго времени была построена на принципѣ, что „ты еси червь, а не человѣкъ?“. Смиреніе и безгласность считались высшимъ украшеніемъ человѣка, и къ узаконенію этихъ похвальныхъ качествъ направлены были всѣ усилія начальствующихъ. На рубежѣ дореформенной эпохи во главѣ волынской семинаріи стоялъ ректоръ-архимандритъ, у котораго обычной

формой обращенія къ ученику было: „и—и, ты, скотина!“ Слова эти произносились, надобно прибавить, крайне брезгливымъ и презрительнымъ тономъ.

И вотъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ этой долгой системы создался такъ знакомый типъ дореформеннаго бурсака, который глядитъ на своего начальника исподлобья, держитъ предъ его лицомъ всѣ свои душевные порывы подъ крѣпкимъ замкомъ недовѣрія и молчанія, считаетъ высшимъ своимъ наслажденіемъ устроить ему какую ни есть пакость, и чѣмъ оскорбительнѣе она, чѣмъ больнѣе задѣваетъ самолюбіе начальника, тѣмъ довольнѣе ученикъ, тѣмъ большее сердечное удовольствіе испытываетъ онъ. Однимъ словомъ, начальствующіе и подчиненные составляли двѣ непримиримо-враждебныя и вѣчно воюющія между собою стороны, и отсюда создавалась печальная путаница понятій и общихъ нравственныхъ правилъ: честность была условная, обманъ признавался добродѣтелью, ловкое надувательство вмѣнялось прямо въ заслугу, а начальство съ своей стороны поощряло наушничество, при розыскѣ „преступниковъ“ практиковало пытку въ малыхъ, конечно, размѣрахъ и т. д. И, кажется, еще нескоро исчезнутъ слѣды того нравственнаго зла, которое нанесено духовной школѣ старой постановкой воспитательныхъ началъ.

При тщательномъ устраненіи всѣхъ элементовъ, которые даютъ доброе направленіе лучшимъ сторонамъ человѣческой природы, семинаристы, естественно, грубѣли, низшіе инстинкты получали широкій просторъ. Грубы были внѣклассныя забавы учениковъ, а потѣхи носили иногда безчеловѣчный характеръ. Даже человѣку съ крѣпкими нервами не безъ содроганія можно выслушать разсказы о нѣкоторыхъ фактахъ въ этомъ родѣ изъ прошлой семинарской жизни. Для примѣра разскажемъ такой случай.

Въ прежнее время семинарская больница помѣщалась во флигелѣ, который нѣкогда былъ оранжереей ботаническаго сада; флигель этотъ (недавно, кажется, разобранный), стоялъ въ отдаленной, глухой части сада, вдали отъ главныхъ корпусовъ. Однажды, весенней порою, померъ одинъ ученикъ. По доброму семинарскому обычаю товарищи покойника установили между собою

очередь, чтобы безпрерывно читать псалтырь. Случилось, что ночью выпала очередь читать ученику, котораго товарищи заподозривали въ боязни покойниковъ (чертѣ, по семинарскому кодексу морали, очень позорной). Погруженный въ отправленіе своей обязанности, читавшій и не замѣтилъ, какъ товарищи повышли, и онъ остался одинъ-на-одинъ съ покойникомъ. Конечно, нервы стали напряженно-чуткими, и чтецъ время отъ времени, отрывая глаза отъ книги, взглядывалъ на лицо покойника. И вотъ чудится ему въ тиши ночной, что покойникъ сдѣлалъ какъ бы небольшое движеніе пальцемъ. Чтеніе было пріостановлено и помертвѣвшій отъ ужаса чтецъ впился глазами въ трупъ. Да, это несомнѣнно такъ, ибо покойникъ снова уже явственно шевельнулъ пальцемъ, и даже рука его какъ-бы дрогнула. Читавшій вскрикнулъ не своимъ голосомъ и замертво повалился на полъ. Оказалось же ни больше—ни меньше, какъ только то, что товарищи вздумали сыграть забавную шутку: зная нервность ночного очереднаго, они привязали къ пальцу покойника длинную крѣпкую нитку, протянули ее черезъ открытое окно (дѣло, какъ мы упомянули было весной), и ночью, вышедши одинъ за другимъ въ садъ, начали подергивать за нитку, не безъ удовольствія ожидая, какой эффектъ произведетъ эта потѣха. И эффектъ получился полный! [1]).

Вообще суровость тогдашнихъ порядковъ ожесточала учениковъ; видя жестокость со всѣхъ сторонъ, ученикъ невольно и самъ дѣлался жестокимъ, изливая невымещенное чувство обиды на своемъ же младшемъ и болѣе слабомъ собратѣ. Богословъ V-VI кл., воспринимая въ урочное время не совсѣмъ пріятныя

---

[1]) Впослѣдствіи больница переведена была въ другой флигель—направо при входѣ въ семинарскій садъ. Этотъ флигель расположенъ какъ разъ противъ средняго корпуса, гдѣ были спальни первыхъ трехъ классовъ. При этомъ покойницкая помѣщалась въ комнатѣ, окна которой приходились vis-a-vis съ окнами спальни. Когда въ семинаріи умиралъ ученикъ, и его помѣщали въ покойницкой, то на стѣнѣ спальни противъ окна, расположеннаго вровень съ окномъ покойницкой, ночью ярко и отчетливо вырисовывалась мрачная картина катафалка и острый профиль покойника (въ спальнѣ, надобно замѣтить, огонь всегда былъ затушенъ). Конечно, тому ученику, кровать котораго стояла у стѣны съ отблескомъ столь зловѣщей картины, спалось не особенно крѣпко, да и всѣмъ его сосѣдямъ тоже.

послѣдствія отъ вспышекъ начальственнаго гнѣва, въ другіе часы не давалъ спуску первому попадавшемуся подъ сердитую руку ритору. А послѣдній безропотно сносилъ обиду въ глубокой увѣренности, что это такъ ужъ самимъ Богомъ установлено, и надѣясь по достиженіи званія богослова наверстать свое.

Однако, было бы большой несправедливостью думать, что сердце питомцевъ старой бурсы окончательно превращалось въ камень, что грубые инстинкты безъ остатка заглушали въ душѣ все доброе и хорошее. Школьные годы для бурсака были временемъ только нравственной летаргіи, но никакъ не полной смерти. Гдѣ-то глубоко-глубоко, въ самыхъ недосягаемыхъ тайникахъ своей души бурсакъ хранилъ слабо тлѣвшую искру добра. Она только заглушалась отчасти подъ ледянымъ вліяніемъ суроваго начальства, отчасти—подъ вліяніемъ общей атмосферы семинарской, которая не отдавала никакого простора проявленію добрыхъ чувствъ. По старо-семинарскимъ понятіямъ, сердечность, всякая теплота души, жалостливость—всѣ эти и подобныя качества недостойны мущины. Поэтому мальчуганъ, привязанный къ семьѣ и сильно горевавшій въ разлукѣ съ нею—особенно въ первые дни послѣ пріѣзда изъ родного дома, глубоко пряталъ свои слезы, стыдясь даже самого себя, и не прочь былъ подтрунить надъ другимъ, подобно ему чувствительнымъ ученикомъ, если у того горе прорывалось наружу.

Но оканчивались годы школьной жизни, семинаристъ выходилъ на свободу, заканчивалась зависимость его отъ суроваго и бездушнаго начальства, отъ сухой и холодной атмосферы семинарской жизни—и въ немъ быстро просыпался человѣкъ, выступали наружу добрыя сѣмена, зароненныя любящимъ словомъ матери и напитанныя теплымъ вліяніемъ семейной обстановки. Затѣмъ семинаристъ получалъ приходъ, самъ становился супругомъ и отцомъ, и бурсакъ исчезалъ. Человѣкъ какъ бы перерождался. Безошибочно можно утверждать, что тогдашняя школа задерживала нравственный ростъ человѣка, но по выходѣ изъ нея въ большинствѣ случаевъ добрыя наклонности получали полное преобладаніе—и въ результатѣ мы имѣемъ лучшій типъ волынскаго пастыря 60-хъ г.г., дѣятельность котораго всегда была

освящена извѣстной идеей. Теперь такіе пастыри встрѣчаются все рѣже и рѣже: ихъ замѣняетъ неизвѣстно подъ какими вліяніями создавшійся типъ въ самоновѣйшемъ вкусѣ, на который невозможно глядѣть безъ печали и воздыханія. Не рѣдкость теперь встрѣтить безусаго мальчика, еле соскочившаго со скамейки, свысока и пренебрежительно, а то и злобно трактующаго о своемъ прихожанинѣ—„мужикѣ, пьяницѣ и негодяѣ“, ограничивающаго свои отношенія къ нему единственно экономической сферой и заботящагося только объ „извлеченіи доходовъ“...

Но мы отвлеклись нѣсколько въ сторону.

Какъ ни суровы были начальники и даже преподаватели въ былое время, однако и среди нихъ попадались въ видѣ, правда, очень рѣдкаго исключенія люди, имя которыхъ не только не было грозой для ученика, а наоборотъ—являлось синонимомъ забавы, потѣхи или, если хотите, каррикатуры. Таковы были личности мягкія по характеру, но недалекія по уму. Снисходительность въ отношеніяхъ къ питомцамъ могла пройти безнаказанною для преподавателя въ томъ лишь случаѣ, если эта невиданная черта уравновѣшивалась столь цѣннымъ въ глазахъ учениковъ авторитетомъ ума и знанія. Если же преподаватель не успѣвалъ пріобрѣсти уваженія „класса“ и въ то же время давалъ рядъ поблажекъ разнузданной школьной толпѣ, то онъ становился мученикомъ своей профессіи, игралъ незавидную роль Макара, на котораго всѣ шишки валятся. Злопамятная бурса (не къ чести ея нужно сказать) вымещала на такомъ преподавателѣ всю злобу, всю ненависть, которая таилась по отношенію къ своимъ угнетателямъ. Разсказываютъ объ одномъ такомъ преподавателѣ математическихъ наукъ, что ученики, не стѣсняясь, награждали его щелчками въ темя, сыпали песокъ за воротъ, рисовали мѣломъ на спинѣ и вообще продѣлывали всякія пакости (а порядокъ—надобно сказать—у этого учителя бывалъ такой, что всѣмъ дозволялось не сидѣть во время урока за партами, а для болѣе внимательнаго наблюденія окружать классную доску). Шумъ и гамъ въ классѣ стоялъ невообразимый. Если случалось, что урокъ посѣтитъ ректоръ или другое начальство и въ классѣ водворится тишина, учитель (кстати ска-

зать—недурной математикъ) путался въ объясненіи урока и только безпомощно поводилъ вокругъ глазами: да что же, молъ, не слышно тѣхъ криковъ, подъ шумокъ которыхъ рѣчь у него текла такъ плавно?—Кстати можно припомнить, что и въ болѣе близкое къ намъ время былъ учитель духовнаго сана, котораго ученики гладили по брюху и въ видѣ особаго комплимента выражали восхищеніе при видѣ увѣсистыхъ размѣровъ его монашеской утробы. При входѣ въ классъ его встрѣчали дружнымъ пѣніемъ стихиры „отъ востокъ солнца на западъ“, затѣмъ одинъ изъ учениковъ самъ вызывался „поразить“ его своими свѣдѣніями въ области классической филологіи, но скоро эта скучная матерія оставлялась, и на сцену выступали наиболѣе пикантные разсказы изъ миѳологіи, при которыхъ весь классъ дружно покатывался со смѣху. Не смѣяться при этомъ вмѣнялось въ великое преступленіе (учитель былъ самолюбивъ), и неисправный могъ поплатиться единицей и даже впасть въ вѣчную немилость, что, конечно, было совсѣмъ невыгодно.

IV

Коснувшись преподавательской среды, мы не можемъ пройти молчаніемъ одной величавой, нѣсколько загадочной фигуры преподавателя, имя котораго въ глазахъ учениковъ было окружено ореоломъ самаго высокаго почтенія, почти благоговѣнія. Изъ ряда воспитавшагося въ семинаріи при этомъ учителѣ поколѣнія, по всей вѣроятности, не найдется человѣка, который бы не преклонился предъ этой замѣчательной личностью, стоявшей цѣлой головой выше окружавшей среды. Мы говоримъ объ Андреѣ Ѳедоровичѣ Артемоновичѣ. Некрологъ г. Теодоровича, помѣщенный въ мѣстныхъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, не даетъ надлежащаго представленія объ этомъ оригинальномъ учителѣ, обаятельная личность котораго яркимъ свѣтомъ выдѣлялась на тускломъ фонѣ не только семинарской жизни, но всего вообще сѣренькаго быта глухой провинціи. Особенно курьезны слова г. Теодоровича, которыми онъ пытается объяснить не совсѣмъ шаблонный складъ характера и жизни покойнаго Артемоновича:

испытавъ крупную непріятность на послѣднемъ курсѣ академіи, Андрей Ѳедоровичъ сталъ яко бы не въ мѣру хандрить—и этой молъ хандрой объясняется его чудаковатось. Всякій, кто хоть немного зналъ Артемоновича, согласится, что не таковъ это былъ человѣкъ, чтобы придавать хоть малое значеніе какой-нибудь личной непріятности, а тѣмъ болѣе—сокрушаться о ней втеченіе всей жизни.

Первое, что поражало въ Артемоновичѣ, это была необыкновенная мощь и гибкость ума. Всякому вопросу, всякой философской или научной проблеммѣ Артемоновичъ придавалъ такую оригинальную постановку, что даже заснувшій сномъ безпробудной лѣни бурсакъ „камчатки“ невольно навастривалъ уши и съ полусознательнымъ восторгомъ всматривался въ глубокую перспективу мысли, которую открывалъ предъ нимъ могучій умъ Артемоновича. Можно безошибочно утверждать, что не совсѣмъ заурядные уроки Артемоновича приносили больше пользы въ смыслѣ развитія ума, расширенія умственнаго кругозора, чѣмъ весь семинарскій курсъ.

А уроки этого учителя были дѣйствительно оригинальны. Преподавая въ послѣднее время греческій языкъ (раньше онъ занималъ каѳедру философскихъ предметовъ, что больше соотвѣтствовало его вкусамъ), Артемоновичъ по поводу любой фразы классика—а особенно такой, которая затрагиваетъ общіе вопросы онтологіи или космологіи (чего—кстати замѣтить—у греческихъ классиковъ не занимать стать)—вызывалъ отвѣчавшаго на самостоятельныя разсужденія, которыя незамѣтно переходили въ своего рода диспутъ (поскольку это можно сказать о неравномѣрныхъ силахъ споривших). Надобно сказать при этомъ, что семинаристы до страсти любятъ словопреніе и всякія головоломки. Цѣпляясь слово-за-слово, Артемоновичъ скоро выводилъ отвѣчавшаго на широкую дорогу философскихъ представленій о какомъ-нибудь коренномъ вопросѣ бытія, который свободно трактовался до конца урока. По большой части было такъ, что преподаватель являлся нападающей стороной, ученикъ—защищающейся. При этомъ ученикъ, конечно, трактовалъ вопросъ съ точки зрѣнія традиціонныхъ представленій, Артемоновичъ вно-

силъ струю свѣжей, яркой, свободной мысли. Весь классъ, затаивъ дыханіе, внималъ этой словесной борьбѣ, открывавшей необъятные горизонты мысли. Нужно еще сказать, что рѣчь Артемоновича, вообще мѣткая и острая, носила нѣсколько насмѣшливый характеръ (строго-безобидный, впрочемъ, въ отношеніи къ личности отвѣчавшаго), и эта легкая, едва уловимая тѣнь сарказма надъ шаблоннымъ теченіемъ человѣческой мысли заставляла ученика сильнѣе напрягать свой умъ, задѣвала въ немъ струну благороднаго самолюбія (не совсѣмъ же, молъ, дуракъ я, въ самомъ дѣлѣ!), побуждала тонко вглядываться въ детали вопроса. А Андрей Ѳедоровичъ съ своей неизмѣнной полу-улыбкой спокойно выслушивалъ младенческо-философскій лепетъ четвертоклассника и часто однимъ мѣткимъ скептическимъ словомъ разрушалъ слабое, какъ карточный домикъ, логическое хитросплетеніе своего юнаго оппонента. И бой возгорался снова... Можно себѣ представить, какъ радовалось сердце преподавателя всякому удачному обороту рѣчи своего совопросника, какъ восторгался онъ при всякой мысли, носившей, хоть тѣнь оригинальности. А наружу и вида не покажетъ. Очень часто отвѣчавшій ученикъ не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ, думалъ надъ затронутыми вопросами остатокъ дня, свободный отъ уроковъ, взвѣшивалъ доводы за и противъ и на другой урокъ уже первый бросалъ Андрею Ѳедоровичу перчатку словеснаго поединка, который велся съ новымъ оживленіемъ, что давало возможность учителю съ большими подробностями, съ большей широтой раскрыть извѣстную идею.

Таковъ былъ Андрей Ѳедоровичъ на каѳедрѣ.

Въ частной жизни это былъ оригиналъ, но никакъ не чудакъ. Не считая себя, впрочемъ, вправѣ касаться личной жизни человѣка, хотя бы онъ и близко стоялъ къ школѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь, замѣтимъ только, что въ оригинальномъ складѣ частной жизни Андрея Ѳедоровича не было какихъ-нибудь пикантныхъ подробностей, которыхъ читатель привыкъ ожидать при описаніи жизни оригиналовъ. Скромный и воздержный, Андрей Ѳедоровичъ посвящалъ все свободное время изученію восточныхъ языковъ, которые онъ любилъ до страсти и которые зналъ въ такомъ

количествѣ и съ такою основательностью, что, по справедливому замѣчанію писавшаго некрологъ, г. Теодоровича, могъ служить украшеніемъ спеціальнаго высшаго учебнаго заведенія. Наиболѣе оригинальною (по обычнымъ понятіямъ) чертою домашней жизни его было полное пренебреженіе къ денежнымъ разсчетамъ: къ этой сторонѣ, не по примѣру прочихъ, Артемоновичъ относился съ такою беззаботностью, что, проживъ до старости холостякомъ въ самой скромной обстановкѣ, умеръ чуть не въ бѣдности: прахъ его облекли въ казенное семинарское бѣлье, похоронили по подпискѣ. За то не мало кременецкихъ бѣдняковъ со слезами провожали этого безсребренника къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія.

Что таилось въ глубинѣ души этой недюжинной личности, противъ воли втиснутой въ узкія рамки, гдѣ такъ мало было простора широкому полету ея ума? На этотъ вопросъ едва-ли кто и можетъ дать отвѣтъ. Друзей у Андрея Федоровича не было, едва-ли онъ и могъ найти себѣ друга въ окружавшей его средѣ. Хотя среди товарищей по службѣ встрѣчались люди умные и съ широкимъ образованіемъ, но не было человѣка, для котораго постоянный процессъ мысли, постоянное углубленіе въ область отвлеченныхъ вопросовъ, совсѣмъ далекихъ отъ Кременца и семинаріи, составляли бы настолько насущную потребность, что безъ удовлетворенія ея и жизнь потеряла бы смыслъ. На другой почвѣ дружба у Андрея Ѳедоровича не могла возрасти, потому что онъ отнюдь не принадлежалъ къ разряду слабодушныхъ людей, чувствующихъ потребность поплакаться на невзгоды и получить утѣшеніе въ сердобольномъ сочувствіи (пускай и притворномъ) того же „слабняка“, вообще—изнемогающихъ среди мелочей повседневной жизни и ищущихъ поддержки друга. Для него не было надобности этого дѣлать, потому что онъ стоялъ выше этихъ мелочей, даже больше—онъ былъ совсѣмъ непричастенъ имъ. А если имъ и овладѣвала скорбь—тяжелая скорбь мысли, глубокая тоска Фауста, пришедшаго къ выводу, что „ни знанья нѣтъ, ни вѣры нѣтъ во мнѣ“, то предъ кѣмъ онъ могъ излить эту скорбь, на кого могъ опереться въ своемъ необъятномъ отчаяніи, которое для другихъ, пожалуй, показалось бы

непонятнымъ, страннымъ, безцѣльнымъ? Вообще, Андрей Ѳедоровичъ, по нашему мнѣнію, принадлежалъ къ числу тѣхъ самородныхъ характеровъ, которые не столько могутъ быть понятны, сколько угадываемы.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько дополнительныхъ штриховъ.

Какъ преподаватель, Аретмоновичъ никому изъ своихъ учениковъ не дѣлалъ зла столь знаменитой въ исторіи (и столь печальной въ современной практикѣ) русской школы „двойкой". Онъ не имѣлъ привычки ставить меньше „трехъ"—и было бы грѣхомъ сказать, что его предметъ знали хуже другихъ (если ужъ придавать хоть какое нибудь значеніе столь ничтожному—по сравненію съ общей пользой его уроковъ—обстоятельству). Зная, что оффиціальная сторона преподаванія греческаго языка (да, пожалуй, и другихъ предметовъ) никому особенной пользы не приноситъ, онъ не придавалъ особеннаго значенія и экзаменамъ: на послѣднихъ онъ всегда „спасалъ" тѣхъ учениковъ, которые выходили къ столу въ глубокомъ смиреніи, основанномъ на скудости своихъ знаній, и приступали къ отвѣту съ трепетомъ, какъ внутреннимъ, такъ и наружнымъ. Такъ Андрей Ѳедоровичъ поступалъ на своемъ экзаменѣ, неизмѣннымъ же онъ оставался и на другихъ, гдѣ ему приходилось присутствовать въ качествѣ „ассистента" (т. е. члена экзаменаціонной коммиссіи). „А какой это аористъ, господинъ?"—вопрошалъ, бывало, Артемоновичъ, вознося два широкоразставленныхъ пальца чуть не къ самому носу экзаменовавшагося, чтобы помутившіеся глаза его какъ-нибудь ненарокомъ не впали въ ошибку. „Второй"—ободрившись отвѣчаетъ ученикъ. „О, да вы отлично знаете; ступайте на мѣсто"—давалъ резолюцію Артемоновичъ къ радости ученика и къ немалому смущенію преподавателя, который не зналъ, какъ относиться къ этому оригинальному вмѣшательству ассистента. Сообразно свойству предмета, измѣнялась и тактика Артемоновича: по другимъ предметамъ онъ дѣйствовалъ еще проще: предлагалъ вопросъ и шопотомъ суфлировалъ отвѣтъ, наименьше заботясь о томъ, какъ примутъ его своеобразный методъ наводящихъ вопросовъ другіе преподаватели. Но посмѣяться и подшутить надъ собой Андрей Ѳедоровичъ не давалъ никому. Въ этомъ отношеніи характеренъ

такой случай. На экзаменѣ по одному изъ древнихъ языковъ, гдѣ Андрей Ѳедоровичъ присутствовалъ въ качествѣ ассистента, преподаватель-іеромонахъ почему-то хотѣлъ сорвать досаду на Артемоновичѣ: съ гаденькой улыбкой поглядывая на громадный голый черепъ Андрея Ѳедоровича, онъ предложилъ ученику для перевода съ русскаго такую фразу: „сегодня я шелъ по улицѣ и встрѣтилъ лысаго человѣка". Артемоновичъ не смутился и, когда ученикъ окончилъ, немедленно спросилъ его: „а вотъ переведите еще такую фразу: справедливо говорятъ, что лысая голова—признакъ ума, а длинные волосы—признакъ глупости". Іеромонаху ничего другаго не оставалось, какъ молча проглотить пилюлю.

Рѣчь Артемоновича всегда вообще была остроумна и оригинальна.

Однажды, когда Артемоновичъ временно исправлялъ должность инспектора, по его распоряженію попалъ въ карцеръ за какую-то шалость одинъ изъ лучшихъ и бойкихъ учениковъ семинаріи. Дверь карцера—надобно замѣтить—выходила въ корридоръ, который ведетъ въ столовую. Вотъ ученики шумной гурьбой проходятъ въ столовую на обѣдъ, въ толпѣ ихъ пробирается и Артемоновичъ. Какъ разъ въ этотъ моментъ (съ умысломъ или безъ умысла—преданіе умалчиваетъ) соскучившійся узникъ началъ дубасить кулакомъ въ дверь и кричать: „Артемоновичъ, изведи изъ темницы душу мою!" Андрей Ѳедоровичъ пріостановился и въ тонъ ему громко отвѣтилъ: „мене ждутъ праведницы, дондеже воздамъ имъ"—и медленно прошелъ въ столовую.

Вообще, Артемоновичъ оставилъ среди своихъ питомцевъ неизгладимую память. Разсказы о немъ бывшихъ учениковъ его дышутъ искреннимъ увлеченіемъ. Іереи съ восторгомъ припоминаютъ уроки Артемоновича и, осѣняя себя широкимъ крестомъ съ краткимъ „дай ему Боже царствіе небесное", охотно припоминаютъ его оригинальное поведеніе на экзаменахъ, для многихъ послужившее спасительнымъ кругомъ при мыслекрушеніи. Отъ многихъ серьезныхъ людей изъ бывшихъ учениковъ его приходится то и дѣло слышать, что въ ихъ умственномъ развитіи

и въ выработкѣ міросозерцанія уроки и бесѣды Артемоновича сыграли первостепенную, руководящую роль.

Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ можно поставить Артемоновича въ почетный и не слишкомъ многочисленный кругъ людей, которые не безслѣдно прошли поприще своей жизни. Ни одна частица матеріи, какъ извѣстно, не уничтожается: такъ и крупицы ума, растворяясь въ массѣ, „осоляютъ“ ее, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Артемоновичъ оставилъ довольно значительное умственное наслѣдство потомству [1]). Во всякомъ случаѣ въ исторіи просвѣщенія на Волыни (если къ термину „просвѣщеніе“ прикинуть не обычную, а болѣе широкую мѣрку) Артемоновичъ былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей. И мы были бы очень рады считать настоящія замѣтки объ Артемоновичѣ только вступленіемъ къ болѣе обстоятельному очерку, гдѣ полнѣе была бы выяснена эта крупная и симпатичная сила.

V

Какъ мы видѣли, постановка учебно-воспитательнаго и продовольственнаго дѣла въ семинаріи въ высокой степени изобиловала явленіями, которыхъ никакъ нельзя отнести къ разряду „утѣшительныхъ“. Изъ среды преподавателей волынское преданіе хранитъ благоговѣйную память только объ Артемоновичѣ; если сюда присоединить еще двѣ-три личности, которыхъ поминаютъ добрымъ словомъ за болѣе или менѣе человѣческія отношенія къ питомцамъ, то все таки—какъ ихъ мало въ общемъ! Какъ бы то ни было, въ этой области печальныя и уродливыя явленія хоть отчасти уравновѣшиваются явленіями положительными, свѣтлыми. Что же касается продовольственной части, то она—безошибочно можно сказать—сплошь, безъ остатка является черным, даже зловѣщимъ пятномъ на общемъ фонѣ прежней семинарской жизни. Итакъ, повидимому, напрасно стали бы мы искать ласъ-

---

[1]) Кстати: Артемоновичъ кое-что написалъ, кое-что перевелъ. Неужели всему этому рукописному матеріалу предстоитъ единственная участь—истлѣть въ семинарской библіотекѣ, гдѣ онъ хранится?

кающаго взоръ просвѣта въ этой области; повидимому, старосеминарскій бытъ былъ такого характера, что здѣсь почти не было привольной атмосферы, въ которой отдыхала бы измученная душа ученика.

Не будетъ ли такое представленіе дѣла нѣсколько преувеличеннымъ?

Человѣкъ не можетъ жить безъ радости и смѣха. Если обитатели тюрьмы изобрѣтаютъ не хитрыя забавы, въ которыхъ коротаютъ свои печальные часы, то неужели жизнерадостная молодежь могла унывать въ школьные годы, когда переживала весну своей жизни? Избытокъ молодыхъ силъ и живой энергіи ищетъ выхода во что бы то ни стало, и нерѣдко человѣкъ пожилой съ нѣмой досадой видитъ, что молодежь хохочетъ по самому ничтожному поводу. И семинарская молодежь не могла ограничить свое настроеніе однимъ только унынiемъ по поводу тощаго желудка или слишкомъ назойливой благопопечительности о семинарскихъ спинахъ начальства. При томъ-же сами обстоятельства складывались иногда такъ, что давали нѣкоторую пищу веселонравію. Молодежь заливалась беззаботнымъ смѣхомъ и хоть на минуту забывала про давящія со всѣхъ сторонъ невзгоды...

Напутствуя сына родительскимъ благословеніемъ при отправленіи въ школу, отецъ вмѣстѣ съ тѣмъ вручалъ ему нѣкоторую *сумму* денегъ, которая должна была опредѣлять бюджетъ его личныхъ, карманныхъ расходовъ въ теченіе предстоящей трети. Эта родительская лепта на школьно-семинарскомъ языкѣ называлась ἐφόδιον [1]). Старики съ особеннымъ умиленіемъ вспоминаютъ, что въ ихъ время ἐφόδιον не превышалъ трехъ-пяти копѣекъ. На три копѣйки ученикъ долженъ былъ купить бумаги и чернилъ (перья были гусиныя) и вообще запастись необходимыми мелочами (многіе ухитрялись изъ этой суммы выгадать малую толику и на лакомства). Но этого мало: въ началѣ трети начальство давало въ обращеніе среди учениковъ (должно быть черезъ сѣкуторовъ) подписной листъ, куда каждый долженъ былъ записать

[1]) Греч. с. ἐφόδιον значитъ—путевыя издержки, копѣйка на черный день.

обязательный взносъ... на покупку розогъ. Казенныхъ денегъ на этотъ предметъ какъ-то не догадывались отпускать, и ученики должны были на свои крохи покупать это орудіе своей пытки.

Пріѣхавши въ семинарію, вручивши начальству свои „вѣрительныя грамоты“ (выраженіе уже позднѣйшей эпохи) и расположившись въ указанномъ мѣстѣ, семинаристъ первымъ дѣломъ шелъ съ визитомъ къ Копелю. Копель (личность на Волыни во многихъ отношеніахъ популярная) былъ хозяинъ излюбленной семинаристами лавочки, главный поставщикъ семинаристовъ чуть не по всѣмъ предметамъ ихъ несложныхъ потребностей. Копель отлично зналъ родословную всего духовенства Волыни, зналъ, кто съ кѣмъ въ родствѣ или въ дружбѣ, зналъ, какой у кого приходъ, каковы достатки и т. д. Лавка его наилучшимъ способомъ была приноровлена къ скромнымъ потребностямъ и еще болѣе скромнымъ средствамъ семинаристовъ; все здѣсь можно было купить въ какомъ угодно маломъ размѣрѣ и по самой сходной цѣнѣ. Въ эту-то бѣдную лавченку и направлялъ стопы ученикъ съ своимъ миньятюрнымъ капиталомъ. Кромѣ торговли на наличныя, Копель едва ли не первый ввелъ въ торговыя сношенія съ семинаристами счетъ въ кредитъ. Разсказываютъ, что хитрый до наивности Копель освятилъ введеніе этой финансовой реформы именемъ какого-то высокопоставленнаго лица: онъ всѣмъ давалъ читать засаленную бумагу,—что-то вродѣ оффиціальнаго указа, которымъ отъ имени этого высокопоставленнаго лица разрѣшалось ему отпускать товаръ въ кредитъ. „Указъ“ былъ написанъ стихотворнымъ размѣромъ и начинался такъ:

Ты, Копель, не унывай,
Ученикамъ на-боръ [1]) давай...

А кто, молъ, тебѣ не заплатитъ, тотъ будетъ подвергнутъ строгому наказанію. Впослѣдствіи Копель широко развилъ свои операціи по кредиту, выступилъ комиссіонеромъ, сталъ брать векселя. Его примѣру послѣдовало немало другихъ кременецкихъ торговцевъ; довѣрчивая молодежь пошла въ хитро-разставленную ловушку, и трудно и описать, сколько горя и бѣды произо-

[1]) На-боръ—на росписку, въ кредитъ.

шло... Нужно сказать правду, что иниціаторъ кредитныхъ операцій почему-то не разбогатѣлъ по примѣру прочихъ, по крайней мѣры наслѣдники его не расширили своихъ торговыхъ операцій—лавченка Копеля пришла въ совершенный упадокъ и теперь потеряла свое значеніе: вся слава ея, значитъ, въ прошломъ.

Обычное теченіе внѣ-классной жизни питомцевъ въ старые годы, не смотря на бдительное око начальства, носило размашистый характеръ. Въ былыя времена ученику всего менѣе можно было опасаться столь грознаго теперь исключенія за малоуспѣшность или великовозрастіе. Оставаться на повторительный курсъ можно было хоть три раза въ одномъ классѣ; и нерѣдко камчатку украшалъ, такъ сказать, заслуженный ученикъ, старожилъ класса, стоически отбывавшій 6 лѣтъ ученія въ одномъ классѣ (курсъ былъ двухгодичный). Всякаго рода проказы тоже не ставились въ число поводовъ, вызывавшихъ увольненіе изъ семинаріи; приходилось раздѣлываться только собственной спиной. Вотъ почему волынское преданіе полно разсказовъ о герояхъ, которые въ своихъ проказахъ иногда, дѣйствительно, доходили до геркулесовыхъ столбовъ смѣлости и отваги. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что выходящія изъ ряда похожденія (театромъ ихъ были кременецкія горы) составляли удѣлъ немногихъ смѣльчаковъ, кипучая натура которыхъ задыхалась въ душныхъ стѣнахъ семинаріи, а энергія искала выхода на болѣе широкомъ, свободномъ поприщѣ. Чего-нибудь особенно-типическаго въ смыслѣ характеристистики семинарской жизни эти похожденія и эти участники не даютъ, а потому мы и не будемъ на нихъ останавливаться.

Однимъ изъ любимыхъ развлеченій семинаристовъ были групповыя прогулки по живописнымъ окрестностямъ. Каждый новичокъ по пріѣздѣ въ Кременецъ считалъ своимъ первымъ долгомъ взлѣзть на Бону и Чернчу (горы въ Кременцѣ), полюбоваться утесомъ „тарпейской скалы“ и живописно раскинувшейся внизу „швейцарской долиной“ и т. д. Весенней и лѣтней порой многіе любители ежедневно предпринимали по утрамъ неблизкую прогулку въ Млыновцы или къ Крулевскому

мосту покупаться (въ самомъ Кременцѣ рѣки нѣтъ). Разстоянія—не близкія въ Млыновцы—около 3-хъ верстъ, къ Крулевскому мосту—и того болѣе, а къ 7 часамъ утра нужно было возвратиться домой къ молитвѣ. Неудивительно, что старики теперь удивляются, какъ это у нихъ „выстарчало нигъ“ на это регулярное путешествіе.

Для каждодневной молитвы и по праздникамъ на богослуженіе семинаристы собирались въ величественный храмъ, гдѣ когда-то былъ главный іезуитскій костелъ. До самаго послѣдняго времени храмъ этотъ (если не считать низенькаго, теряющагося въ громадѣ, православнаго иконостаса) всѣмъ видомъ и формой близко напоминалъ свое прежнее назначеніе. Такъ и казалось, что вмѣсто православнаго возгласа или эктеньи вы услышите рѣзкій теноръ ксендза, возглашающаго „Dominus vobiscum“, а съ хоръ отвѣтятъ „amen“ подъ звукъ органа съ его плавными, грустно-величавыми переливами. Храмъ этотъ очень обширенъ. При богослуженіи ученики располагались рядами посерединѣ колоннъ—отъ солеи и чуть не до порога, а за колоннами по обѣимъ сторонамъ оставалось достаточно мѣста для посторонней публики, предпочитавшей ходить сюда ради стройнаго пѣнія. Пѣніе, дѣйствительно, всегда было очень хорошее, но иногда портилось „неизрядными многогласіемъ“, курьезнымъ до смѣшного. Дѣло въ томъ, что соскучившіеся стояніемъ, особенно во время длиннаго всенощнаго бдѣнія, семинаристы начинали для развлеченія подпѣвать хору, помѣщавшемуся на клиросѣ у алтаря. Разстояніе отъ клироса до заднихъ рядовъ бурсы, гдѣ стояли басы-богословы, выходило очень значительнымъ. Вотъ начнутъ пѣть, положимъ, общеизвѣстный канонъ „Отверзу уста моя“. Въ напѣвѣ, употреблявшемся въ семинаріи, въ мелодіи на слова „и слово отрыгну“ для басовъ особенно интересный переходъ—въ интервалъ октавы (есть, значитъ, гдѣ показать мощь своего голоса!). Богословы-басы особенно любили это мѣсто и выводили высокую нотку въ указанномъ мѣстѣ („и слово“) съ усердіемъ и тягучею продолжительностью, совершенно несоразмѣрною съ темпомъ. И вотъ получалось такъ: на клиросѣ по-

ютъ уже послѣднія слова—„и воспою радуяся тоя чудеса“,—а басы въ заднихъ рядахъ, подперши ладонью щеку и высоко поднявши голову, продолжаютъ тянуть все еще свое „и слово“ и долго застываютъ на одной нотѣ. На клиросѣ уже окончили ирмосъ, но басы тянутъ свою линію—и въ заднихъ рядахъ, точно эхо, продолжаютъ нестройно-могучимъ гуломъ, глухо отдающимся въ высокихъ сводахъ храма: „и воспою радуяся тоя чудеса“.

По выбору ректора, четыре-пять болѣе благонравныхъ учениковъ исполняли разныя обязанности въ алтарѣ при службѣ: таковы-жезлоносецъ и митрописатель (при ректорѣ-архимандритѣ) и свѣщеносцы. Роль этихъ была не изъ пріятныхъ. Если послѣ литургіи начинались приготовленія къ какому-нибудь экстраординарному молитвословію, отстоять которое не входило въ разсчеты учениковъ, то они срывали свою досаду на „церковникѣ“.

VI

Полная горечи школьная жизнь счастливо разнообразилась отпусками на Рождество, Пасху и лѣтнія каникулы,—отпусками, при одной мысли о которыхъ сердце семинариста подпрыгивало отъ неудержимой радости. Пусть дома не было особенной роскоши, даже особеннаго довольства, пусть приходилось раздѣлять не легкіе труды отца по хозяйству, но—свобода, родная семья, родное село! Поэтому задолго до роспуска въ головахъ учениковъ роились розовыя мечты, проносились заманчивыя картины путешествія на родину, радостнаго свиданія и беззаботной жизни.

За мѣсяцъ до роспуска каждаго озабочивалъ вопросъ, во время ли пріѣдетъ subaqua (подвода) [1]) и не случится ли задержки въ выдачѣ билета. Въ свободныя минуты тамъ и сямъ

---

[1]) Читатель догадается, что это слово—несуществующее въ лексиконахъ—изобрѣтено семинаристами (sub—подъ, aqua—вода).

собирались небольшой кучей семинаристы—подѣлиться воспоминаніями о прежнихъ поѣздкахъ и вслухъ помечтать о теперешнемъ роспускѣ, который вотъ-вотъ не за горами.—За священническими дѣтьми большею частью присылаемъ былъ senectus (староста). Мы обѣщали подробнѣе остановиться на роли этого почтеннаго дѣятеля въ вопросахъ образованія дѣтей духовенства, и теперь это кстати. Староста былъ наиболѣе близкимъ и наиболѣе довѣреннымъ человѣкомъ у священника во всемъ селѣ. И въ радости, и въ горѣ, и въ счастьи, и въ бѣдѣ староста являлся желаннымъ участникомъ, и можно указать далеко не единичные случаи, когда староста бывалъ настоящимъ другомъ всей священнической семьи. Кромѣ того, староста былъ, такъ сказать, главноуправляющимъ по несложному хозяйству священника.

Когда приходила пора привозить дѣтей изъ школы и священникъ озабочивался, кому-бы поручить это дѣло, такъ какъ самому ни въ рождественскій постъ, ни тѣмъ болѣе въ великій неудобно отлучаться изъ прихода, староста обыкновенно резонировалъ съ самой доброй улыбкой „проше, батюшка, а нàщо?“ Нечего и говорить, что добровольный вызовъ старосты былъ принимаемъ съ искренней благодарностью. И вотъ староста отправлялся въ Кременецъ „до свынаріи“ (такую форму иногда принимало въ устахъ простодушнаго поселянина незнакомое ему слово „семинарія“).

Пока староста ѣхалъ, ученикъ не разъ успѣвалъ въ свободную минуту прогуляться верстъ за пять по той дорогѣ, которая вела къ его родному селу. Конечно, не могло быть сомнѣнія, что староста успѣетъ пріѣхать только къ роспуску, но для семинариста составляло уже большое наслажденіе—хоть пройтись по знакомой дорогѣ и, такъ сказать, авансомъ пережить тѣ сладкія минуты, когда онъ, вырвавшись изъ опостылѣвшей обстановки, вольной птицей полетитъ къ роднымъ палестинамъ.

Передъ роспускомъ въ ворота угрюмаго зданія семинаріи то и дѣло въѣзжали деревенскіе возы съ возсѣдавшими почетнаго вида старостами. Остановившись посреди двора и внима-

тельно оглядѣвши внутреннія стѣны, староста снималъ шапку предъ первымъ попавшимся (въ день роспуска много народу сновало по двору) и съ сознаніемъ собственнаго достоинства вопрошалъ: „а будьте добри, чы не можете сказаты, де-то тутъ е сывковецкій (или шунецкій или шекерынецкій) панычъ?“ Хотя указаніе старосты (не по фамиліи, а по названію села) бывало не особенно точно, однако старостѣ не приходилось долго розыскивать своего панича: онъ летѣлъ уже со всѣхъ ногъ по лѣстницѣ съ третьяго этажа, отхватывая сряду по пяти ступенекъ, онъ успѣлъ уже всѣ глаза проглядѣть, сидя у окошка въ своей спальнѣ или классѣ и съ томительнымъ нетерпѣніемъ поглядывая на дорогу. Стрѣлой подбѣгаетъ онъ къ старостѣ, лицо котораго въ настоящую минуту для него такъ дорого и мило. А лицо старосты тоже дышетъ привѣтомъ и радостію и ему пріятно въ чужомъ городѣ увидѣть наконецъ знакомое и родное лицо.

Происходитъ радостное свиданіе:

— „Здравствуйте, старосто!“

— „Здорови булы, панычыку. Якъ васъ Богъ мылуе? Чы жыви, чы здорови?“

— „Дзинькуе! слава Богу! А що тамъ въ-дома чуты?“

— „Все слава Богу, по старому. Батюшка кланялись и пысьмо передалы“.

При этихъ словахъ староста вынималъ запрятанный за пазухой лоскутокъ бумажки, запечатанный церковной печатью, который онъ везетъ съ такою заботливостью и сохранностью, какъ бы это былъ многоцѣнный документъ.

Ночью въ день роспуска обширный дворъ семинаріи представлялъ любопытную и оживленную картину. Во всю ширину его густыми рядами стояли возы, возлѣ которыхъ выпряженные кони ѣли, похрустывая и пофыркивая, „обрикъ“ въ „опалкахъ“, сѣно, а то просто „згонины“. Небогатое имущество бурсака было уже уложено: завтра „чуть свитъ“ нужно отправляться въ путь. Въ теплое время года ученикъ располагался спать просто на возу—и можно думать, что ему въ этой непривычной обстановкѣ спалось слаще, чѣмъ на казенной койкѣ.

Только дѣти священниковъ могли разсчитывать на ту выгоду, что за ними будетъ прислана subaqua. Дѣти причетниковъ и особенно сироты или, какъ у насъ говорятъ, просфорническія дѣти (вдовы священниковъ обыкновенно занимаютъ мѣсто просфорни) не могутъ разсчитывать на такую роскошь. Нерѣдко случалось, что бѣдная священническая вдова приведетъ пѣшкомъ (верстъ за 300) своего сына въ училище и, въ слезахъ поклонившись въ ноги смотрителю, оставитъ его здѣсь на произволъ судьбы и начальства. Гдѣ же такой вдовѣ каждую треть посылать подводу за сыномъ! Хорошо, если въ томъ же приходѣ и сынъ священника учится въ семинаріи; тогда сердобольный senectus не откажетъ въ услугѣ бѣдной вдовѣ, прихвативъ на свой возъ и просфорническаго сына. Но такое удобство не всегда бываетъ. Впрочемъ, это доставляло мало заботы самому ученику. Онъ высматривалъ, гдѣ бы вырѣзать повнушительнѣе палку на дорогу и старался припрятать нѣсколько „пайкивъ“ хлѣба и, сдѣлавши изъ нихъ сухарей, запастись такимъ образомъ пропитаніемъ въ далекую дорогу. А болѣе беззаботные и надъ этимъ не задумывались, справедливо разсчитывая, что на пути будетъ попадаться много селъ, и добрые люди не дадутъ „здохнуты зъ голоду“.

Мнѣ нечего описывать этого пѣшаго хожденія: безсмертный Гоголь въ „Віи“ далъ яркую картину этихъ путешествій, и я упомяну объ одной лишь мѣстной чертѣ. Наиболѣе торжественною и внушительною была картина общаго выхода изъ города. Большинству путь лежалъ въ сторону такъ назыв. Вишневецкой рогатки (по дорогѣ къ м. Вишневцу). Взошедши на гору, откуда открывается одинъ изъ чудныхъ по красотѣ видовъ на Кременецъ и его окрестности, путешественники бросали прощальный взглядъ на семинарію, съ которой они разставались безъ грусти; это была рѣдкая, единственная въ своемъ родѣ разлука, соединенная съ чувствомъ живѣйшей радости, а не печали. Всѣхъ охватывало ощущеніе птицы, вырвавшейся изъ клѣтки на свободу. Тотчасъ впереди выстраивался отрядъ музыкантовъ (кстати сказать—музыка всегда процвѣтала въ Волынской семинаріи), которые настраивали скрипки,

и подъ маршъ не особенно разнообразнаго по составу оркестра компанія двигалась въ путь, нѣкоторые съ плясомъ. Сколько бывало смѣху, сколько дѣтскаго веселья!

„Роспускъ“ въ глазахъ учениковъ имѣлъ какое-то особенное, какъ бы таинственное значеніе. Получивши отпускной билетъ, семинаристъ считалъ себя совершенно освобожденнымъ отъ всякой внѣшней власти. Стѣсненная въ учебное время, одичавшая натура бурсака развертывалась „на роспускъ“ во всей своей, подъ-часъ неприглядной, наготѣ. Получивши обиду, которую сразу-же отмстить было невозможно, ученикъ глубоко таилъ злобу въ своей душѣ и расплачивался „на роспускѣ“. Шпіоны и доносчики трепетали въ день роспуска, бывшій для нихъ днемъ возмездія—и не напрасно. Расплата подъ-часъ бывала суровая и безчеловѣчная, и при томъ совершенно безнаказанная, т. к. существовалъ взглядъ (раздѣляемый и шпіонами), что жаловаться начальству въ роспускъ—дѣло безполезное: жалоба будетъ не принята, потому что семинаристы стоятъ, такъ сказать, внѣ закона въ этотъ день.

Доставалось въ роспускъ не однимъ только подленькимъ личностямъ изъ среды товарищей; иногда перепадало на орѣхи и болѣе жестокимъ изъ наставниковъ. Изъ устъ въ уста переходитъ и до настоящаго времени мрачная повѣсть о томъ, какъ досталось одному не въ мѣру строгому учителю философіи въ день роспуска. Трое дюжихъ философовъ напали на него темнымъ вечеромъ въ глухомъ углѣ „на горахъ“ (техническое выраженіе въ Кременцѣ, окруженномъ горами), когда учитель возвращался съ прогулки, и такъ избили его нагайками, что бѣдняга мѣсяца два пролежалъ въ постели. Стыдно ли было учителю поднимать дѣло о столь позорномъ для него событіи, или же онъ въ темнотѣ и съ-испугу не успѣлъ узнать своихъ палачей, но все это такъ и заглохло. Замѣчательно, что и теперь сгорбившійся подъ бременемъ лѣтъ и сѣдой, какъ лунь, іерей не иначе станетъ повѣствовать вамъ объ этомъ темномъ дѣлѣ, какъ отозвавши въ сторону и чуть не шепотомъ на-ухо. Такова сила привычки! Можно представить себѣ, съ какими предосторожностями былъ осуществленъ планъ наказанія суро-

ваго наставника, если даже въ то время, столь богатое наушничествомъ, и при инквизиціонной начальственной системѣ, ученикамъ удалось безпрепятственно исполнить смѣлый планъ.

Даже наиболѣе тихія и смирныя натуры въ день роспуска одушевлялись разрушительными тенденціями. Слабодушный риторъ, который, казалось бы, воды не замутитъ и въ обыкновенное время съ подобострастіемъ относился чуть не къ классному сторожу, въ роспускъ оралъ во всю глотку, идя по корридору, высматривалъ, гдѣ бы что повредить,—билъ стекло въ окнѣ, ломалъ ручку у дверей или что-нибудь въ этомъ родѣ—вообще держалъ себя непринужденно и развязно. Тутъ проявлялась ненависть даже къ бездушной обстановкѣ—свидѣтельницѣ дней унылыхъ.

Остатокъ этого своеобразнаго взгляда на день роспуска существуетъ и доселѣ. И теперь робкій мальчуганъ въ концѣ трети озадачиваетъ неопытнаго педагога, принося ему жалобу на болѣе великовозрастнаго товарища, что тотъ „обѣщалъ“ или просто „хочетъ побить его на роспускъ!“

VII

Наконецъ долгій и тернистый путь науки пройденъ. Окончены мучительныя мытарства, ведущія семинариста къ цѣли, объединяемой словомъ „приходъ“ или, какъ говорили въ старину, „парафія“. Остается искать невѣсту и ѣхать къ архіерею. Хотя разсказы объ этомъ собственно выходятъ изъ рамокъ намѣченной нами задачи, но мы не излишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о той своеобразной обстановкѣ, среди которой прежде происходила процедура сватовства и полученія прихода. Это не лишне и въ интересахъ полноты нашего очерка: мы захватимъ то переходное время, когда окончившій курсъ еще, такъ сказать, невольно тяготѣлъ къ семинаріи, ибо заимствовалъ блескъ своего положенія отъ пройденной школы и пока еще не выступалъ на широкое поприще жизни, стоя лишь въ предѣлахъ ея.

Въ тѣ времена званіе „окончившій“ было чрезвычайно высокимъ и почетнымъ. Каждая матушка-хозяйка гордилась, если могла указать, что въ ея домѣ на храмовомъ праздникѣ или на другомъ семейномъ торжествѣ („на фестѣ“) былъ въ качествѣ гостя окончившій или, паче чаянія, нѣколько ихъ. Отношеніе родителей, у которыхъ заневѣстившаяся дочь, къ окончившему (а въ особенности имѣющему „свой“ приходъ) было полно, конечно, всякаго вниманія и дружелюбія самаго искренняго. Гдѣ бы ни появлялся окончившій въ священническомъ домѣ, онъ всегда чувствовалъ себя героемъ дня, вездѣ онъ былъ желаннымъ, дорогимъ гостемъ, которому почетное мѣсто („на диванѣ“) и сладкій кусокъ. Если у батюшки нѣтъ дочери, то есть сестра, есть племянница, есть вообще болѣе или менѣе близкая родственница, „ожидающая“ жениха, которую необходимо „пристроить“.

И пусть читатель не находитъ здѣсь ничего потѣшнаго или смѣшного, все это болѣе грустно и печально, чѣмъ „занятно“. Нѣтъ сомнѣнія, что всякому, кто знакомъ съ нерадостнымъ бытомъ нашего духовенства, будетъ понятно, почему это именно такъ, почему было бы большимъ грѣхомъ посмѣяться надъ усердіемъ старосвѣтскихъ батюшекъ и матушекъ въ означенномъ направленіи. Вѣдь куда въ самомъ дѣлѣ могла дѣваться въ тѣ времена дѣвушка духовнаго сословія, оставшаяся за штатомъ? Положеніе ея (особенно послѣ смерти родителей) являлось такимъ, которое принято называть безвыходнымъ.

Невѣсты въ старину раздѣлялись на двѣ категоріи: невѣсты „съ уступочными приходами“ и безъ оныхъ. Извѣстно, что такое закрѣпленіе мѣстъ. Если послѣ умершаго священника оставалась дочь, то по прошенію вдовы „для поддержанія семейства“ за дѣвицей предоставлялось отцовское мѣсто, а до достиженія совершеннолѣтія ея на приходъ въ качествѣ временнаго настоятеля назначаемъ былъ архіереемъ „наблюдающій“ (его звали еще „викаріемъ“). „Найшла викарого“—это одно изъ обычныхъ выраженій скорбнаго свитка вдовиной рѣчи. Нерѣдко случалось, что такой викарій управлялъ приходомъ лѣтъ шесть-восемь, если дочь священника была несовершеннолѣт-

ней. Сколько ни приходилось мнѣ слышать, викаріи были народъ грубый, алчный—и положеніе несчастной, беззащитной вдовы, ютившейся съ малыми дѣтьми какъ бы изъ милости въ одномъ домѣ съ викаріемъ, было полно самаго потрясающаго трагизма, сравненіе которому я даже отказываюсь подыскать. Можно только сказать, что въ лѣтописяхъ мученичества и удивительныхъ примѣровъ стойкой материнской любви можно было бы записать не мало краснорѣчивыхъ страницъ описаніемъ того, во что обходилось нѣкоторымъ священническимъ вдовамъ прокормленіе и воспитаніе своихъ ребятишекъ. Какъ много страданій остается неизвѣстными только потому, что о нихъ не кричатъ, а выливаютъ въ тихихъ, жгучихъ слезахъ!

Сватовство невѣсты съ уступочнымъ приходомъ происходило по большей части не въ ея домѣ, а гдѣ-нибудь на сторонѣ. Находился какой-нибудь дальній сердобольный родственникъ, который высматривалъ подходящаго окончившаго тихаго и скромнаго человѣка, который рѣшился бы „пидняты семью“, т. е. у котораго нашлась бы искра человѣческаго чувства по отношенію къ сиротской семьѣ. А высмотрѣвши, добрый родственникъ начиналъ съ нѣсколько смущенной улыбкой разсказывать молодому человѣку про добропорядочность семьи, къ которой принадлежитъ его протеже, про удобства прихода, про добродушіе и щедрость прихожанъ; касался добрыхъ обычаевъ въ приходѣ въ смыслѣ безплатной уборки прихожанами полей, распространялся о непритязательности семьи и т. д. По большей части родственникъ приглашалъ къ себѣ въ домъ и невѣсту и здѣсь знакомилъ молодыхъ людей между собою. Все это устраивалось потому, что родные невѣсты пуще огня боялись встрѣчи жениха съ викаріемъ. Викарій—ужъ извѣстно,—начнетъ нести всякую небылицу: и приходъ де никуда не годится, и прихожане народъ грубый и дерзкій, и поля ничего не родятъ, и семья самая плохая, а невѣста—бранчивая, взбалмошная или же (смотря по изобрѣтательности викарія) болѣзненная дѣвица (тутъ выдумывалась падучая или что-нибудь другое въ подобномъ же устрашительномъ родѣ). Вообще викарій такъ или иначе могъ „отбить“ жениха, а устроить это—ему прямая

выгода: если невѣста засидится въ дѣвушкахъ, архіерей можетъ „отобрать“ приходъ и ужъ конечно отдастъ не кому другому, какъ только ему, викарію. А тамъ—пускай себѣ семья остается безъ крова и безъ хлѣба!

Иначе обстояло дѣло, если невѣста была хоть и безъ прихода, но дочь состоятельныхъ, хозяйственныхъ родителей.

Въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, когда полевыя работы всѣ закончены, и по селамъ у крестьянъ начинается сезонъ свадебъ, а у священниковъ—не менѣе характерный сезонъ „праздныкивъ“ (т. е. престольныхъ дней, въ которые священники устраивали у себя „вечера“)—въ одинъ изъ такихъ вечеровъ въ усадьбу священника въѣзжала неуклюжая бричка старой системы, на которой возсѣдали трое-четверо окончившихъ, лошадьми правилъ молодой кучеръ. Мотивъ неожиданнаго посѣщенія незнакомыхъ людей угадывался безошибочно. Завидѣвшая гостей съ задняго двора босая „наймычка“ сломя голову бѣжала „до покоивъ“ и неистовымъ голосомъ, которымъ объявляютъ о внезапномъ пожарѣ, докладывала, что „сваты до панны прыихалы на оглядыны“. Слова эти производили переполохъ невѣроятный. Матушка уводила дочь въ укромный уголокъ („въ гардерубку“) и принаряжала ее, сама тоже одѣвала парадную кофту и чепецъ. Батюшка съ улыбкой доброжелательности и широкаго радушія встрѣчалъ пріятныхъ гостей въ „ганку“ (крыльцо). Слѣдовало представленіе съ упоминаніемъ полностью титула („студентъ“ или „окончившій“), и завязывалась (не безъ труда, конечно) бесѣда.

Если окончившіе встрѣчали самый радушный привѣтъ отъ хозяевъ, то ихъ кучеръ пользовался неменьшимъ вниманіемъ со стороны прислуги на кухнѣ. Его роль была не изъ послѣднихъ. Балагуря съ прислугой, онъ могъ отлично вывѣдать, каковы достатки священнической семьи, и—что не менѣе важно—узнать, насколько миролюбивымъ и уживчивымъ характеромъ отличается невѣста.

Погостивши денекъ, товарищеская компанія отправлялась въ дальнѣйшій путь, ѣхала въ другое село, гдѣ священническій домъ оглашался веселымъ дѣвичьимъ смѣхомъ дочерей-невѣстъ.

Повѣствуютъ, что въ большинствѣ случаевъ въ такихъ круговыхъ поѣздкахъ роль кучера поочередно исполняли всѣ женихи—сегодня одинъ облачится въ сермягу и чоботы, заимствованныя дома у заправскаго кучера, завтра другой, такъ что эти бутафорскія принадлежности успѣваютъ обойти всѣхъ по два-три раза. Это и выгодно (не надобно понапрасну отрывать одного рабочаго отъ дѣла), да и удобно очень: свой братъ высмотритъ съ самымъ усерднымъ тщаніемъ все нужное, добудетъ свѣдѣнія самыя вѣрныя и безошибочныя.

Такія путешествія бывали очень распространеннымъ обычаемъ въ прежнія времена, и почти каждый іерей, проходившій курсъ наукъ въ эпоху 40—50-хъ гг. (даже и нѣсколько позже) хранитъ въ душѣ самыя яркія и счастливыя воспоминанія о нихъ. Обыкновенно каждый изъ принимавшихъ участіе въ поѣздкѣ успѣвалъ къ концу ея присмотрѣть себѣ дѣвушку по сердцу, и тогда начиналъ вести дѣло въ-серьезъ. Изъ среды родичей онъ приглашалъ наиболѣе почетнаго и вліятельнаго ѣхать съ нимъ „въ сваты“ и подъ его руководствомъ совершалъ окончательную поѣздку въ домъ невѣсты. Въ скоромъ времени деревенскій храмъ оглашался пѣніемъ „Исаіе ликуй“, и въ уютномъ священническомъ домѣ праздновалась веселая свадьба при самой торжественной и очень своеобразной обстановкѣ.

Да простятъ намъ читатели бѣдность и неполноту настоящаго очерка старой бурсы и ея порядковъ. Мы очень далеки отъ мысли считать нашъ очеркъ исчерпывающимъ тотъ громадный бытовой матеріалъ, который оставила намъ столѣтняя эпоха жизни Волынской семинаріи. При всемъ желаніи, намъ, напр., совершенно не пришлось коснуться очень оригинальныхъ особенностей жизни тѣхъ питомцевъ семинаріи, которыхъ высылали въ Варшаву въ архіерейскій пѣвческій хоръ. Существовалъ вѣдь когда-то и такой обычай, и до сихъ поръ есть на Волыни немало здравствующихъ іереевъ, получившихъ свое образованіе—по документамъ въ Волынской семинаріи, а на дѣлѣ—въ Варшавскомъ архіерейскомъ хорѣ. Можно заранѣе предска-

зать, что даже сухой, фактическій разсказъ одного изъ участниковъ этого порядка о его жизни въ Варшавѣ представилъ бы немалый интересъ. И вообще крайне было бы желательно, чтобы отпразднованный недавно юбилей семинаріи не прошелъ безслѣдно для выясненія прошлой семинарской жизни. Не надобно забывать, что весь складъ жизни нашего духовенства чуть не на нашихъ глазахъ мѣняется самымъ кореннымъ образомъ, а создатель и живой участникъ его—старое поколѣніе сходитъ со сцены. Вотъ почему надобно желать, чтобы семинарскій юбилей былъ отпразднованъ еще, такъ сказать, историческимъ образомъ, т. е. вызвалъ полное и подробное описаніе прежней семинарской жизни въ видѣ воспоминаній тѣхъ питомцевъ, которые по непосредственному опыту могутъ нарисовать яркую картину прошлаго, въ надлежащемъ видѣ воспроизводящую все то, что въ настоящихъ очеркахъ изображается лишь „якоже зерцаломъ въ гаданіи“...

Константинъ Храневичъ.

Остатки древняго городища въ м. Снѣтинѣ, лубенскаго у., полтавской губ.

„И Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятину, и идохомъ на ня исъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи ихъ изьимахомъ лѣпшии". Свод. л., стр. 331. Духовн. Мон.

Строитель Русской Земли, Владиміръ св., заботясь о возможно лучшей защитѣ ея отъ враговъ, особенно хлопоталъ объ укрѣпленіи южныхъ и юго-восточныхъ границъ государства отъ безпрестанныхъ набѣговъ кочевниковъ, безконечной волной приливавшихъ съ востока. Въ 993 году, по словамъ начальной лѣтописи, Владиміръ св. ставитъ города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Роси, по Сулѣ и по Стугнѣ, такъ какъ была большая „рать" отъ печенѣговъ, противъ которыхъ и воздвигались эти укрѣпленныя преграды[1]). Приведенныя въ солидное оборонительное положеніе, южныя и юговосточныя окраины Русской земли и въ послѣдующее время продолжаютъ интересовать энергичныхъ правителей Южной Руси.

Такъ, Ярославъ Мудрый, ставшій послѣ смерти своего брата Мстислава, единовластнымъ правителемъ русской земли, выказываетъ энергичныя заботы объ охранѣ своей степной Украины.

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 83.

Необходимость постоянной и усиленной охраны этой Украины была причиной выдѣленія ея въ особенное княжество, съ отдѣльнымъ правителемъ во главѣ. Ярославъ Мудрый, раздѣляя передъ своею смертью Русскую землю между своими сыновьями, отдалъ переяславскій уѣздъ своему любимому сыну Всеволоду, заповѣдавъ при этомъ всѣмъ братьямъ жить въ мирѣ и помогать другъ другу въ случаѣ опасности.

Со временъ Всеволода Ярославича начинается бѣдственная пора для юго-восточной Руси. Кочевые народы, сталкиваясь другъ съ другомъ, усиленно напираютъ съ востока, оттѣсняя въ своемъ движеніи одни племена за другими.

Послѣднія, отбиваясь отъ своихъ притѣснителей, все чаще и чаще врывались въ русскіе предѣлы, ища въ нихъ не добычи только, а часто защиты, охраны отъ враговъ. Русская земля охотно принимала въ свое лоно такихъ выходцевъ изъ степей, отводя имъ привольные, но малонаселенные участки на своемъ пограничьи со степью. Здѣсь новые поселенцы являлись лучшими защитниками края, которому они служили въ качествѣ легковооруженнаго войска.

Опасное положеніе юго-восточной Руси, требуя серьезнаго и энергичнаго вниманія къ себѣ, было причиной того, что здѣсь родился, выросъ и окрѣпъ, закалился въ безчисленныхъ бояхъ богатырь Русской земли, знаменитый сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ. Съ отроческихъ лѣтъ, начавъ трудную школу боевой жизни, онъ въ теченіе всей своей жизни неутомимо защищалъ русскіе предѣлы отъ кочевниковъ. Въ лѣтописи сохранились извѣстія о многочисленныхъ походахъ Мономаха въ окрестныя страны, особенно въ широкія степи, кишѣвшія въ то время несмѣтной силой разныхъ кочевыхъ народовъ. Особенно зорко слѣдилъ Мономахъ за тѣмъ, чтобы не допустить враговъ до разоренія укрѣпленныхъ пунктовъ, защищавшихъ собою лежащія вблизи нихъ земли.

Разбросанныя по всей юго-восточной окраинѣ Русской земли, укрѣпленные городки-крѣпости гнѣздились преимущественно въ мѣстахъ, представлявшихъ естественныя удобства для ихъ созиданія. Крутые берега рѣчной долины или же рѣки,

сама рѣка, лѣса, и болота ея—составляли все то, что было необходимо для защиты страны. Если рѣка представляла на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи удобные для построенія крѣпостей берега, то здѣсь возникала боевая линія.

Рѣка Сула со своими крутыми берегами и составляла главную боевую линію переяславской земли, на которую постоянно нападали варвары [1]). Оттого, на всемъ почти протяженіи Сулы, на правомъ, нагорномъ берегу этой рѣки, были расположены солидныя для тото времени земляныя укрѣпленія, такъ называемые городки-крѣпости: Ромны, Глинскъ, Снѣтинъ, Лубны, Лукомля, Буромль, Горошинъ и проч.

Понятно, наиболѣе заселенныя мѣста вызывали соотвѣтственно большія заботы и старанія со стороны населенія и князей объ укрѣпленіи и защитѣ ихъ отъ враговъ. Несомнѣнно, что наиболѣе густо заселенными мѣстами были тѣ, которыя распожены по теченію рѣкъ и рѣчекъ. Таковы мѣста по р. р. Трубежу, Супою, Оржицамъ, Слѣпороду, Удаю, Ромну и пр. Здѣсь осѣдлость находила всѣ необходимыя для своей жизни удобства и потому развивалась довольно правильно. Самый большій притокъ р. Сулы, Удай, естественно былъ гуще заселенъ сравнительно съ другими рѣками переяславской земли. Особенной густотой населенія отличались тѣ мѣста, гдѣ рѣка Удай, принявъ притокъ Многу, подходила къ рѣкѣ Сулѣ, съ которой и сливалась въ Березоточи. Естественно, что эти густо заселенныя мѣста, представляя довольно видную приманку, весьма часто подвергались нападеніямъ кочевниковъ.

Такъ, въ 1092 году половцы взяли 3 города по р. Удаю—Песоченъ, Перевальну и Прилукъ и повоевали множество селъ по обѣимъ сторонамъ рѣки [2]). Кромѣ того, половцы неоднократно воюютъ въ районѣ рѣки Удая: возлѣ Прилукъ, Баруча, Сребнаго и пр. [3]). Словомъ, долина рѣки Удая составляла торную дорогу для нападеній кочевниковъ, и потому правители земли Русской уже очень рано позаботились объ укрѣпленіи тѣхъ

---

[1]) Ипат. л. 186, 198; свод. л., с. 332 и пр.

[2]) Ипат. л., с. 150; свод. л., с. 170.

[3]) Свод. л., с. 330.

пунктовъ, которые лежали близь удобныхъ для перехода мѣстъ, служившихъ какъ бы воротами для входа въ страну.

Такими воротами, открывавшими доступъ въ густо населенную Удайскую долину, и было мѣсто сліянія р. Удая съ Сулой. Здѣсь то, какъ увидимъ дальше, и находился тотъ важный, укрѣпленный пунктъ, служившій ключемъ къ вышеназванной долинѣ—это *Кснятинъ* лѣтописи.

Русскіе князья неоднократно должны были являться сюда на подмогу храбрымъ защитникамъ края. Въ „Духовной Мономаха“ упоминается о такомъ именно походѣ Мономаха къ Снѣтину: „И Бонякъ приде со всѣми Половцы къ Кснятиню, и идохомъ на ня исъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи ихъ изьимахомъ лѣпшии“ [1]).

Находясь лѣтомъ 1896 года близъ м. Снѣтина, я рѣшилъ подробно осмотрѣть это мѣсто и окрестности его, чтобы узнать не сохранилось ли тамъ какихъ либо остатковъ древнихъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ на зарѣ Русской исторіи. Мнѣ посчастливилось отыскать древнюю, современную Мономаху, крѣпость, сохранившую до нашихъ дней всѣ характерные признаки великокняжеской эпохи.

Прежде чѣмъ говорить о древнихъ снѣтинскихъ укрѣпленіяхъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о топографическихъ особенностяхъ мѣстности, гдѣ находился древній Кснятинъ. Долина рѣки Удая, сливаясь съ долиной р. Сулы, представляетъ лабиринтъ лѣсовъ и болотъ, не совсѣмъ удобныхъ для прохода въ настоящее время и, конечно, совершенно непроходимыхъ въ древности. Высокій Исачковскій холмъ съ каменнымъ основаніемъ внутри [2]), отдѣляетъ долину р. Удая отъ долины р. Сулицы, впадающей въ Сулу недалеко отъ с. Исачекъ. Эта долина, р. Сулицы, представляя болѣе высокую мѣстность, отличалась прежде и въ настоящее время отличается сравнительно бо́льшимъ удобствомъ для перехода; кромѣ того, черезъ Сулицкую долину

---

[1]) Свод. лѣт., с. 332.

[2]) Изъ внутренней части Исачковскаго холма добывается въ изобиліи камень, идущій на мостовыя въ гор. Лубнахъ и въ уѣздѣ послѣдняго.

открывался свободный доступъ къ селеніямъ, расположеннымъ по р.р. Сулицѣ, Многѣ, Артополоту, Удаю и пр.

Промежутокъ между долинами рр. Сулицы и Сулы представляетъ возвышенное плато́, которое постепенно съуживается, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту сліянія долинъ обѣихъ вышеназванныхъ рѣкъ, и образуетъ на концѣ такъ называемый снѣтинскій кряжъ или шпиль. Этотъ шпиль довольно высоко поднимается надъ окрестностью и круто спускается въ обѣ стороны—къ р. Сулѣ и въ долину р. Сулицы; подходя къ концу, шпиль съуживается и постепенно понижается. Вотъ этотъ-то возвышенный мысъ вмѣстѣ съ прилегающимъ сюда берегомъ р. Сулы и входитъ въ число укрѣпленій великокняжеской эпохи. Понятно, устроить на такомъ узкомъ мѣстѣ значительную крѣпость, кремль, который занималъ бы крайній пунктъ этого мыса, не было возможности: незначительность пространства, занимаемаго шпилемъ, не позволяла сдѣлать этого. За то система передовыхъ укрѣпленій, служившихъ какъ обсерваціоннымъ пунктомъ, такъ и препятствіемъ для подхода враговъ къ Снѣтинскому кремлю, можетъ быть прослѣжена безъ особыхъ затрудненій. На вершинѣ снѣтинскаго мыса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, подходя къ плато́, начинаетъ переходить въ широкій кряжъ, расположенъ цѣлый лабиринтъ невысокихъ холмиковъ, изъ которыхъ только немногіе по своей величинѣ превосходятъ ростъ человѣка; иные изъ нихъ, сглаженные временемъ, значительно осунулись, но все еще широки въ основаніи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ среди холмиковъ замѣтно какъ бы пустое, расширенное въ видѣ площадки пространство, на которомъ нѣтъ какихъ-либо особыхъ возвышеній.

Площадь, занятая этими холмиками, довольно значительна по величинѣ; она выступаетъ двумя мысами въ поле; на взгорьѣ, обращенномъ къ Исачкамъ, замѣтны слѣды вала, сильно осунувшагося; по направленію къ Сулѣ холмики оканчиваются крутымъ обрывомъ, на краю котораго высятся огромные, очевидно, насыпные холмы, открывающіе дивный видъ на далекое разстояніе за Сулу. На уступѣ въ полъ-горы, надъ Сулой, среди зелени, стоитъ каменная церковь.

Эти холмики ничуть не похожи на тѣ селитряныя бурты, какія зачастую встрѣчаются въ южно-русскихъ селеніяхъ. Самый видъ холмиковъ и расположеніе ихъ на гребнѣ крутой горы, доступъ на который чрезвычайно труденъ,—исключаютъ возможность признать ихъ за остатки селитрянаго производства. Я попытался узнать отъ крестьянъ, занимавшихся здѣсь же неподалеку распашкой поля, каково происхожденіе этихъ холмиковъ, и что тамъ было прежде. „Хто его знае, що тутъ було таке,—отвѣтилъ мнѣ одинъ крестьянинъ,—стари люде кажуть, що тутъ була колысь война; а бильшъ мы ничого не чулы: не знаемо, ни хто ёго робывъ ихъ, ни для чого".

Я внимательно осмотрѣлъ обширное поле, сплошь усѣянное такими холмиками, стараясь уловить какую-либо правильность или же систематичность въ ихъ расположеніи, но ничего особеннаго не замѣтилъ.

Поле со множествомъ холмиковъ представляло какъ бы обширный, пустынный заснувшій лагерь, сплошь усѣянный крытыми зеленымъ дерномъ палатками. Разсматривая эти холмики, я былъ пораженъ замѣчательнымъ сходствомъ въ величинѣ, формѣ и мѣстоположеніи ихъ съ такими же холмиками, находящимися близъ древняго Лукомльскаго городища: и тамъ, и здѣсь они являются одинаковыми; и тамъ, и здѣсь о нихъ сохранились одинаковыя преданія [1]).

По всей вѣроятности, эти холмики, находясь передъ укрѣпленіями, исполняли назначеніе маскировать силы защитниковъ и не давать возможности врагамъ нападать сплошной конной массой, чѣмъ только и были сильны и искусны кочевники.

---

[1]) Верстахъ въ двухъ къ сѣверу отъ Снѣтина, на склонѣ горы, нависающей къ Сулѣ, находится большой валъ, который какъ бы отчахнулся отъ горы. Снѣтинскіе старожилы разсказывали мнѣ, что, по преданію, этотъ валъ образовался оттого, что „одынъ чоловикъ оравъ на Великдень (т. е. на Пасху) да й пишовъ, провалывся значить, пидъ землю з воламы и плугомъ". Интересно, что подобное по своему сюжету преданіе о таинственномъ пахарѣ, котораго быки уходятъ въ землю, существовало и у Западныхъ славянъ уже въ глубокой древности: въ легендѣ о Чешскомъ Пшемыслѣ, записанной въ X или же XI в., мы встрѣчаемъ тождественное преданіе. См. *Бестужева-Рюмина*. Рус. Ист., т. I, с. 55—о матеріальн. обстановкѣ славянъ.

Окончивъ осмотръ холмиковъ, я направился дальше, въ надеждѣ открыть какіе либо слѣды древнихъ укрѣпленій. Припоминая, что въ древнемъ Лукомльскомъ городищѣ, вслѣдъ за подобными холмиками находились земляные валы, составлявшіе какъ бы передовую защиту главнаго кремля, я постарался провѣрить,—нѣтъ-ли и здѣсь, по гребню шпиля, какихъ либо остатковъ валовъ. Узкость мѣста на гребнѣ не позволяла, конечно, соорудить здѣсь какое либо обширное укрѣпленіе, но слѣды большихъ валовъ, шедшихъ какъ бы параллельно другъ другу и нѣсколько расширявшихся въ болѣе широкой части (теперь эта часть занята усадьбой г. Афанасопуло),—замѣтны и теперь. И въ остальной части гребня, понижающагося къ концу, замѣтны слѣды валовъ, разрушенныхъ частью рукой времени, частью рукой человѣка. Не вдалекѣ отъ конца гребень разрѣзанъ поперекъ дорогой, которая все время вилась у подошвы его, обокъ съ сельскими усадьбами, нависшими къ Сулѣ. На отрѣзанномъ отъ общей массы горы шпилѣ также видны слѣды валовъ, частью разрытыхъ уже, частью слабо сохранившихся.

Такимъ образомъ, на вершинѣ горы не оказалось обширной крѣпости, какая соотвѣтствовала бы важности такого стратегическаго пункта.

Я разспросилъ у крестьянъ, не знаютъ-ли они какихъ либо валовъ или же буртъ въ селѣ; одинъ изъ крестьянъ, работавшій на откосѣ гребня горы, указалъ рукой къ рѣкѣ и сказалъ: „вонъ тамъ, надъ рѣкой, есть много буртъ: туда надо ѣхать!“ Я поднялся на гребень и глянулъ по направленію указаннаго мѣста: на краю обрыва рѣки ютились какіе-то обрывки валовъ, расположенные, какъ мнѣ показалось, безъ особой правильности. На дѣлѣ оказалось не то. Подъѣхавъ къ указаннымъ валамъ, я увидѣлъ, что здѣсь-то и находилась та древняя крѣпость, которую я тщетно искалъ на вершинѣ горы. Незначительность пространства на гребнѣ горы была причиной того, что главное городище, такъ называемый Снѣтинскій кремль, помѣстилось внизу, у подошвы горы.

Черезъ прорѣзанное отверстіе въ валу, ворота, мы въѣхали въ круглое, со всѣхъ сторонъ замкнутое, обширное го-

родище, съ хорошо сохранившимся еще довольно высокимъ окружнымъ валомъ. Городище имѣло форму правильнаго круга; оно расположено на краю обрыва къ Сулѣ, за которой видны многочисленные заливы рѣки. Окружной земляной валъ еще и теперь довольно высокъ, крутъ и обрывистъ кнаружи; валъ весь искусственный, насыпной, съ значительными остатками черепковъ, костей, камней, углей, попадающихся иногда въ значительномъ количествѣ вмѣстѣ съ обгорѣлыми концами кольевъ, очевидно, когда-то защищавшихъ вершины валовъ. Вокругъ вала, съ наружной стороны, довольно явственно замѣтны слѣды рва, окружавшаго всю крѣпость; ровъ наполнялся, очевидно, водой изъ подходившей къ городку низины, извѣстной въ народѣ подъ названіемъ „Жабокрики“. Все городище внутри наполнено множествомъ различнаго рода насыпей, по большей части неправильной формы; только по бокамъ дороги, пересѣкающей городище посрединѣ и идущей къ мосту, замѣтны какъ бы правильно идущіе длинные валы. Двѣ, пересѣкающіяся накрестъ, дороги идутъ черезъ городище; онѣ образуютъ какъ бы четверо воротъ въ него.

При въѣздѣ черезъ западныя ворота, въ земляномъ валу замѣтна кирпичная кладка въ перемѣшку съ дикимъ камнемъ, какъ это дѣлалось въ старину: вѣроятно, здѣсь были когда-то крѣпостныя ворота. Въ средней части городища находится земляное возвышеніе, гдѣ, по преданію, находилась когда-то церковь; здѣсь отыскиваютъ въ значительномъ количествѣ старые кирпичи—это церковный погостъ, церковная земля по словамъ крестьянъ.

Я поинтересовался узнать, не сохранилось ли какихъ либо преданій объ этомъ городищѣ. Одинъ довольно пожилой крестьянинъ объяснилъ мнѣ, что это мѣсто называется *„городокъ“*, потому что здѣсь городъ былъ, а кто его соорудилъ—онъ не умѣетъ объяснить: „Богъ ёго знае, хто ёго зробывъ: мы не знаемо... Кажуть люде, що буцимъ тутъ Шведъ бувъ,—значить багатырь такый. (Sic) Винъ ото и воювавъ отутъ; а бильше не знаемо, ни хто ёго зробывъ, ни колы винъ будовавсь“. Разказавъ все, что зналъ, крестьянинъ указалъ мнѣ невдалекѣ хату

стараго дѣда, который могъ знать о городкѣ больше его. Я направился къ дѣду, онъ оказался дома и сидѣлъ на завалинкѣ, грѣясь на солнцѣ. Поздоровавшись съ дѣдомъ, я присѣлъ возлѣ него и началъ разспрашивать о городищѣ. „Те место, де ото валы, здавна зветься *городокъ*,—объяснилъ мнѣ дѣдъ,—бо тамъ колысь бувъ городъ великій; и цей кутокъ, де мы жывемо, зветься тоже городкомъ, а улыця, що иде зъ городка,—Изгородьска". На мой вопросъ, не знаетъ-ли дѣдъ, кто построилъ или основалъ этотъ городокъ и когда,—дѣдъ отвѣтилъ: „Ни, добродію, не знаю, не чувъ, хто его зробывъ; стари люде казалы, що цей городокъ дуже, дуже (старикъ при этихъ словахъ поднималъ руку все выше и выше надъ головой, какъ бы дополняя жестомъ то, что онъ хотѣлъ выразить словами) давно зробленъ: его тоди зроблено, якъ свитъ зачынався—нихто не зна, хто его зробывъ. Кажуть, що война тутъ була колысь велыка: ото й валы насыпаны... Да якъ зачнуть було воювать, то вόрогы съ тыей горы (старикъ указалъ рукой на Исачковскій холмъ), а наши съ сіей (съ Снѣтинской) бьются... А бильшъ ничого не знаю... Стари люде казалы, що тутъ колысь великый городъ бувъ—не мистечко, а городъ... дзвоны вылывалы... (sic) Да якъ напавъ Шведъ на Снитинъ, то ту церкву, що стоить надъ Сулою (та церква перше костеломъ була, а ін зробылы запорожци (sic)), зовсимъ скынулы съ кручи у Сулу, съ дзвонами... усе попадало въ воду... И теперъ, якъ прыслухаться надъ Сулой, то инколы чуть, якъ звонять у тій церкви".

Изъ этихъ неясныхъ разсказовъ мѣстныхъ жителей меня поразило то обстоятельство, что народная память сохранила преданіе о древности основанія снѣтинскаго городка и вѣрно указала то направленіе, въ какомъ происходили столкновенія съ врагами.

Кромѣ укрѣпленій городка, крестьяне указали мнѣ еще слѣды двухъ валовъ со рвами на внѣшней сторонѣ, перерѣзывающихъ низменную равнину, разстилающуюся передъ городомъ. Тамъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, отбивались отъ непріятелей. Валы въ настоящее время сильно осунулись: они невысоко поднимаются надъ поверхностью земли.

Я миновалъ эти валы и направился къ Исачковской горѣ. Заходящее солнце мягко золотило своими лучами закутывающіяся въ туманную дымку окрестности. Съ вершины горы я еще разъ глянулъ въ сторону Снѣтина, и передо мною вновь воскресла картина давней, многострадальной жизни Снѣтина, видавшаго подъ своими стѣнами и многочисленныя рати половцевъ со хищнымъ, лукавымъ Бонякомъ, наводившимъ страхъ и трепетъ на окрестныя страны, и добраго страдальца за Русскую землю Владиміра Мономаха, ходившаго на защиту страднаго пахаря—поильца и кормильца Русской земли.

Василій Лясковронскій.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА[1].

Медовый мѣсяцъ прошелъ въ визитахъ, въ числѣ коихъ мы ѣздили на приглашенный обѣдъ къ И. В. Бухарину, бывшему херсонскому губернатору. Возвращаясь оттоль, Текля почувствовала ознобъ, головную боль и слегла въ постель; на третій день оказалась у нея нервная горячка, я самъ ѣздилъ за докторомъ,— тогда знаменитымъ считался въ г. Зѣньковѣ уѣздный врачъ Кричевскій,—но спасенія не было. Больная бредила о дядѣ, нерѣдко звала меня безсознательно, и на 9-й день ея не стало...

Что было причиною ея болѣзни, трудно отгадать, но, повидимому, чрезвычайное душевное потрясеніе. Теперь только открылось, что тетушка сначала прочила ее за меня и могла подѣйствовать на нѣжную душу сильно, между тѣмъ какъ Текля и Мари знали навѣрное, что и сама она имѣла на меня претензію. Но Богъ съ нею! Какъ бы то ни было, только мое положеніе было ужасное: послѣ радости, вдругъ такой рѣзкій переходъ. Мари, хотя навѣщала сестру и почти была при ней безотлучно, но за день до смерти Текли докторъ запретилъ ей находиться при больной, потому что Мари оказалась и сама чрезвычайно нервной и страдала началомъ печоночной чахотки, слѣдственно опасались, чтобы, со смертью одной, не имѣть бы и двухъ покойницъ. На это время пріѣхала туда же Невѣровичева, бывшая у Ольшевскихъ экономкой. Она также совѣтовала увезти Мари въ Полтаву, подъ предлогомъ излѣченія ея самой и для высылки

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 11.

къ Теклѣ губернскаго доктора. Обманъ былъ прискорбный, но необходимый. Поэтому, оставя все на попеченіе Невѣровичевой, ибо тетушка также ушла отъ умершей, мы ночью запрягли лошадей и уѣхали въ Полтаву. Жена моя была въ такомъ разстройствѣ, что безсознательно повиновалась всему. Быть можетъ, я сдѣлалъ это и опрометчиво, не боязнь за жену помутила мой разсудокъ. Мнѣ казалось непремѣнно, что Мари, увидя мертвую сестру, умретъ и сама; такъ, по крайней мѣрѣ, она сама твердила, и мы вынуждены были искать спасенія въ обманѣ. Текля похоронена въ Будылкѣ.

Между тѣмъ мало-по-малу я приготовлялъ Мари къ роковому извѣстію и исподоволь далъ знать, что Текли уже нѣтъ на свѣтѣ. Поэтому она пожелала видѣть ея могилу. Мы поѣхали въ Будылку, отслужили надъ могилой панихиду, поплакали вдоволь и отдали ей вѣчную память. Тетушка представила счетъ на 800 руб. за похороны, которую сумму я тотчасъ и заплатилъ ей. Здѣсь же заплатилъ и Невѣровичевой 500 руб., хотя та и другая претензіи чрезвычайно были преувеличены. Мы съ тетушкой толковали о долгахъ, которые она съ мужемъ сдѣлали и даже заложили сиротское въ Бѣлоруссіи имѣніе[1]), но она слышать ничего не хотѣла и рѣшительно отказалась отъ всякаго участія. Даже за Будылку, которая ей записана со всею движимостью, не принимала на себя отвѣтственности, и потому всѣ наши отношенія порвались.

Мари между тѣмъ заболѣла. Я повезъ ее въ Харьковъ къ знаменитому тогда доктору, профессору Калиниченку, платилъ ему за визитъ по 100 руб., и онъ рѣшилъ, что для ея выздоровленія нуженъ родной климатъ. Извѣстіе это дошло до Розетты Андреевны, и опредѣлено: отправиться въ Бѣлоруссію и тамъ поселиться. Сказано—сдѣлано. Гдѣ дѣло шло о жизни жены, тамъ я не задумывался. Мнѣ только осталось продать малороссійскія имѣнія и разсчитаться съ долгами, которыхъ я очень не любилъ. Для этого я отправился въ Полтаву.

---

[1]) Сколько они прожили, увидимъ дальше. (Примѣч. Сердюкова).

Принявши имѣніе Ольшевскихъ въ свое распоряженіе, я былъ обязанъ хлопотать о разсчетѣ. По плану моему, нужно было полтавское имѣніе жены и мое продать, чтобы заняться хозяйствомъ въ одномъ мѣстѣ, т. е. въ Бѣлоруссіи; поэтому я объявилъ о продажѣ Локощины и Новоселовки. Вскорѣ явились охотники: на Локощину сосѣдъ Джунковскій, сулившій 28000, (за Локощину заплочено 52000 руб.), а на Новоселовку Павелъ Григорьевичъ Старицкій, дававшій 35000 р. Но такъ какъ намъ показались эти цѣны несходными, то мы рѣшились ждать у моря погоды.

Когда купилъ Ольшевскій с. Локощину, то пригласилъ кобелякскаго землемѣра Беселя измѣрить землю. Бесель занялся и выдалъ планъ; но такъ какъ у Ольшевскаго почти никогда не было денегъ, то за работу Бесель ничего не получилъ. Ему, конечно, обѣщали заплатить, между тѣмъ Ольшевскій умеръ. Когда же я получилъ имѣніе и расплачивался съ долгами, тогда явился и Бесель, прося дать ему за прошедшую работу, что называется, сколько угодно; но я спросилъ его, сколько именно. Онъ былъ столь совѣстенъ, что спросилъ 100 руб., а я отсчиталъ ему 200. Это его чрезвычайно обязало, и Бесель о щедрости моей и добродѣтели разславлялъ по своему уѣзду и, узнавъ между разговоромъ, что молодой человѣкъ, только что женившійся на купеческой дочери, Я. В. Дьяченко, ищетъ купить имѣніе, отрекомендовалъ ему нашу Локощину, которую самъ снималъ, и живописно обрисовалъ охотнику. Мы ничего этого не знали, какъ Дьяченко съ Беселемъ уже съѣздили въ имѣніе и обозрѣли его.

Послѣ этого въ одинъ изъ вечеровъ, когда у насъ собирались гости изъ числа моихъ знакомыхъ,—является молодой человѣкъ прекрасной наружности и рекомендуется, что онъ штабъ-ротмистръ Яковъ Васильевичъ Дьяченко. „Милости просимъ“. Подали чай. Сѣли за карты—усадили и гостя. Наконецъ ужинъ и прощанье. Всѣ гости разъѣхались, одинъ Я. В. остается. Я полагалъ, что онъ будетъ ночевать у насъ, велѣлъ было готовить постель, но Я. В. сказалъ, что онъ уѣдетъ ночевать на квартиру, а остался только на пару словъ.

— Позвольте узнать, въ чемъ дѣло? спросилъ я.

— Вы, говоритъ, продаете Локощину, а я покупщикъ; поэтому позвольте мнѣ къ вамъ пріѣхать завтра пораньше, чтобы намъ помѣшать не могли.

На другой день рано Яковъ Васильевичъ дѣйствительно пожаловалъ къ чаю, и мы начали торгъ такъ: онъ взялъ перо и листъ бумаги, самъ сдѣлалъ расцѣнку и предложилъ 52 тысячи рублей.

Мы какъ нельзя лучше обрадовались такому покупщику, тѣмъ болѣе, что изъ Локощины уже продали лѣсу на 5 т. руб. Черезъ нѣсколько дней совершили и купчую.

Свою Новоселовку я продалъ Старицкому за 35 т. руб., да за движимость выручилъ около 2 т. руб.

Прежде этого я исчислилъ долги, которые, по продажѣ имѣнія, всѣ до копѣечки и уплатилъ, лишь принялъ на себя долгъ на бѣлорусскомъ имѣніи, Кудричахъ, Приказу Общественнаго призрѣнія, такъ какъ на это имѣніе Мари совершила мнѣ купчую, потому что я на уплату наслѣдственныхъ долговъ ея продалъ свое отличное имѣніе.

Здѣсь кстати упомянуть о счетахъ съ тетушкою. Они съ покойнымъ Даниломъ Францовичемъ взяли у отца на покупку Будылки 30 тысячъ рублей; получили изъ Могилевскаго Приказа за бѣлорусское имѣніе 19400 руб.; заняли у разныхъ лицъ вышеименованныхъ 17900 рублей; заняли у Каракуши 11 тысячъ рублей, у доктора Ольшевскаго 2 тысячи, и все это осталось въ Будылкѣ. Я не говорю о томъ, что занималъ Данило Францовичъ на покупку Локощины 25 тысячъ рублей. Все это я пополнилъ и—съ удовольствіемъ могу припомнить—разсчитался со всѣми честно.

Покончивши такимъ образомъ, я снарядилъ 20 фуръ чумацкихъ, т. е. по парѣ воловъ въ огромной телѣгѣ, въ 4 лошади коляску и 2 кибитки; сложивъ все свое полтавское имущество и даже мебель, взялъ 25 мужчинъ и 25 женщинъ изъ полтавскихъ имѣній[1]), отправилъ молебенъ и двинулъ весь обозъ въ моги-

---

[1]) Нѣкоторые изъ переселенныхъ малороссіянъ находятся еще и нынѣ въ Кудричахъ и вполнѣ сохранили свой языкъ. Дома ихъ одни изъ лучшихъ въ деревнѣ.

левское имѣніе. Самъ я на другой день съ женою выѣхалъ въ каретѣ, до Ромна на почтовыхъ, а здѣсь, купивъ лошадей, съ кучеромъ Карпомъ, форейторомъ Осипомъ и двумя лакеями да дѣвушкой Фелиціей, поѣхали на своихъ.

Въ Конотопѣ съ собою я взялъ племянника Василія Стасевича и племянницу Марью Сердюкову. Наконецъ, 12 іюня 1842 года прибыли благополучно въ Кудричи, куда черезъ двѣ недѣли явился и обозъ, потерявши на дорогѣ 7 лошадей; съ обозомъ привезены 4 малороссійскія коровы и 25 решетиловскихъ овецъ, которыя долго у меня велись.

Переселеніе мое съ такимъ обозомъ надѣлало шуму во всемъ мстиславскомъ уѣздѣ, гдѣ помѣщики почти всѣ поляки и завзятые патріоты. Со многими изъ родни Мари я познакомился, другіе, встрѣчаясь со мною, запрашивали къ себѣ и тоже причислялись къ роднѣ, такъ что, съ кѣмъ только ни случилось мнѣ встрѣчаться,—все родные! Впослѣдствіи я узналъ, къ чему это клонилось, и когда я началъ сидѣть больше дома и занялся хозяйствомъ, тотчасъ всѣ стали держаться отъ меня подальше, отзываясь обо мнѣ: „добрый человѣкъ, але русскій“.

Въ Кудричахъ, которыя зимой, въ прошлый мой пріѣздъ, въ 1841 году, показались довольно красивымъ мѣстомъ,—теперь я нашелъ недостатки. Рѣки при усадьбѣ нѣтъ, луговъ мало, мельницы нѣтъ, дома нѣтъ. Крестьяне бѣдны и много воровъ. Арендаторъ потребовалъ вознагражденія за сдачу имѣнія прежде срока. Приведенные малороссы, 50 душъ, требовали хлѣба и соли. Нужно было поворачиваться на всѣ четыре стороны. Поэтому я, поселившись въ двухъ комнатахъ, началъ строить домъ, мельницы, сараи, раздѣлывать луга, отдѣлилъ поля крестьянскія отъ господскихъ къ одной сторонѣ, покопалъ канавы, растеребилъ оборки, выбралъ себѣ войта Петра Лукьянова, пробовалъ новое полеводство, искусственное удобреніе, увеличилъ скотоводство, распредѣлилъ привезенныхъ хохловъ на хозяйство, началъ участвовать во всѣхъ хозяйственныхъ журналахъ—и въ

Многіе и послѣ освобожденія остались у насъ въ домѣ и дожили вѣкъ; всѣ они вообще пользовались особымъ покровительствомъ и расположеніемъ покойнаго мужа. (Примѣч. вдовы автора).

такихъ хлопотахъ не осмотрѣлся, какъ прошло нѣсколько лѣтъ и израсходовано нѣсколько тысячъ, вывезенныхъ изъ Малороссіи.

Я заботился о хозяйствѣ съ удовольствіемъ, оттого что, дѣйствительно, какъ сказалъ Калиниченко, жена моя значительно поправилась и начала рожать дѣтей. Правда, дѣти выходили слабыя и умирали. Изъ пяти сыновей остался средній, Аристархъ, теперь (въ 1868 г.) студентъ московскаго университета. Я не могу не вѣрить нѣкоторымъ, такъ называемымъ предразсудкамъ, по моему—припишу это къ предчувствію, къ магнетизму. Напримѣръ: какъ я сказалъ, у насъ пошли ежегодно дѣти; крестнымъ отцомъ ихъ всегда былъ приглашаемъ, по желанію жены, генералъ Иванъ Антоновичъ Свѣховскій, и дѣти умирали. Акушерка дала совѣтъ взять такъ называемыхъ „встрѣчныхъ“ кумовей, когда представится надобность, и это дѣлать такъ: отецъ долженъ выйти изъ дому и, кого бы ни встрѣтилъ, мужчину и женщину, тѣхъ и брать въ кумовья. Когда родился Аристархъ, вотъ такъ мы и поступили. Я вышелъ изъ дому и встрѣтилъ нечаянно ко мнѣ пріѣхавшихъ мужчину и женщину—это былъ полковникъ Филиппъ Ивановичъ Коваликъ, по Малороссіи мой землякъ, и съ нимъ пріятельница Мари, Анна Антоновна Саллак...; они и были воспріемниками Аристарха, и слава Богу, онъ только и уцѣлѣлъ — отъ этого или отъ чего другого, извѣстно Богу, но я получилъ къ примѣтамъ довѣріе.

Между хозяйствомъ я занимался и литературой. Въ 1844 году въ „Земледѣльческой Газетѣ“ напечатаны мои статьи: въ № 44—*О цѣнахъ на сельскія произведенія*; № 57—*О сохѣ*; № 34—*О болѣзни овецъ*; 1845 г. № 4—*О Бѣлорусскомъ хозяйствѣ*; 1846 г. № 47 удостоенное награды сочиненіе *О скотоводствѣ*, представленное на конкурсъ 1844—1845 г.; 1847 г. № 59—*О страхованіи скота*; 1848 г. № 47—*О съѣздахъ*; № 51—99—*О хлѣбокошеніи*; 1848 г. марта 14 письмо къ Наполеону III о лишеніи папы свѣтской власти и *О соединеніи церквей*. Копію его послалъ я митрополиту Филарету и министру народнаго просвѣщенія; 1849 г. № 2—*О чаконѣ*; № 3—*Свѣдѣнія о расте-*

ніяхъ; № 5—*Картофельный хлѣбъ*; № 8 и 9—*Испорченное и поправленное хозяйство*. Разборъ этой статьи помѣщенъ въ Журналѣ Мин. Госуд. Имуществъ, 1849 г. № 3, ст. 246; № 14—*Молотьба овса*; № 19—20—*О пчеловодствѣ*; № 21—*Отвѣтъ на замѣчанія*; № 23—*О картофелѣ*; № 33—*Пряжа и холсты*: № 34—*Народныя примѣты и метеорологія*. Статья эта была перепечатана въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ, въ журналѣ М. Г. Им. и въ Трудахъ Имп. В. Эк. Общества. Въ этомъ же году я познакомился съ редакторомъ „Землед. Газеты" Степаномъ Михайловичемъ Усовымъ и былъ приглашенъ участвовать въ издаваемой имъ газетѣ „Посредникъ".

1850 года, по задачѣ ученаго комитета М. Г. Имущ., я написалъ *Описаніе мстиславскаго уѣзда* и удостоился почетнаго отзыва Комитета отъ 9 февраля 1851 года за № 84. Объ этомъ писали во всѣхъ газетахъ. № 39—*Чищеніе серебра*; № 44—*Еще опытъ кошенія ржи*; № 53—*О новыхъ орудіяхъ уборки картофеля*; № 65—*Климатологія мстиславскаго уѣзда*.

Въ Трудахъ Им. В. Эк. Общества—*Очерки хозяйства моего*, № 4, за апрѣль 1850 г.

Противъ этой статьи интриговали польскіе паны, и одинъ изъ нихъ, пребывавшій въ Петербургѣ, указалъ на нее генералу Дубельту, какъ на либеральную, гдѣ написана была фраза, что „переселенные мною въ Бѣлоруссію малороссы, забывъ тоску по отчизнѣ, привыкли къ бѣлорусскому хозяйству. На все это сосѣди хотя и смотрятъ одобрительно, но у насъ нововведенія требуютъ людей рѣшительныхъ; отъ этого встрѣчаются иногда похвалы съ завистью, которая не рѣдко примѣшиваетъ упрямство, и полезное подражаніе останавливается въ раздумьи. Полезны-ли эти труды (т. е. система моего хозяйства, которыми наполнена статья), предоставляю судить другимъ". Статья эта была доложена государю Николаю Павловичу и вызвала объясненіе вице-президента И. В. Э. О. князя Долгорукова.

Въ томъ же году я назначенъ былъ членомъ-корреспондентомъ И. В. Э. О. и получилъ дипломъ. Въ томъ же году моя статья подъ заглавіемъ *Хозяйство въ имѣніи Кудричахъ* напечатана въ газетѣ „Экономъ", издаваемой подъ редакціею Булга-

рина № 11—18; въ 1852, 1855 и 1857 годахъ въ Экономическомъ Обществѣ—*Опытъ объ улучшеніи хозяйства* и вообще о народномъ благосостояніи.

Между тѣмъ я писалъ государственные проекты: 1) *О помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ*, поданный 27 генваря 1857 года графу Блудову; 2) О судебной администраціи: чиновники, инстанціи и судопроизводство,—послано 20 марта того же года графу Блудову; 3) Проектъ объ откупахъ и акцизѣ. Эти проекты впослѣдствіи я послалъ Якову Ивановичу Ростовцеву и получилъ отъ него отзывъ; писалъ я много и другихъ проектовъ, о чемъ будетъ говорено по порядку лѣтъ.

Теперь я возвращаюсь къ 1850 году и буду продолжать послѣдовательно.

Кромѣ хозяйства, я строилъ шоссе въ м. Кричевѣ, между рѣками Сожемъ и Черной рѣчкой на сумму 40 тыс. руб. сер., и вышелъ почти безъ барыша, по худой расплатѣ повѣренныхъ главнаго подрядчика Лярскаго. Велъ переписку о хозяйствѣ съ людьми, знакомыми мнѣ только по журналамъ, которые дѣлали мнѣ честь своими вопросами, а именно: съ генераломъ Николаемъ Васильевичемъ Вохинымъ, псковскимъ помѣщикомъ, съ генераломъ Дмитріемъ Михайловичемъ Самборскимъ, тверскимъ помѣщикомъ, съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, редакторомъ „Эконома“, съ Степаномъ Михайловичемъ Усовымъ, издателемъ „Посредника“, съ Петромъ Александровичемъ Головинскимъ, старобѣльскимъ помѣщикомъ, съ Василіемъ Андреевичемъ Журавлевымъ, управляющимъ имѣніями генерала Хомутова и писателемъ; съ Иваномъ Николаевичемъ Лермонтовымъ, задонскимъ помѣщикомъ; съ Александромъ Михайловичемъ Дураковскимъ, великолуцкимъ помѣщикомъ; съ Дмитріемъ Ивановичемъ Брещинскимъ, кунгурскимъ помѣщикомъ пермской губ.; съ Гавріломъ Ивановичемъ Шульгинымъ, ростовскимъ помѣщикомъ; съ Петромъ Родіоновичемъ Подушкинымъ, вяземскимъ помѣщикомъ; съ Владиміромъ Федоровичемъ Петрицкимъ, шуйскимъ помѣщикомъ; съ Андреемъ Ивановичемъ Чихачовымъ[1]), шуй-

[1]) Съ Андр. Ивановичемъ наша переписка ходила отъ одного къ другому тетрадью нѣсколько лѣтъ, и не знаю, почему тетрадь осталась у него, мнѣ не возвращенная, въ 1859 г.

скимъ же помѣщикомъ и писателемъ; съ Александромъ Евграфовичемъ Чернявскимъ, помѣщикомъ суражскаго уѣзда черниговской губерніи, писателемъ и сахароваромъ; съ Павломъ Осиповичемъ Енько, витебскимъ помѣщикомъ и писателемъ; съ Мартыномъ Ивановичемъ Ивановымъ, белибинскимъ окружнымъ начальникомъ.

На всѣ отзывы я отвѣчалъ—инымъ по нѣскольку разъ, нѣкоторымъ высылалъ сѣмена или планы для построекъ и даже планы для полеводства, и пріятное о нихъ воспоминаніе всегда доставляетъ мнѣ удовольствіе.

Наконецъ насталъ 1851 годъ, для меня несчастный: моя жена, ѣдучи въ другую деревню съ дѣтьми въ коляскѣ въ шесть лошадей, провалилась на мосту и съ испугу заболѣла, а 11 февраля 1851 года, въ 10 часовъ 45 минутъ ночью, отошла въ вѣчность, тихо и нѣжно, взглянувъ на меня въ послѣдній разъ, еще пожала мою руку. Этотъ роковой случай совершенно поразилъ меня, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе десятилѣтней нашей съ нею жизни, мы никогда не разлучались, а въ это несчастное время какъ нарочно она уѣхала безъ меня и, главное, не вышла изъ экипажа, когда, бывало, при малѣйшей горкѣ или переѣздѣ чрезъ ничтожный мостикъ никогда ни мнѣ не позволяла, ни сама не оставалась въ экипажѣ. Такъ ужъ судилъ злой рокъ, какъ говорится,—смерть причину найдетъ. Мари была слабаго здоровья, но чрезвычайно веселаго нрава, даже никогда болѣзненности своей не обнаруживала, чтобы меня не безпокоить. Большая мастерица въ изготовленіи многихъ туалетныхъ и дѣтскихъ вещей, хорошо знала нѣмецкій и французскій языки, русскій же и польскій были ея родные; любила женское хозяйство, любила меня безъ памяти и, къ скорби моей, оставила свѣтъ на 29-мъ году отъ рожденія. Похоронена въ Кудричахъ, рядомъ съ ея матерью, также во цвѣтѣ лѣтъ снизшедшею въ могилу. Надъ могилой Мари поставленъ крестъ съ надписью: „Здѣсь лежитъ Марьяна Каетановна Сердюкова, урожденная Ольшевская. Умерла 11 февраля 1851 года, на 29-мъ году жизни“ [1]). При

[1]) Я написалъ стихи, которые нынѣ на крестѣ стерлись:

„Твоя неожиданная смерть мнѣ жизнь отравила:
Она у меня исторгнула жену и сына матери лишила“.

этихъ могилахъ теперь строится церковь во имя Іоанна Милостиваго.

Послѣ погребенья, на другой же день, взглянувъ въ окно, изъ котораго видна ея могила, я не могъ жить въ домѣ и на третій день оставилъ Кудричи, выѣхалъ въ Петербургъ, предполагая дорогою разсѣять грусть и въ столицѣ сыскать службу. Аристарха я оставилъ дома подъ надзоромъ няни и старушки Чаплицовой. Ему тогда было пять лѣтъ.

Часть третья.

При отъѣздѣ изъ Кудричъ, управленіе имѣніемъ я поручилъ войту Петрику, а надзирать и руководить по писанному просилъ мстиславскаго стряпчаго Евдокима Ивановича Бѣлохвостова, казавшагося мнѣ большимъ пріятелемъ; разумѣется, положено было ему жалованье, а въ помощь ему приглашенъ еще городовой врачъ Тимофей Севастьяновичъ Севастьяновъ, большой мой пріятель. Проѣхавъ 30 верстъ, до м. Кричева, на собственныхъ лошадяхъ, я остановился здѣсь кормить лошадей у еврея, называемаго Ротшильдомъ, Лейбы Певзнера, человѣка почтеннаго и пользующагося хорошимъ знакомствомъ. Здѣсь нашелъ тоже остановившагося помѣщика Александра Станиславовича Голынскаго. Зашелъ разговоръ, кто куда ѣдетъ, потомъ Певзнеръ и Голынскій сожалѣли о моей потерѣ, а какъ и Голынскій вдовецъ, то Певзнеръ, какъ бы въ шутку, совѣтовалъ ему жениться и предлагалъ невѣсту, Александру Николаевну, ему извѣстную; но Голынскій, отстраняя предложеніе, обратилъ сватовство ко мнѣ. Отвѣчать мнѣ было легко: я этой особы не знаю и о женитьбѣ теперь не помышляю; а ежели они оба такъ хвалятъ Александру Николаевну, по фамиліи Очкину, то я просилъ бы ихъ сосватать ее за моего пріятеля Бѣлохвостова. Оба они охотно на это согласились.

Между тѣмъ мнѣ привели почтовыхъ лошадей. Я простился и покатилъ по шоссе на Москву, а оттоль по чугункѣ въ Петербургъ. На другой же день по пріѣздѣ, именно 20 февраля 1851 года, я пошелъ въ книжный магазинъ Исакова. Здѣсь встрѣ-

тилъ Ѳ. В. Булгарина, который спросилъ, зачѣмъ я пріѣхалъ. Выслушавъ мою повѣсть и желаніе поступить на службу, онъ былъ столь любезенъ, что сейчасъ предложилъ мнѣ свои услуги.

— „Приходи ко мнѣ завтра въ 11 час. утра, я тебя отрекомендую".

Въ назначенный часъ явился я къ Ѳ. В. Онъ квартировалъ на Невскомъ, въ домѣ Миняева. Дверь кабинета его завѣшена была сукномъ. Я отдернулъ безъ доклада и очутился въ кабинетѣ. Булгаринъ стоялъ у пульпета и писалъ, съ сигарой въ зубахъ; на немъ было коричневое, почти красное, коротенькое пальто, зеленый галстухъ и желтые въ полоскахъ панталоны. Услыша мое привѣтствіе, онъ поднялъ глаза, положилъ перо, подалъ мнѣ руку и буркнулъ:

— „А, мое почтеніе, мое почтеніе. Ну, что? Вотъ я сію минуту напишу. Хотите вы служить по хозяйственному департаменту министерства государственныхъ имуществъ? Директоръ Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, большой мой пріятель, я полагаю, васъ приметъ на службу".

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

Булгаринъ принялся писать, потомъ прочиталъ и подалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Алексѣй Иракліевичъ! Господинъ Сердюковъ, извѣстный у насъ по хозяйственной литературѣ за бойкаго человѣка, а по обществу—за практическаго хозяина, желалъ бы служить подъ вашимъ начальствомъ. Рекомендую. Это находка, а не человѣкъ. Вы доставите себѣ и мнѣ удовольствіе, если дадите ему мѣсто. Пріймите увѣреніе въ преданности и дружбѣ. Ѳ. Булгаринъ. 22-го февраля 1851 года.

Съ этимъ письмомъ я въ тотъ же день отравился въ департаментъ, гдѣ квартировалъ А. И. Левшинъ. Прочитавъ письмо, мною поданное лично, А. И. посадилъ меня и довольно долго бесѣдовалъ со мною. Рѣчь шла о Горецкомъ институтѣ, о тамошнемъ хозяйствѣ. На все я отвѣчалъ, какъ зналъ, будучи знакомъ съ этимъ заведеніемъ. Прощаясь А. И. сказалъ:

— Я въ настоящую минуту не придумаю вамъ должности, всѣ заняты; но буду имѣть васъ въ виду и постараюсь пріискать вамъ мѣсто; понавѣдайтесь черезъ 4—5 дней. Я не забуду васъ".

Съ этимъ я откланялся, пріятно и вѣжливо привѣтствуемый Левшинымъ.

Черезъ 3 дня Булгаринъ мнѣ писалъ: „Приходите ко мнѣ— есть дѣло. Бывайте у меня чаще—я дома съ утра до часу и съ 5 до 10 вечера. Ѳ. Булгаринъ". Я пришелъ, и онъ подалъ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ! На письмо ваше отъ 22 сего февраля имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что рекомендуемый мнѣ вами г. Сердюковъ, судя по объясненіямъ моимъ съ нимъ, можетъ быть съ пользою употребленъ на службу по министерству государственныхъ имуществъ; но какъ въ настоящую минуту нѣтъ ни одной вакансіи, которая могла бы быть ему предоставлена, то я буду имѣть его въ виду на будущее время и очень радъ буду, если найду случай сдѣлать вамъ и ему тѣмъ удовольствіе. Пріймите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. А. Левшинъ. 25 февраля 1851 года".

Въ это время спросилъ меня Булгаринъ, не привезъ ли я чего изъ статей. Я ему показалъ написанную при отъѣздѣ изъ имѣнія инструкцію для моихъ управляющихъ. Онъ ее взялъ и напечаталъ въ „Экономѣ", №№ 11—18 подъ заглавіемъ: „Хозяйство въ помѣстьи Кудричи". За эту статью издатель Югенмейстеръ заплатилъ мнѣ 50 руб. сереб.

Въ слѣдующій вторникъ я отправился къ Левшину. Онъ принялъ меня весело и сказалъ:

— Мѣсто для васъ есть, потрудитесь поговорить съ начальникомъ отдѣленія, а потомъ мнѣ скажете.

При этомъ человѣку, предъ нимъ стоявшему, указалъ онъ отвести меня въ отдѣленіе. Тамъ мнѣ предложили мѣсто помощника инспектора въ самарской губерніи по иностраннымъ колоніямъ; жалованья 800 рублей и на разъѣзды, прогоны и подорожная. Возвратясь къ Алексѣю Иракліевичу, я поблагодарилъ его и просилъ отсрочки на нѣкоторое время—подумать.

— Извольте, только прошу васъ не долго думать. Это мѣсто нужно замѣстить поскорѣе.

И съ этимъ я простился. Вышедши изъ департамента въ размышленіи, побрелъ я медленными шагами, какъ неожиданно меня встрѣтилъ Василій Алексѣевичъ Соколовскій, прежній, по Полтавѣ, мой большой пріятель, взялъ съ собою въ сани, и мы отправились къ нему. Слово за слово, объяснилось дѣло скоро, и онъ, выслушавъ мой разсказъ, качая головою, утвердительнымъ тономъ, какъ другъ, рѣшилъ:

— Откажись ты отъ этой Самары! Куда тебя несетъ за 2 тысячи верстъ отъ дому? Тебѣ чиновъ и орденовъ не нужно, а надобно обезпечить семейство порядочнымъ жалованьемъ, службою сообразно твоимъ способностямъ по агрономіи. Хочешь, намъ нуженъ такой, какъ ты, управляющій въ калужскія имѣнія князей Кочубеевъ. Поѣдемъ сейчасъ, и дѣло въ шляпѣ.

Онъ служилъ у князей Льва, Сергѣя, Василія и Михаила Викторовичей Кочубеевъ.

Мнѣ понравилось его предложеніе, потому что имѣніе, предлагаемое къ управленію, отстояло отъ моего дома всего въ 250 верстахъ.

Я согласился, и мы въ тотъ же день были у князя Сергѣя, завѣдывавшаго дѣлами братьевъ, договорились за 1500 руб. въ годъ жалованья по имѣніямъ Сергѣя и Льва Викторовичей въ калужской губерніи, медынскаго уѣзда, отчинѣ Троицкое и Адуево, съ 1800 душами, съ бумажною фабрикою и прочими заведеніями, подъ мое управленіе поступающими. Мнѣ дали на дорогу 200 руб., довѣренность, и я, отказавшись отъ предложенія самарскаго, выѣхалъ въ Кудричи, простившись съ добрымъ моимъ товарищемъ и съ Булгаринымъ.

Распорядившись въ Кудричахъ и взявъ Аристарха съ нянею, 10 іюня выѣхалъ, а 12-го 1851 года былъ я уже въ Троицкомъ. Пріѣздъ мой былъ внезапный,—тамъ никто не зналъ о перемѣнѣ, письмо къ прежнему управляющему, статскому совѣтнику Николаю Павловичу Филиппову, о сдачѣ мнѣ имѣнія передано чрезъ меня лично. Прочитавши его, онъ былъ сконфуженъ, но принялъ меня радушно; онъ и почтенная его суп-

руга, люди добрые и образованные, до самаго отъѣзда ихъ изъ Троицкаго были со мною не разлучны. Должность онъ сдалъ мнѣ аккуратно и, получивъ изъ суммъ княжескихъ 300 руб. и экипажъ, выѣхалъ благополучно. Распрощавшись съ Филипповыми, я принялся за хозяйство. Въ Троицкомъ устроена писчебумажная фабрика, которая князю принесла убытокъ, но когда отдали ее англичанину Василію Осиповичу Говарду въ аренду, то она стала приносить доходъ въ 9 т. руб. серебромъ ежегодно. Вотъ что значитъ—дѣло мастера боится! Впослѣдствіи эту фабрику онъ же и купилъ. Князь Сергѣй навѣщалъ меня и, кажется, былъ доволенъ. Я по дѣламъ его, коихъ принялъ достаточно тяжебныхъ, очень часто ѣздилъ въ обѣ столицы и въ Калугу. Слѣдствіемъ чего было то, что мы купили еще имѣніе въ масальскомъ уѣздѣ, село Жуковку, съ 1000 душъ крестьянъ; пріобрѣтеніе это досталось отъ нѣкоей Нѣмчиновой, на которую пріобрѣли всѣ векселя. Имѣніе это также поступило въ мое завѣдываніе, съ обѣщаніемъ прибавочнаго жалованья въ 800 руб. Всѣмъ имѣніямъ я составилъ статистическія описанія и планы; множество сдѣлалъ экономическихъ сокращеній въ безполезныхъ заведеніяхъ и прислугѣ, а многое, напротивъ, устроилъ. Князь Жуковку для себя не прочилъ, а купилъ для барышей.

Между этою дѣятельностью я писалъ къ Бѣлохвостову, какъ управляющему моимъ имѣніемъ, и между прочимъ, вслѣдствіе разговора въ Кричевѣ, совѣтовалъ ему невѣсту Очкину. Онъ на это въ отвѣтъ просилъ меня пріѣхать и его познакомить. Хотя я и самъ никогда ее не видалъ и даже не былъ знакомъ съ ея родными, но мнѣ пришла благая мысль устроить это при посредствѣ кума моего, полковника Филиппа Ивановича Ковалика, по сосѣдству съ Очкиной имѣющаго свое помѣстье. Для этого зимой 1851 года я отправился въ Кудричи и, взявъ съ собою Бѣлохвостова, поѣхали къ Ковалику, а съ нимъ отправились въ м. Кричевъ, въ домъ тамошнихъ почетныхъ гражданъ Бочковыхъ, у которыхъ Очкина проживала и учила дѣтей. Явясь къ Бочковымъ, Филиппъ Ивановичъ отрекомендовалъ насъ, какъ водится, хозяину, изъ трехъ братьевъ находящемуся тогда въ домѣ, Емельяну Степановичу, а Очкина си-

дѣла въ другой комнатѣ съ дѣтьми. Мнѣ любопытно было скорѣе съ нею познакомиться; я вошелъ въ залу, поклонившись дѣвушкѣ, спросилъ ея имя—это была дѣйствительно она,—отрекомендовался и началъ разговоръ:

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— „Какъ изволите видѣть, читаемъ съ дѣтьми," мнѣ по-институтски отвѣчали (она была институтка). Съ этимъ словомъ прекратила занятіе и ушла со всѣмъ своимъ классомъ въ другіе покои [1]). Я возвратился къ своей компаніи, гдѣ Филиппъ Ивановичъ успѣлъ объяснить цѣль нашего посѣщенія. Но Емельянъ Степановичъ не могъ рѣшить этого дѣла безъ старшаго брата Осипа Степановича, который жилъ въ с. Гайдуковкѣ, управляя имѣніями помѣщиковъ Голынскихъ, и который воспитывалъ Очкину, какъ родной дядя и опекунъ ея. Впрочемъ подали чай, къ чаю вышла и Александра Николаевна. Филиппъ Ивановичъ и я, какъ уже ея знакомые, представили ей Бѣлохвостова, обмѣнялись нѣсколькими словами и сѣли за карты. Къ столу подходила Александра Николаевна и внимательно насъ разсматривала; наконецъ подали ужинъ, за которымъ мы были поразвязнѣе и успѣли нѣсколько и себя заявить, и барышню узнать. Насъ просили на обѣдъ завтра.

На другой день мы явились. На этотъ разъ мы встрѣтили Александру Николаевну въ гостинной, одѣтую съ изяществомъ. Какъ-то мнѣ первому опять пришлось начать разговоръ съ дѣвушкой. На этотъ разъ бесѣда была оживленнѣе. Женихъ что-то былъ застѣнчивъ—за него я во многомъ дѣлалъ вопросы и получалъ отвѣты. Послѣ обѣда оставались весь вечеръ. При прощаньи я взялъ за руку Александру Николаевну и пожелалъ всего лучшаго и совершеннаго счастья.

— „Да, сказала она съ улыбкой: счастье, быть можетъ, и очень близко, но неизвѣстно, кто его устроитъ."

Эти умныя слова, содержанія черезвычайно замысловатаго, по тогдашнимъ обстоятельствамъ еще болѣе поселили во мнѣ

---

[1]) Впослѣдствіи я узналъ, что Александрѣ Николаевнѣ не понравилось наше посѣщеніе. Она уже прослышала о нашемъ намѣреніи сватать ее за Бѣлохвостова.

уваженіе къ дѣвицѣ, которой достоинства я уже достаточно видѣлъ. Мы простились. Хозяинъ просилъ Бѣлохостова бывать у нихъ.

Возвращаясь съ Бѣлохвостовымъ въ Кудричи, мы всю дорогу почти молчали, а на слѣдующей станціи онъ спросилъ мое мнѣніе объ Александрѣ Николаевнѣ. Я отвѣчалъ какъ нельзя лучше и совѣтовалъ ему не упускать столь интересной невѣсты, бывая и сближаясь съ нею сколь возможно въ мнѣніяхъ.

Вскорѣ я возвратился въ Троицкое и очень часто получалъ отъ Бѣлохвостова письма, въ которыхъ онъ увѣдомлялъ меня о своихъ успѣхахъ и надеждахъ вскорѣ сдѣлаться мужемъ Александры Николаевны. Даже назначено было 29 іюня 1852 года быть вѣнцу, для присутствія при которомъ просилъ и меня пріѣхать.

Приготовляясь къ свадьбѣ своей племянницы, Осипъ Степановичъ Бочко въ февралѣ мѣсяцѣ 1852 года ѣхалъ въ Москву за покупкою приданаго съ двумя племянницами, Александрой Николаевной Очкиной и Анной Емельяновной Бочковой; послѣднюю при этомъ случаѣ везли для помѣщенія въ институтъ. Не далеко было въ сторону своротить въ Троицкое. Пріѣздъ ихъ былъ неожиданный, но я былъ дома и встрѣтилъ ихъ съ удовольствіемъ. Съ Осипомъ Степановичемъ и съ меньшой его племянницей я еще не былъ знакомъ.

— „Я пріѣхалъ, или заѣхалъ,—началъ Осипъ Степановичъ свое привѣтствіе,—для того, чтобы поблагодарить васъ, И. И., за участіе въ судьбѣ моей Александры, принятое вами безъ всякихъ моихъ заслугъ. Извините, но долгъ мой я исполняю съ величайшимъ удовольствіемъ".

Мы съ нимъ познакомились скоро, войдя въ разсужденіе о хозяйствѣ. Дѣвушекъ я занялъ книгами, и мы вечеръ провели какъ нельзя лучше. На другой день Говардъ пригласилъ насъ на обѣдъ; мы поѣхали втроемъ: О. С., Александра Николаевна и я. Писчебумажная фабрика, которую Говардъ арендовалъ, отъ моей резиденціи отстояла версты на $1^1/_2$, слѣдственно мы явились скоро. Жена Говарда, Юлія Степановна, женщина образованная, заняла дѣвушку, мою гостью. Мы всѣ были приняты

радушно, обѣдали вкусно и весело и возвращались уже при лунѣ. Въ дорогѣ, подъ вліяніемъ мечтательнаго свѣта, мы разговаривали съ Александрой Николаевной о ея женихѣ, и я узналъ, что онъ ей не нравится; скорый нашъ пріѣздъ къ крыльцу прекратилъ нашъ разговоръ. На другой день гости мои уѣхали. Хотя мнѣ послѣ Юлія Степановна и намекала на интересность этой дѣвушки, но думать о ней мнѣ, когда я самъ же ее сосваталъ и когда уже у нихъ все было кончено и назначена 29 іюня свадьба—было бы смѣшно и безразсудно.

Послѣ того пошла моя обычная жизнь. Бочко со старшею племянницею возвратились домой, а меньшую оставили въ Москвѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ. Вдругъ 26 іюня 1852 года, въ то самое время, какъ я думалъ ѣхать на свадьбу Бѣлохвостова, получаю отъ него слѣдующее письмо: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Рѣшаясь жениться не иначе, какъ съ благословеніемъ моего старшаго брата, Максима Ивановича, который во всю мою жизнь заступалъ мѣсто отца,—я взялъ отпускъ, поѣхалъ къ нему въ Могилевъ. Здѣсь, при первой же встрѣчѣ, братъ, указывая на иконы, въ углу стоявшія на столѣ, сказалъ: „Вотъ твое благословеніе, но ты его не получишь дотолѣ, пока я не увижу, что обѣщанное приданое невѣста предъ вѣнцомъ тебѣ отдастъ въ руки наличными или билетами.“ Судите сами, что я долженъ дѣлать! Разумѣется, я противъ брата не пойду. А потому отселѣ же пишу къ Осипу Степановичу объ этомъ, и къ 29 числу быть къ нимъ не могу. Вы это дѣло начали, вы и развяжите и дайте оборотъ, чтобы я не былъ больше причиною стѣсненія невѣсты. Вы какъ-то ловче умѣете отдѣлаться, а я не хочу. Вамъ преданный Е. Бѣлохвостовъ.“

Разумѣется, послѣ этого письма я не поѣхалъ въ Бѣлоруссію, но слыхалъ, что Бочко, получивши упомянутое письмо изъ Могилева отъ Бѣлохвостова, тотчасъ возвратилъ ему всѣ письма, какія онъ писалъ къ нему и къ невѣстѣ, кой-какіе мелкіе подарочки, и написалъ, что онъ его увольняетъ отъ званія жениха Александры Николаевны съ большимъ удовольствіемъ.

Бѣлохвостовъ послѣ опомнился, но уже было поздно. Присылалъ парламентеровъ своихъ: князя Оболенскаго и И. И. Толыгу, но и эти ничего не успѣли. Бочко и племянница его не только видѣть Бѣлохвостова, но и слышать о немъ не хотѣли. Такъ засватанная, или просватанная, невѣста и осталась безъ претензій. Она даже молилась Богу за спасеніе и теперь призналась своему дядѣ, что дала было согласіе Бѣлохвостову собственно изъ желанія успокоить дядю, коего желаніе видѣла, но свою скорбь скрывала.

Удивительная судьба! Дѣло, совершенно конченное, разстроилось такъ быстро. Даже долго не вѣрили этому.

Между тѣмъ я написалъ подробный уставъ Троицкаго и, по предложенію Им. В. Эк. Об. отъ 25 іюля 1851 г., сочиненіе подъ заглавіемъ: „Мысли объ улучшеніи хозяйства и вообще народнаго благосостоянія". Обѣ тетради я далъ прочитать кн. Сергѣю Кочубею, и первую онъ у меня выпросилъ, обѣщая заплатить, а относительно послѣдней сказалъ, что онъ опасается, дабы меня не посадили за нее, хотя, впрочемъ, тамъ ничего и не заключалось, кромѣ правды: я описывалъ тогдашнія несправедливости и взяточничество, чрезвычайно отражающіяся на всякомъ хозяйствѣ, и преподавалъ способы, какъ устранить это зло. Тамъ я коснулся также крѣпостного права, которое предполагалъ смягчить. За всѣмъ тѣмъ я не рѣшился послать мои мысли въ Экономическое Общество и уже отослалъ ихъ при воцареніи Александра Николаевича, 30 октября 1855 года. Но Общество мнѣ возвратило, при отношеніи отъ 11 августа 1856 года, съ замѣчаніемъ, что „предметы, разсматриваемые мною въ этомъ сочиненіи, болѣе входятъ въ разрядъ вопросовъ, касающихся государственнаго управленія, и прямой связи съ нуждами сельскаго хозяйства не имѣютъ, а слѣдственно и не служатъ отвѣтомъ на предложеніе совѣта, по желанію министра Г. Им., въ 1852 году". Впослѣдствіи все-таки я вопросъ этотъ раздѣлилъ на два и послалъ гр. Блудову и Ростовцеву: а) Проектъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ, тутъ же и о пониженіи процентовъ, б) О судебной администраціи.

Наконецъ князь Сергѣй Кочубей замыслилъ продавать свои имѣнія, и изъ покупщиковъ явился полковникъ Вырубовъ, съ которымъ я объѣзжалъ Жуковку; но князь съ нимъ не сошелся и запродалъ помѣщику Булычеву, чего я до нѣкотораго времени не зналъ, но замѣчалъ, что князь со мною обращается иначе. До сего я не понималъ причины, ибо для его пользы было сдѣлано мною чрезвычайно много, за что, какъ онъ всегда выражался, „я вамъ отсчитаю“. Но въ сущности холодность была умышленная, чтобы отдѣлаться отъ обѣщаннаго вознагражденія.

Въ октябрѣ 1852 г. пріѣхалъ ко мнѣ въ Жуковку кумъ мой, Филиппъ Ивановичъ Коваликъ, съ моимъ крестникомъ въ гости и помѣстились въ моей квартирѣ. Я тогда былъ въ Троицкомъ и собирался съ княземъ въ Жуковку; князь отправился туда на почтовыхъ, а я поѣхалъ на своихъ; слѣдственно, князь доѣхалъ прежде меня и ночью подъѣхалъ къ моей квартирѣ, гдѣ ночевалъ Коваликъ. Хотя князю была приготовлена другая квартира, гдѣ онъ и остановился, но его уже вздернуло, что ему не пришлось ночевать у меня. Рано на другой день пріѣхалъ и я въ Жуковку и очень обрадовался гостю-куму. Сидимъ. Вдругъ входитъ князь и, не снимая фуражки, обходитъ всю мою квартиру, приказывая мнѣ отправить картины [1]) въ Петербургъ.

Видя невѣжливость князя, я нарочно, не слушая его распоряженія, отрекомендовалъ своего гостя и заставилъ его снять шляпу и вступить съ нами въ болѣе вѣжливый разговоръ. Князь ушелъ. Мнѣ стыдно сдѣлалось предъ гостемъ за моего князя, котораго, какъ на бѣду, я хвалилъ. Боже мой, подумалъ я, какъ люди перемѣняются изъ-за проклятаго интереса! Изъ вѣжливаго человѣка дѣлается грубый! А все для того, чтобы отнять награду за труды у людей, кои способствовали къ его обогащенію... Филиппъ Ивановичъ помогъ моимъ думамъ: невѣжество князя его удивило и подало поводъ говорить о

[1]) Надобно сказать, что Жуковка Нѣмчиновою куплена у князя Вяземскаго извѣстнаго любителя картинъ, которыхъ здѣсь оставалось много и отличныхъ.

всѣхъ нашихъ вельможахъ съ невыгодной стороны; я прекратилъ разговоръ и въ досадѣ отправился къ князю.

Я засталъ его съ Полянскимъ, отставнымъ лейтенантомъ, и съ студентомъ Назаровымъ, который нѣкогда въ университетѣ сидѣлъ съ княземъ на одной скамьѣ.

— Вы, князь, началъ я, вѣроятно, недовольны мною и моимъ гостемъ, то не лучше-ли намъ безъ ссоры разстаться?

— „Съ чего это вы взяли?“ спросилъ князь.

— Изъ вашихъ поступковъ (я ему высказалъ многое.)

— „Что же вамъ угодно?

— Мнѣ угодно, чтобы вы приказали снять съ меня управленіе вашими имѣніями.

— „Сожалѣю, но теперь не имѣю въ виду человѣка“.

— А вотъ сидятъ два господина; прикажите любому. А я вамъ больше не слуга.

Князь поежился, но удержался и только сказалъ: „Хорошо, если вамъ это угодно. Мы разочтемся“. Я ушелъ.

Возвратясь въ квартиру, засталъ я дорогого моего гостя собирающимся въ путь. Грустно мнѣ было, что мы съ княземъ такъ его приняли, но кумъ мой, человѣкъ разсудительный, самъ разрѣшилъ мою женерозность. „Я повторяю, сказалъ онъ, что вы напрасно бросили свое имѣніе для того, чтобы служить неблагодарнымъ людямъ. У нашихъ господъ всякій управляющій называется не иначе, какъ воръ, имъ хочется все, что только можно, высосать изъ имѣнія, и лишь мало-мальски управляющій поэкономничаетъ на устройство имѣнія, онъ имъ не нравится. При томъ же наши господа, никогда не живущіе въ имѣніяхъ, всѣхъ слугъ считаютъ за рабовъ, того не понимая, что эти же слуги суть ихъ друзья и ими то они существуютъ или, по крайней мѣрѣ, управляются. Я вамъ совѣтую отправляться домой, жениться и хозяйничать“.

Когда я сказалъ ему, что съ княземъ ужъ почти разстался, то онъ чрезвычайно одобрилъ это, рекомендовалъ тутъ же и невѣсту—кого вы думаете?... Александру Николаевну!

Здѣсь только я узналъ, что Бѣлохвостову отказали и что она свободна. Я написалъ, по совѣту Ф. И., письма къ ней и къ дядѣ Александры Николаевны и вручилъ ихъ Филиппу Ивановичу для доставленія.

Передъ отъѣздомъ князя я съ нимъ простился и подалъ счетъ объ уплатѣ 800 руб. жалованья и обѣщанныхъ за уставъ для Троицкаго. Князь обѣщалъ, а на этотъ разъ извинялся неимѣніемъ. Съ тѣмъ мы и разстались, а имѣніе я сдалъ Полянскому и переѣхалъ въ Адуево, имѣніе другого князя, Льва Викторовича Кочубея. Но такъ какъ здѣсь имѣніе было оброчное, такъ что управлять мнѣ было нечѣмъ, то рѣшился я оставить и эту службу, тѣмъ болѣе что въ это время получилъ я благопріятный отвѣтъ отъ Александры Николаевны, съ приглашеніемъ пріѣхать къ именинамъ дяди, 3-го ноября, въ Речицы, помѣстье Бочкова.

Я уже былъ почти свободенъ. Говорить о моемъ удовольствіи отъ полученнаго письма было бы много, такъ много, что исписать можно цѣлыя стопы бумаги;—однимъ словомъ, я полетѣлъ въ Речицы, но ужъ на именины не поспѣлъ. Пріѣхалъ 6 числа и встрѣтился очень пріятно съ Александрой Николаевной. Тамъ я нашелъ нѣкоторыхъ гостей, а 7-го числа пріѣхалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ крестный отецъ Александры Николаевны Михаилъ Степановичъ Голынскій. Съ невѣстой мы скоро объяснились. Я отъ души полюбилъ ее за откровенность и умъ. Она смотрѣла на меня иначе, какъ на бывшаго своего жениха, по сходности нашихъ характеровъ. А чтобы заняться скорѣе дѣломъ, мы 13 ноября 1852 г. обвѣнчались въ Свадковичахъ, а черезъ 3 дня уѣхали въ Адуево.

Передъ вѣнцомъ я написалъ къ Бѣлохвостову слѣдующее письмо: „Милостивый государь Евдокимъ Ивановичъ! Судьбы Всевышняго неисповѣдимы: Александра Николаевна теперь моя. Завтра въ 4 часа вечера совершится бракосочетаніе въ Свадковской церкви. Что вы на это скажете? Я знаю, кромѣ хорошаго—ничего! Вамъ счастья желалъ я, даже не скрою теперь, что въ первый разъ нашего съ вами пріѣзда она мнѣ понравилась, быть можетъ, болѣе, нежели вамъ; но я далъ слово ее сватать за

васъ, а не за себя, и всей душой старался. Вы это хорошо знаете. И что же? за мое великодушіе вы мнѣ тѣмъ же отплатили. Вы, знаю, высокой души человѣкъ, скажете точно такъ. Удивляться долженъ всякій, какъ мы обязаны теперь любить одинъ другого, ибо уступили другъ другу счастье, или лучше сказать, наперерывъ старались дѣлать одинъ другому преимущества, пока сама судьба подписала рѣшеніе. Тьма мыслей и всего хорошаго въ пользу вашу излились бы на эту бумагу, но мы другъ друга поймемъ и оцѣнимъ, и увѣренъ я, что наша дружба скрѣпится далеко сильнѣе и никогда не измѣнится. Пріѣзжайте къ намъ въ Сватковичи: вы будете пріятнымъ гостемъ. Извините, что не могъ заранѣе васъ увѣдомить. Это послѣдовало такъ внезапно, что я долго былъ въ нерѣшимости. Теперь же посылаю вамъ эстафету, чтобы поспѣло. Вамъ преданный И. Сердюковъ. 12 ноября 1852 г. Кричевъ".

Отвѣтъ Бѣлохвостова: „Милое ваше, Иванъ Ивановичъ, приглашеніе я получилъ въ 2 часа дня 13 ноября. Извините—быть не могу. Вы въ этомъ меня не упрекнете, а лично тутъ уже поздравлю. Тороплюсь отвѣчать и честь имѣю быть съ прежнимъ уваженіемъ. Е. Бѣлохвостовъ. 13 ноября 1852 года, половина 3-го часа".

Пріѣздъ нашъ въ Адуево былъ, какъ водится, встрѣченъ крестьянами и духовенствомъ. Черезъ нѣсколько дней мнѣ надобность указала ѣхать въ Москву по дѣламъ князя Льва Викторовича съ помѣщикомъ Доломановымъ, куда мы и уѣхали. Александрина приняла съ искренней любовью Аристарха, какъ мать родная. Въ Москвѣ мы жили недѣли три, до пріѣзда Василія Алексѣевича Соколовскаго, который, узнавъ, что я оставилъ управленіе имѣніями Сергѣя Викторовича, по причинамъ совершенно отъ меня не зависѣвшимъ, пригласилъ меня къ Льву Викторовичу въ Петербургъ, гдѣ я прошенъ былъ занять мѣсто въ саратовскихъ имѣніяхъ; но такъ какъ я уже расположился ѣхать домой и даже отъ Адуева отказывался, то князь просилъ хотя съѣздить для ревизіи вмѣстѣ съ В. А. въ саратовское имѣніе. Любезность Льва Викторовича убѣдила меня—я согласился съѣздить въ саратовскія имѣнія, сколь мнѣ ни желательно было

бы скорѣе успокоиться отъ дѣлъ, такъ мало для меня полезныхъ, а тѣмъ болѣе не хотѣлось надолго разставаться съ молодой женой. Александрина однако согласилась отпустить, и мы съ Соколовскимъ пустились въ путь въ первыхъ числахъ февраля и пріѣхали въ Саратовъ 9-го февраля 1853 года. Черезъ три дня отправились въ аткарскій уѣздъ и принялись за дѣло.

Послѣ ревизіи, для которой я просидѣлъ въ этихъ имѣніяхъ по 22 апрѣля 1853 года, на мѣсто прежняго управляющаго Паскаля, опредѣленъ другой, нѣмецъ Мекленбургъ, который и пріѣхалъ при мнѣ.

Мы провели тамъ время отлично. Оба управляющіе были женаты. Самоваръ у насъ со стола не сходилъ. Рыбы, по близости Волги, очень было много и хорошей: стерлядки, осетры, бѣлорыбица. Жена Дена (одного изъ управляющихъ) Эмилія Карловна, очень хорошая хозяйка, угощала насъ сытнымъ столомъ. Общество наше не рѣдко увеличивалъ широкинскій священникъ съ женой, обратившій вмѣстѣ съ нами въ теченіе великаго поста до 1000 человѣкъ къ пріобщенію св. таинъ, чего они прежде не дѣлали, считая себя „недостойными“.

Въ Саратовской губерніи вообще различное населеніе. Здѣсь вы встрѣтите сплошныя поселенія нѣмцевъ-колонистовъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ извѣстную Сарепту, гдѣ выдѣлывается горчица; занимаются нѣмцы пшеницею и табакомъ; потомъ—великороссы, между коими проглядываютъ различныя секты: безпоповцы, старовѣры и сектанты въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я сказалъ „недостойные“; и наконецъ—татары. Весь этотъ наплывъ началъ увеличиваться со времени Екатерины, когда раздавали земли колонистамъ и вельможамъ, которые туда селили людей изъ другихъ вотчинъ; напримѣръ, у Кочубеевъ разновременно переселено изъ калужской и полтавской губерній болѣе 600 семействъ русскихъ и малороссіянъ.

Меня приглашалъ князь Левъ Викторовичъ остаться тамъ въ должности управляющаго, но я не согласился—разъ потому, что уже рѣшился хозяйничать дома, другое—что смѣнять достойныхъ людей не въ моихъ правилахъ, а третье—тамъ жизнь безпокойная, встрѣчаются частые разбои, и народъ буйный, хотя

природа чрезвычайно пріятная. Поэтому я ожидалъ только, чтобы скорѣе очистились отъ льда рѣки, чрезъ которыя мнѣ приходилось ѣхать, какъ напримѣръ, въ Нижнемъ—Ока, во Владимірѣ—Клязьма.

За труды мои были обѣщанія, но тѣмъ и кончилось. Русскіе отъ русскихъ требуютъ, а не награждаютъ. У насъ иностранцамъ больше чести. Русскіе вельможи только въ Парижѣ, гдѣ ихъ величаютъ графами безъ различія, расточительны на счетъ нашихъ трудовъ. Кажется, они считаютъ достаточнымъ вознагражденіемъ для бѣдняковъ и то, что на нихъ посмотрятъ.

Наконецъ, простившись съ моими добрыми компаньонами и друзьями, я выѣхалъ изъ Карамышей 22 апрѣля на перекладныхъ черезъ Нижній, Владиміръ и Москву и пріѣхалъ ровно чрезъ 6 дней въ Кудричи. Возвращеніе мое было неописанное. Мнѣ казалось, что продолжительное отсутствіе увеличиваетъ удовольствіе встрѣчи. Александрина весь день меня цѣловала. Мы не могли наглядѣться другъ на друга—едва вѣрили своему счастью! Она была въ пріятномъ положеніи, а 28 октября 1853 года намъ Богъ далъ сына Іосифа, воспріемниками коего были О. С. Бочко и С. А. Голынская.

Пошла обычная жизнь. 1854 годъ я провелъ исключительно въ занятіяхъ по хозяйству. Въ этомъ же году мой старшій сынъ Аристархъ былъ отданъ въ пансіонъ г-жи Веберъ. Въ 1855 г. я писалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Бѣлорусское хозяйство“ съ рисунками. Оно было пропущено цензурой, и я намѣревался его напечатать, но обстоятельства денежныя остановили мое намѣреніе.

Въ этомъ же году я послалъ въ Экономическое общество мое сочиненіе „Мысли объ улучшеніи хозяйства и вообще народнаго благосостоянія“ и, получивъ его обратно, какъ выше упомянуто, передѣлалъ на два отдѣла, подъ заглавіемъ: 1) Проектъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ, гдѣ развивалъ мысль, что освобожденіе крестьянъ должно совершиться по отзыву помѣщиковъ къ высшей власти. Здѣсь же я доказалъ полезность пониженія процентовъ и свободной покупки всѣми классами помѣщичьихъ имѣній. Проектъ этотъ я 27 января 1857 г., будучи

въ Петербургѣ, подалъ графу Блудову, который, по слухамъ, имѣлъ подобную же мысль и передалъ ее виленскому генералъ-губернатору Назимову, на тотъ разъ случившемуся въ Петербургѣ же; 2) Проектъ „Объ судебной администраціи: *чиновники, инстанціи, судопроизводство*“, гдѣ я на каждую статью приложилъ объясненіе. Проектъ этотъ 27 марта я послалъ изъ Мстиславля по почтѣ тому же графу. При свиданіи съ графомъ, онъ велѣлъ записать у швейцара мой адресъ и сказалъ: „Мы съ вами скоро увидимся“; но не дождавшись призыва, я уѣхалъ домой.

Вскорѣ былъ присланъ государю отъ виленскаго, минскаго и гродненскаго дворянства извѣстный отзывъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, въ которомъ помѣщики предложили три пункта, а именно: 1) они даютъ крестьянамъ совершенную свободу; 2) землю оставляютъ за собой, и 3) крестьянамъ предоставляется остаться у помѣщика на условіяхъ. Но на это послѣдовалъ знаменитый Государя Императора рескриптъ, на имя того же дворянства, 20 ноября 1857 года: 1) крестьяне получаютъ свободу; 2) имъ опредѣляются огороды, которые они выкупаютъ въ теченіе 9 лѣтъ; 3) для обезпеченія государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей, имъ должна быть опредѣлена земля.

Рескриптъ этотъ министръ внутреннихъ дѣлъ опубликовалъ, и посыпались со всей Россіи отъ губернскихъ предводителей адресы въ продолженіе 1857 и 1858 годовъ.

Были открыты, наконецъ, въ каждомъ губернскомъ городѣ коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, а въ Петербургѣ Комитетъ и такъ называемая Редакціонная Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Якова Ивановича Ростовцева. Въ это-же время я вновь пріѣхалъ въ Петербургъ и, взявъ отъ Блудова мои проекты, представилъ Якову Ивановичу, отъ котораго получилъ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Имѣю честь принести вамъ, м. г., мою душевную благодарность за доставленныя вами при письмѣ отъ 9-го сего сентября проекты: „О помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ“ и „О судебной администраціи“. Проекты эти я передалъ для разсмот-

рѣнія въ состоящія подъ моимъ предсѣдательствомъ коммиссіи. Пріймите увѣреніе въ совершенной преданности Я. Ростовцевъ. 25 сентября 1859 года".

Такіе же проекты, съ прибавленіями, я отослалъ къ могилевскому губернатору Беклемишеву и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „М. г. Иванъ Ивановичъ! Прочитавъ сообщенные мнѣ вами, при письмѣ отъ 22 іюня 1859 года, три проекта, я считаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить вамъ искреннюю благодарность, какъ за посвященіе мнѣ проектовъ, такъ и за ознакомленіе меня съ вашими трудами. Мнѣ пріятно надѣяться, что ваши труды, при распространяющейся въ настоящее время гласности и доступности редакцій разнаго рода періодическихъ изданій, не останутся въ неизвѣстности. Проекты при семъ возвращаются. Пріймите, м. г., увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. А. Беклемишевъ. 10 декабря 1859 г."

Между тѣмъ я бывалъ въ эти годы въ обѣихъ столицахъ по собственному дѣлу, производившемуся въ военномъ министерствѣ и въ общемъ собраніи сената о поручительствѣ отца моего по поводу ссоры между помѣщикомъ Баскинымъ и комиссіонеромъ Константиновымъ, а также по дѣлу помѣщиковъ Голынскихъ, Солтановъ, Ольшевскихъ, познакомился въ Петербургѣ съ многими добрыми людьми; но столица Петербургъ всегда мнѣ не нравилась, вѣроятно, потому, что я привыкъ къ деревенской и патріархальной жизни, а въ Петербургѣ она слишкомъ натянута.

Въ 1856 г. я ѣздилъ въ пензенскую губернію по дѣламъ Голынскихъ и встрѣтилъ въ саранскомъ уѣздѣ необыкновеннаго взяточника—секретаря уѣзднаго суда. Въ самой же Пензѣ чиновники—люди прекрасные.

20 октября 1859 года, будучи въ Петербургѣ, я лично подалъ министру финансовъ проектъ, подъ заглавіемъ *Откупа и Акцизъ*, и получилъ отъ А. М. Княжевича благодарность.

Проекты всѣ, какъ и упомянутые: о крестьянахъ, о судебной администраціи и объ откупахъ,—всѣ осуществились, и мнѣ пріятно вспомнить, что и моя лепта послужила для общей пользы. Сводъ всѣхъ этихъ проектовъ и вообще новыхъ реформъ, какія,

по моему мнѣнію, необходимы въ государствѣ, я изложилъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Старшіе*. Статью эту я отдалъ издателю „Сына Отечества“ Старчевскому въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1859 года, и ее пропустила цензура,—но потомъ, когда Старчевскій статью эту, по новозаведенному порядку, представилъ въ министерство внутр. дѣлъ, такъ какъ она касалась чиновниковъ, то редакторъ Варадиновъ ее и не пропустилъ. Въ 1860 году, съ образованіемъ особой законодательной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова, статью эту я послалъ къ нему, но отвѣта не получалъ.

Въ январѣ 1861 года ѣздилъ я въ Кіевъ на контракты. Начну съ того, что Кіевъ имѣетъ живописное мѣстоположеніе и, можно сказать, засѣлъ на 3 холмахъ, отъ чего и части города раздѣлены по названіямъ: *Печерскъ*, гдѣ находится знаменитый Кіево-Печерскій монастырь; здѣсь же выстроена имп. Николаемъ Павловичемъ цитадель. Лавокъ здѣсь почти нѣтъ. Вторая часть—*Старый Кіевъ*, названный этимъ именемъ потому, что здѣсь когда-то жилъ князь Владиміръ. Здѣсь были устроены подъ землею ворота кн. Романа (sic), который шелъ съ войны, побѣдивши Олега, вѣроятно Ольгерда. Въ этой части находятся всѣ присутственныя мѣста и университетъ, слѣдственно здѣсь и торговля оживленнѣе. Третья часть *Подолъ*, или прибрежная къ Днѣпру часть, составляетъ въ миніатюрѣ портовый городокъ. Здѣсь пристаютъ всѣ суда и выгружаются товары. Оптовая торговля здѣсь въ большемъ размѣрѣ, нежели на Старомъ Кіевѣ, поэтому на Подолѣ живутъ почти одни купцы.

Въ Кіевѣ съ незапамятныхъ временъ существуетъ въ январѣ мѣсяцѣ такъ называемая Васильевская ярмарка, ее же называютъ и Крещенскою; но такъ какъ въ это время сюда съѣзжается очень много помѣщиковъ кіевской и сосѣднихъ губерній не для одной продажи продуктовъ, но и для продажи имѣній, для залога оныхъ и вообще для сдѣлокъ, влекущихъ условія по контрактамъ, то эта ярмарка и названа *Контрактами*. Здѣсь пріѣздъ покупателей и торгующихъ довольно большой. Товаровъ всѣхъ родовъ множество; въ торговлѣ участвуютъ

купцы не только всѣхъ прилегающихъ къ Кіеву губерній, но и московскіе. Для всѣхъ родовъ сдѣлокъ устроенъ домъ, такъ называемый контрактовый. Ярмарка продолжается до 10 февраля. Хотя для совершенія контрактовъ, а также для предложеній и запросовъ по торговлѣ, устроено зало, но теперь домъ контрактовый занятъ больше лавками, и вы здѣсь отыщете факторовъ евреевъ, тѣмъ болѣе что оптовые произведенія всѣ сложены на пристаняхъ или по дворамъ. Эти факторы все вамъ укажутъ, и по истинѣ сказать, они большіе слуги за малую плату. Бывшій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ въ 1824 г. изгналъ было евреевъ изъ Кіева совершенно; справедливо ли это сдѣлано и для чего—никто не знаетъ, но на мой взглядъ, кромѣ евреевъ, въ комерціи подобнымъ факторствомъ едва ли кто способенъ заняться, а при подобномъ порядкѣ торговли они необходимы. Напримѣръ: Осипъ Степановичъ имѣлъ надобность купить нѣсколько тысячъ пшеницы и узналъ чрезъ фактора о нѣсколькихъ продавцахъ. Получивъ даже пробы пшеницы, мы отправились съ факторомъ по адресу. Входимъ въ комнаты, лежитъ на диванѣ панъ съ длинной трубкой. На привѣтствіе наше, онъ не поднимаясь дѣлаетъ вопросъ: чего намъ „потшеба?“. Когда объявили мы, что желали бы купить у него пшеницу, панъ нашъ преважно отвѣтилъ: „нехъ панъ погада зъ нимъ“, указывая на еврея. Конечно, послѣ такихъ переговоровъ мы обратились къ фактору и купили пшеницу. Такимъ точно образомъ вы купите все, что вамъ угодно; ибо помѣщики заняты раутами и театромъ. Между купечествомъ то же водится, но по крайней мѣрѣ торгъ оканчивается съ хозяиномъ.

Кіевъ—городъ какой-то смѣшанный: по университету—выглядитъ ученымъ, по монастырямъ—священнымъ, по крѣпости—военнымъ, по пристани—торговымъ. Народность тоже разнообразная: поляки, малороссіяне, евреи и русскіе, между коими разительная разница и въ костюмахъ. Я тогда же замѣтилъ между панами и между студентами особые польскіе кружки, посматривающіе на все русское съ пренебреженіемъ. Извозщики неопрятны и дерзки до нестерпѣнья. Есть довольно порядочныхъ

магазиновъ и даже книжныя лавки. Жизнь не дорогая; климатъ умѣренный, мѣстоположеніе очаровательное.

Я съ удовольствіемъ посѣщалъ лекціи по медицинѣ. Здѣсь знаменитые профессора: хирургъ Гюбенетъ, профессоръ патологіи и анатоміи Мацонъ, терапевтъ Мерингъ, Матвѣевъ. Читаютъ по-русски.

Наконецъ наступилъ знаменитый 1861 годъ—послѣдовало Положеніе объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, 19 февраля. Въ нашемъ уѣздѣ (мстиславскомъ), кажется, я первый составилъ съ крестьянами договоръ, по которому опредѣлилъ 49 надѣловъ, вмѣсто опредѣленныхъ по положенію 4-хъ десятинъ на душу далъ по 5-ти, и выкупную сумму получилъ большею частію рентами въ 5½% и 5%.

1862 годъ я провелъ въ дѣлахъ, какъ то: выигралъ процессъ въ 40 тысячъ руб. климовецкому дворянину Герасиму Ильичу Осмоловскому съ помѣщика Скоропадскаго; капитану и маіору Кутлянскимъ съ этого же самаго Осмоловскаго доставилъ первому 4506, а другому 3 т. рублей; ѣздилъ въ Москву и въ нижегородскую губернію, по просьбѣ нижегородскихъ помѣщиковъ Рахманиныхъ.

Въ 1863 году я ѣздилъ въ Москву для того, чтобы взять тамъ службу и поселиться для воспитанія дѣтей, изъ коихъ Аристархъ и Іосифъ учились въ смоленской гимназіи, и уже былъ опредѣленъ адъютантомъ въ комерческій судъ, какъ вдругъ въ маѣ мѣсяцѣ получаю отъ могилевскаго губернатора телеграмму, съ увѣдомленіемъ, что я назначенъ мировымъ посредникомъ въ мстиславскій уѣздъ. 10 мая я возвратился домой, а 14 вступилъ въ должность.

Перемѣна эта послѣдовала по причинѣ польскаго возстанія, въ соучастіи съ которымъ заподозрѣны были мировые посредники католическаго вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ и мой предмѣстникъ Антонъ Петровичъ Кригеръ.

Три съ половиною года я на этой должности прослужилъ, что называется, все въ поѣздкахъ. Вслѣдствіе обязательнаго въ могилевской губерніи выкупа, мы могли бы дѣйствовать скорѣе, нежели это случилось, но тогда крестьяне были бы очень оби-

жены надѣленіемъ только по 4 десятины земли, которая должна быть имъ опредѣлена изъ того самаго количества и качества, которыми они пользовались при полученіи Положенія; тогда мировые посредники приняли за правило выкупы дѣлать по соглашенію, т. е. приглашать помѣщиковъ къ обмѣнамъ и къ уступкамъ крестьянамъ если не самыхъ лучшихъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько улучшенныхъ угодій. Соглашенія эти велись очень медленно, по упорству помѣщиковъ, и отъ этого на лишнихъ 2—3 года дѣло затянулось. Наконецъ, съ приближеніемъ дѣла къ концу (особенно у меня—изъ 130 имѣній осталось только 18) нѣкоторые посредники были уволены, въ томъ числѣ и я, 26 августа 1866 года, съ пенсіономъ въ половину жалованья.

Теперь о возстаніи. Еще съ самаго моего пріѣда въ Бѣлоруссію (1842 года), я замѣчалъ, что всѣ католики непріязненно смотрятъ на русскихъ, хотя по наружности высказываютъ низкопоклонство. Люди, болѣе слѣдившіе за историческимъ и политическимъ ходомъ, могли видѣть въ іезуитской скрытности поляковъ замыслы къ ниспроверженію русскихъ законовъ; напримѣръ, при всей скрытности ихъ, вѣчно слышны были ихъ порицанія всякой администраціи, власть мѣстную они всегда оставляли (по выборамъ) въ рукахъ самыхъ рьяныхъ патріотовъ; порицали правительство за уменьшеніе при костелахъ земли; женитьбы и замужества съ русскими не дозволяли; дѣтей крестили ксендзы; русскихъ въ службу ни за что не избирали; крестьянъ и особенно дворовую прислугу свою обращали въ католицизмъ; говорили не иначе, какъ по-польски; нѣсколько разъ, при выборахъ, составляли проекты о возвращеніи прежнихъ польскихъ правъ и преимуществъ, какъ-то: о введеніи литовскаго статута, о дѣлопроизводствѣ на польскомъ языкѣ въ присутственныхъ мѣстахъ, о вольной продажѣ водки и т. п. Наконецъ, съ самаго воцаренія импер. Александра Николаевича, когда пронесся слухъ о либеральномъ направленіи правительства, поляки начали свободно говорить о возстановленіи Польши и даже писали Государю извѣстный варшавскій адресъ, посылали и отъ могилевской губерніи адресъ министру; но такъ какъ, по благодушію Государя, все

это оставлялось безъ вниманія, то поляки открыто подняли манифестаціи, начали пѣть въ домахъ и даже въ костелахъ пѣсни съ проклятіемъ русскихъ, а ксендзы говорили возмутительныя рѣчи о возстаніи противъ варваровъ. Ксендзы и въ 1830 году были зачинщиками, но теперь они и женщины были до того экзальтированы, что не могли видѣть равнодушно русскаго. Я самъ уже въ 1862—1863 году на себѣ испытывалъ это и, не постигая причины ненависти, приписывалъ это тому, что я сдѣлался домосѣдомъ и задѣлъ ихъ честолюбіе, не бывая почти ни у кого, пока 1863 г. не обнаружилъ истинной подкладки дѣла. Возстаніе и рѣзня въ Варшавѣ, а потомъ и повсемѣстно, уже извѣстна; у насъ же проявилось сочувствіе поляковъ первѣе въ городѣ Горкахъ отъ студентовъ тамошняго института, которые вырѣзали команду, разбили казначейство и шли соединиться съ шайками, образовавшимися: въ чериковскомъ уѣздѣ при Красномъ, подъ командой Ѳаддея Чудовскаго (который тамъ и убитъ), и другою подъ м. Кричевымъ, подъ предводительствомъ разныхъ, напримѣръ: Антонія Чудовскаго, Феликса Бродовскаго и Адольфа Голынскаго; но такъ какъ всѣ эти скопища предупреждены были войсками, то главные разбѣжались, нѣкоторые взяты съ оружіемъ въ рукахъ, а сотня съ чѣмъ-то повинилась предъ исправникомъ на основаніи манифеста отъ 1 мая, которымъ давалась амнистія добровольно покорившимся. Во всѣхъ почти уѣздахъ могилевской губерніи (кромѣ гомельскаго) болѣе или менѣе составлялись шайки, но это было не что иное, какъ только нѣсколько десятковъ настроенныхъ ксендзами душъ, собственно въ видахъ манифестаціи по плану парижскихъ демагоговъ, которые всѣхъ этихъ несчастныхъ увѣрили, что на Россію идетъ Наполеонъ III и принимаетъ ихъ сторону. Но эту утку сами же поляки сочинили для большаго возбужденія энтузіазма и, такъ сказать, одинъ другого надували, отъ чего всѣ изъ высшаго класса почти остались въ сторонѣ, а попалась въ руки правительства одна мелочь; напримѣръ, стогласная молва у насъ указывала на многія крупныя имена, собиравшія даже подати для тайнаго „жонда“, однако они остались на свободѣ, хотя и были подъ судомъ. Даже и осужденные

облегчены; но на это была уже воля начальства и милость Государя Императора.

Кстати, я возвращусь назадъ съ моею повѣстью о полякахъ. Отъѣзжая домой изъ Москвы 1-го мая 1863 года, какъ я сказалъ, на должность, я пришелъ въ почтовое отдѣленіе въ ожиданіи отправки дилижансовъ, на Варшаву отходящихъ, съ которыми отъѣзжалъ мой знакомый, сѣлъ на окно, разговаривая съ знакомымъ полякомъ, случившимся тутъ изъ могилевской губерніи. На вопросъ мой, что у насъ слышно, онъ мнѣ отчасти разсказалъ о возстаніи и что 100 человѣкъ принесли повинную. Тутъ-то закричали два студента и одинъ офицеръ, что они бы этихъ трусовъ повѣсили и т. д. Долго я силился этихъ головорѣзовъ образумить, но они не унимались, пока затрубилъ рожокъ, и они, сѣвъ въ дилижансъ, уѣхали.

Случай этотъ подалъ мнѣ поводъ 8-го мая 1863 подать покойному московскому генералъ-губернатору Тучкову записку о приготовляющихся въ Москвѣ побѣгахъ въ польскія банды и объ учрежденіи жандармовъ или полиціи въ селахъ. Такую же записку я препроводилъ и къ Тимофею Яковлевичу Жуковскому (камердинеру Великаго Князя Николая Николаевича, знакомому), для доклада Государю. Послѣ этого вскорѣ учреждены жандармы, и шефомъ назначенъ князь Долгорукій.

Реформы между тѣмъ пошли за реформами: солдатскихъ дѣтей больше нѣтъ; судебныя мѣста совокуплены и образованы судебныя палаты и окружные суды; сокращено судопроизводство; уничтожены питейные откупа и введенъ акцизъ; дозволена свободная печать безъ цензуры; уничтожены тѣлесныя наказанія; новые университетскіе уставы; положеніе о земскихъ учрежденіяхъ; устройство крестьянъ въ Польшѣ; покореніе Кавказа и реформы въ немъ; сѣверо-западный и юго- западный край велѣно обрусить, т. е. замѣнить польскихъ землевладѣльцевъ русскими.

1866 г., 26 августа, я былъ уволенъ отъ должности. Мнѣ слѣдовалъ чинъ надворнаго совѣтника, но я нарочно не хлопоталъ, во избѣжаніе платежа.

Этотъ годъ для насъ русскихъ былъ поразительный. 4-го апрѣля выстрѣлъ въ Государя въ лѣтнемъ саду,въ Петербургѣ произвелъ на меня необыкновенный, нельзя сказать, испугъ, но чувство страха съ негодованіемъ. Я не могъ себѣ представить: какая Его вина, кого онъ раздражилъ, чѣмъ онъ не Государь? Все говоритъ въ его пользу! Вина его самая добрая—всѣ реформы отличныя! Раздражилъ онъ развѣ благодѣяніями—но весь же свѣтъ не наградишь. Государь онъ былъ самый благонамѣрный и достойный,—слѣдственно, это покушеніе есть не что иное, какъ злоба завистниковъ и любителей всеобщаго потрясенія. Злоумышленникомъ оказался несчастный полустудентъ, саратовскій дворянинъ Каракозовъ. По рѣшенію Верховнаго суда, онъ былъ повѣшенъ.

Послѣ этого происшествія Государь написалъ на имя предсѣдателя Комитета министровъ знаменитый, 13 ноября 1866 года, рескриптъ, въ которомъ увѣщеваетъ всѣхъ служащихъ творить праведный судъ, а ученыхъ—вселить въ юношество добронравіе, такъ какъ обаятельная сила соціализма въ молодежи вкралась вслѣдствіе оплошнаго управленія правосудіемъ и безнравственнаго направленія юношества въ учебныхъ заведеніяхъ. Соціалисты эти, къ числу коихъ принадлежалъ и Каракозовъ, стремились къ раздѣлу собственности и къ ниспроверженію начальства. Значитъ—развратъ и безначаліе или чистый хаосъ!

Въ этомъ рескриптѣ, между прочимъ, указывалось, что бы чиновники были опредѣляемы изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ дворянъ. Но этому наши власти не внемлютъ; напримѣръ, Б—евъ увольняетъ нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, получавшихъ по 1500 руб. въ годъ, и принимаетъ на ихъ мѣсто иногородныхъ, которымъ жалованье полагаетъ по 2000 руб., и весь этотъ поборъ отнесенъ на бѣдныхъ жителей. Между тѣмъ новые чиновники, не знакомые съ краемъ, ведутъ дѣло далеко хуже.

Дай Богъ, чтобъ водворились судъ и правда въ нашей доброй Россіи! Бюрократы понимаютъ свое назначеніе иначе—они дѣйствуютъ деспотически и поселяютъ ненависть...

Въ февралѣ 1867 года я былъ опредѣленъ опекуномъ надъ имѣніемъ графа М. Л. Салтыкова. 30 іюня послалъ главному начальнику края графу Баранову замѣчанія объ обрусѣніи сѣверо-западнаго края и объ улучшеніи здѣшняго хозяйства. Подобную же статью, подъ заглавіемъ „Мысли о бѣлорусскомъ хозяйствѣ“ сообщилъ въ могилевскій статистическій Комитетъ. Статья эта напечатана въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ № 47 въ неоффиціальной части 1867 г., а въ № 50—53 „Обычаи и жизнь крестьянъ мстиславскаго уѣзда“.

Въ настоящее время [1]) семейство мое состоитъ изъ жены, старшій сынъ Аристархъ, 21 года, въ Москвѣ, на второмъ курсѣ медицины въ университетѣ; Іосифъ, 13 лѣтъ, въ смоленской гимназіи въ 4-мъ классѣ; дочь Настасья 10 и Анна 8 лѣтъ, сынъ Иванъ 3 лѣтъ находятся дома. Дочерей учитъ мать, а уроки музыки берутъ у вдовы Цвѣтковой въ Мстиславлѣ.

Живу я счастливо. Моя добрая и умная Александра меня любитъ, всѣхъ дѣтей выкормила собственною грудью, сама занималась каждымъ съ 6-ти лѣтъ ученьемъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Всѣ дѣти нами воспитаны въ страхѣ Божьемъ, самаго скромнаго и добраго характера, лишь по мнѣ вспыльчивы, а по матери женерозны.

Занимаюсь я, какъ и все время послѣ отставки, съ 1842 по 1867 годъ, хозяйствомъ, самъ сдѣлалъ много улучшеній, испыталъ всѣ способы полеводства и остановился на пятипольной системѣ; а въ прежнее время, при крѣпостномъ правѣ, много жертвовалъ для крестьянъ, на постройки и расчистку полей, на покупку лошадей для крестьянъ и вообще на улучшенія хозяйства. Въ Бѣлоруссіи я прожилъ много денегъ. За то у меня все теперь есть: домъ, два амбара, мельница, гумно, хлѣбный сарай, скотный дворъ, флигель для людей, лошадей 20, рогатаго скота 50 штукъ, свиней 25; много одежды, библіотека, экипажей даже до излишества, и рухомости въ хозяйствѣ неизбѣжной на многія сотни рублей.

Не могу, однако же, не сказать, что въ жизни моей бывали ошибки, которыя дѣлали большой минусъ въ интересахъ моихъ.

[1]) Писано въ 1868 г. (Примѣч. Ред.).

Для примѣра моимъ дѣтямъ и для руководства при подобныхъ опытахъ, укажу на главныя изъ нихъ, съ критическимъ взглядомъ.

Первая ошибка состояла въ томъ, что, будучи мировымъ посредникомъ, я не держалъ стороны помѣщиковъ, какъ желалъ губернаторъ Б—евъ; но я дѣлалъ по истинѣ для крестьянъ всевозможныя уступки: во-первыхъ потому, что видѣлъ ихъ обиженными со всѣхъ сторонъ, а во-вторыхъ—главный начальникъ края далъ такое направленіе, чтобы соблюдали посредники пользу крестьянъ.

Вторая ошибка: когда враги у губернатора оклеветали меня и Радкевича, именно въ томъ, что мы якобы разоряемъ помѣщиковъ и для крестьянъ дѣлаемъ насильные надѣлы (чистѣйшая ложь—наши всѣ выкупные акты „по добровольному соглашенію“) и что мы „бранимъ“ Б—ева за покровительство полякамъ,—то Б—евъ, вспыхнувъ гнѣвомъ, тайно 20 августа телеграфировалъ начальнику края Кауфману: „по случаю запущенія дѣлъ въ мстиславскомъ мировомъ съѣздѣ, прошу уволить мировыхъ посредниковъ Сердюкова и Радкевича *по прошенію*“, а 26 августа 1866 года мы были уволены.

Это чистая ложь: мы *прошенія* не подавали и запущенія никакого не было; напротивъ, у меня было неконченныхъ выкупныхъ актовъ меньше, чѣмъ у другихъ товарищей.

Мы съ Радкевичемъ поѣхали объясняться съ Б—евымъ, и онъ, ясно чувствуя свою опрометчивость, остановилъ насъ отъ жалобы обѣщаніемъ „исправить репутацію“, и мы оставили жалобу въ Сенатъ. Вотъ это и есть ошибка. Но, подумалъ я, надобно наводить слѣдствіе, значитъ—быть подсудимымъ, и положимъ, мы совершенно оправдались-бы; но что же за это было-бы губернатору?.. Много, много, если сдѣлали-бы замѣчаніе. Вотъ у насъ какой произволъ! Тогда какъ, по указу императора Николая Павловича, Б—евъ долженъ былъ-бы подвергнуться тому же, что намъ сдѣлалъ.

Послѣ этого мы согласились взять аттестаты и представлены къ пенсіону.

На этомъ прекращаются записки И. И. Сердюкова, оконченныя имъ, какъ видно, въ 1868 г., хотя онъ послѣ того прожилъ еще 18 лѣтъ. Такъ какъ его типическая личность, по ознакомленіи съ его автобіографіей, сама по себѣ представляетъ извѣстный интересъ, то въ этихъ видахъ считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь дополнительную замѣтку о послѣднихъ годахъ его жизни и кончинѣ, составленную вдовой покойнаго, А. Н. Сердюковой.

„Крестьяне до конца дней его жизни приходили къ нему за совѣтами какъ относительно покупки земли, такъ и для рѣшенія споровъ о владѣніяхъ надѣлами наслѣдственными, и всегда слышался въ толпѣ говоръ: „какъ скажетъ баринъ, такъ и будетъ“.

Здоровьемъ онъ пользовался прекраснымъ и если когда и заболѣвалъ, то лѣчился самъ, говоря, что свою натуру знаетъ лучше всѣхъ,—употреблялъ кровопусканіе. Образъ жизни велъ чрезвычайно умѣренный, вставалъ очень рано, занимался въ своемъ кабинетѣ, причемъ не любилъ, чтобы ему мѣшали, и самъ время отъ времени выходилъ къ намъ. Послѣдніе годы жизни въ хозяйство вникалъ мало, передалъ имѣніе мнѣ, а хозяйство младшему сыну, которымъ руководилъ.

Въ августѣ 1886 года, выйдя на балконъ, простудился. Почувствовавъ ознобъ, легъ въ постель и сейчасъ же пустилъ себѣ кровъ банками. Дня черезъ три, находя себя совершенно здоровымъ, началъ выходить и ѣздить въ Мстиславль, нашъ уѣздный городъ, и снова простудился. Пригласили доктора, который нашелъ, что у него плевритъ, который можетъ, если не побережется, дурно окончиться, и прописалъ лѣкарство, которое онъ отказался принимать; опять пустилъ себѣ кровь пьявками и снова поправился. Погода сдѣлалась холодная, а онъ все время выходилъ изъ дому и даже выѣзжалъ, и опять почувствовалъ колики. Не смотря ни на какія мольбы, онъ снова пустилъ кровь изъ руки и увѣрялъ, что ему сдѣлалось лучше. Мѣстнымъ докторамъ рѣшительно не вѣрилъ, а человѣкъ, съ которымъ иногда совѣтовался, братъ мой, докторъ Очкинъ, былъ къ несчастію въ отсутствіи, уѣхалъ на долго по дѣламъ въ Вильну.

Хотя онъ и на этотъ разъ поправился и велъ обычный родъ жизни, но жаловался на слабость, безсонницу и отсутствіе аппетита. Началъ поговаривать о смерти, чего никогда прежде не бывало, и предчувствуя ея приближеніе, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія письменно (что мы уже послѣ его смерти узнали изъ бумагъ). Такъ прошелъ сентябрь и половина октября. 14-го я уѣхала за 10 верстъ, въ имѣніе брата, на поминовеніе матери моей, и онъ предлагалъ мнѣ ѣхать со мною, но я отклонила это предложеніе, говоря, что черезъ рѣку ѣхать сыро и вредно для выздоравливающаго. Послѣ моего отъѣзда онъ вздумалъ ѣхать въ Мстиславль получать пенсію, но старшая дочь упросила его поручить это ей и собралась уже ѣхать, какъ ее позвалъ младшій братъ, говоря, что отцу дурно. Онъ сидѣлъ на кровати, былъ очень блѣденъ, жаловался на слабость и велѣлъ приготовить себѣ лѣкарство. Хотѣлъ пройтись по комнатѣ, но уже не могъ. Его уложила дочь, давала нюхать спиртъ и пыталась привести въ чувство, но прибѣжавшая прислуга увѣряла, что это смерть. Онъ хотѣлъ что-то сказать, потянулся и безъ всякихъ видимыхъ страданій отошелъ въ вѣчность, поразивъ всѣхъ насъ неожиданностію своей внезапной смерти. Не только родные, знакомые, но и крестьяне искренно его оплакивали. Похороненъ въ Кудричахъ, близъ церкви, его иждивеніемъ выстроенной въ 1870 году (передѣлана изъ уніатскаго костела) и приписанной къ мстиславскому соборному приходу. Миръ душѣ твоей, вѣчный искатель правды!..

Александра Сердюкова.

По поводу ста лѣтъ отъ смерти графа П. А. Румянцова.

8 декабря 1796 года, въ деревенской тиши и въ одиночествѣ, умеръ одинъ изъ главныхъ Екатерининскихъ полководцевъ и администраторовъ—гр. П. А. Румянцовъ, получившій за свои побѣды надъ турками прозваніе Задунайскаго. Но въ Малороссіи гр. Румянцовъ памятенъ не военными отличіями, а своею административною дѣятельностью: онъ поставленъ былъ во главѣ этого края въ к. 1764 года, когда было упразднено „гетманское правленіе“, и правилъ имъ 25 лѣтъ. Въ его управленіе Малороссія окончила свою автономную жизнь и была сравнена по управленію съ другими областями имперіи.

Въ настоящій моментъ, въ столѣтіе со времени смерти гр. Румянцова, умѣстно было бы помянуть его болѣе или менѣе обстоятельнымъ жизнеописаніемъ, но мы говорили раньше[1]) о полной бѣдности матеріаловъ для такого труда. Не повторяя уже сказаннаго по этому предмету, мы здѣсь приведемъ лишь нѣкоторыя черты изъ той дѣятельности гр. Румянцова, которая касалась Малороссіи.

Гр. П. А. Румянцовъ родился въ глухомъ молдавскомъ селѣ Строенцахъ, въ 1725 г. „Это случилось (говоритъ со словъ самого Румянцова его бывшій адъютантъ Ясновскій) тогда, когда мать его, Румянцова, выѣзжала встрѣчать мужа, бывшаго тогда посломъ въ Константинополѣ“[2]). Родился Р—въ, повидимому, въ самомъ началѣ января, такъ какъ мать его уже 8 января,

[1]) „Кіев. Стар.“ 1895 г., мартъ, 385.

[2]) Т. ж., 399.

1725 года писала къ императрицѣ Екатеринѣ I, прося ее быть воспріемницею „новорожденнаго сына Петра“ [1]). Въ 1738 году отецъ этого сына, извѣстный любимецъ Петра В., А. И. Румянцовъ, былъ назначенъ правителемъ Малороссіи и оставался на этомъ мѣстѣ болѣе двухъ лѣтъ. Съ отцомъ жилъ въ Малороссіи и его сынъ. По возрасту въ это время молодому Румянцову нужно было учиться. Онъ и учился, при чемъ учителемъ для него былъ выбранъ мѣстный педагогъ Тимофей Михайловичъ Сенютовичъ. Это былъ сынъ одного изъ трехъ братьевъ ученыхъ монаховъ Сенютовичей (изъ нихъ Іоанникій—извѣстный печерскій архимандритъ), проходившій курсъ сначала въ черниговскомъ „коллегіумѣ“, а потомъ изучавшій „въ иностранныхъ земляхъ разные языки“ [2]). Возвратившись на родину, Сенютовичъ занялся обученіемъ „дѣтей въ школѣ“. Въ это время онъ и былъ приглашенъ „быть учителемъ“ молодого Румянцова. Ученіе шло повидимому успѣшно; по крайней мѣрѣ Сенютовичъ настолько угодилъ отцу ученика, что не смотря на то, что учитель былъ „посполитаго званія человѣкъ“, въ 1739 г. его поставили черниговскимъ полковымъ судьею.

Нѣтъ сомнѣнія, что впечатлительные отроческіе годы оставили въ молодомъ Румянцовѣ слѣды его пребыванія въ Малороссіи на всю жизнь. Любовь къ мѣстному языку, о чемъ имѣются свѣдѣнія (см. ниже), должна была получить свое начало въ эти же отроческіе годы.

Первую извѣстность молодой Румянцовъ пріобрѣлъ въ семилѣтнюю войну. Военные таланты его настолько уже обозначились въ эту войну, что, по преданію, Фридрихъ II тогда же говорилъ своимъ генераламъ: „остерегайтесь сколь можно этого собаки Румянцова! прочіе (русскіе генералы) для насъ не опасны“. Румянцову въ это время было съ небольшимъ тридцать лѣтъ.

Подъ вліяніемъ тепловскихъ свѣдѣній о происходящихъ въ Малороссіи „непорядкахъ управленія“, Екатерина II рѣшила уничтожить гетманство. На мѣсто отставляемаго гетмана нужно

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева, изд. т-ва „Общ. Польза“, IV, 940.

[2]) См. „Кіев. Стар.“ 1889 г., январь, 223.

было выбрать человѣка, который съумѣлъ бы тихо и спокойно ввести въ этомъ краѣ общерусскіе порядки. Умѣніе Екатерины выбирать людей по мѣсту—обнаружилось и въ этотъ случаѣ: выбранъ былъ сорокалѣтній Румянцовъ, которому и поручена была Малороссія въ управленіе съ обширными полномочіями.

Указомъ 10 ноября 1764 года учреждена была, вмѣсто гетманскаго правленія, малороссійская коллегія, и президентомъ ея назначенъ гр. П. А. Румянцовъ. Послѣдній получилъ при этомъ отъ императрицы обширную инструкцію относительно управленія краемъ, требовавшимъ, по мнѣнію правительства, коренаго переустройства. Въ иструкціи читаемъ: „Извѣстны каждому пространной Малороссіи обширности, многолюдство живущаго въ ней народа, великое ея плодородіе и по добротѣ климата различныя предъ многими имперіи нашей мѣстами преимущества, но, напротивъ того, не менѣе извѣстно всѣмъ и то, что Россія при всемъ томъ весьма малую, а во время послѣдняго гетманскаго правленія почти и никакой отъ того народа пользы и доходовъ понынѣ не имѣла. Сверхъ того, вкоренившіеся тамъ многіе непорядки, неустройства, несообразимое смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ; отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происхожденія; въ судѣ и расправѣ безконечныя волокиты и притѣсненія; самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привелегій и вольностей узаконеніе, а въ настоящихъ частое и великое во зло употребленіе; весьма вредные, какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ, съ мѣста на мѣсто переходы; закоснѣлая почти во всемъ народѣ къ земледѣлію и другимъ полезнымъ трудамъ лѣность, и такая же примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ Великороссійскаго ненависть, представляютъ вамъ весьма пространную значительнаго наблюденія и старанія вашего матерію".—Затѣмъ, Румянцову поручалось обратить особое вниманіе на прекращеніе „переходовъ земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто" и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на утвержденіе планъ—„какимъ образомъ новую во всей Малороссіи ревизію учредить". Въ заключеніе инструкція указывала главную задачу новому правителю края—сглаженіе того антагонизма, который существуетъ между двумя народно-

стями.—„Осталось еще упомянуть объ одномъ пунктѣ, который особливо при учрежденіи нынѣшняго въ Малороссіи новаго правленія заслуживаетъ нѣкотораго политическаго примѣчанія. Состоитъ оный въ упомянутой сокровенной ненависти тамошняго народа противъ здѣшняго, который опять, съ своей стороны, пріобыкъ оказывать не непримѣтное къ малороссіянамъ презрѣніе. И какъ та ненависть особливо примѣчается въ старшинахъ тамошнихъ, кои опасаясь видѣть когда нибудь предѣлы беззаконному и корыстолюбивому ихъ своевольству, болѣе вперяютъ оную въ простой народъ, стращая его сперва нечувствительною, а современемъ и совершенною утратою правъ и вольности, то нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они, при настоящей правленія ихъ перемѣнѣ, тѣмъ паче не усугубили тайно коварство свое, что пресѣченіе прежнихъ безпорядковъ и установленіе лучшихъ учрежденій не будетъ согласоваться съ ихъ прихотями и собственною корыстію. Въ семъ разсужденіи не оставите вы наблюдать прилежно, но безъ явнаго виду и огласки, поведеніе тамошнихъ старшинъ, особливо же тѣхъ, кои хотя мало подозрительными себя окажутъ, дабы иногда умышляемое зло заблаговременно свѣдано и предупреждено быть могло. И хотя время само собою откроетъ глаза народу и докажетъ, сколь много онъ облегченъ и благоденствовать будетъ, когда устроеніемъ лучшихъ во всемъ порядковъ, увидитъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ, однако жъ и въ нынѣшнее время разные способы поспѣшествовать вамъ могутъ праводушіемъ, безкорыстливостью, снисхожденіемъ и ласкою употребить неосновательныя его опасенія и пріобрѣсть къ себѣ любовь его и довѣренность“.

Приведенные отрывки изъ инструкціи указываютъ, что правительство рекомендовало Румянцову главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы народъ „увидѣлъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его маленькихъ тарановъ“, т. е. защитить народъ отъ произвола старшины [1]). На сколько же Румянцовъ исполнилъ эту задачу?—Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ заклю-

[1]) Вспомнимъ, что ту же задачу давалъ и Петръ В., въ 1722 г., Вельяминову при учрежденіи тогдашней Малороссійской коллегіи.

чаться въ подообномъ обозрѣніи его дѣятельности по управленію Малороссіи. Но для такого обозрѣнія матеріалы далеко еще не собраны. Одно можно сказать, что выборъ Румянцова былъ очень удаченъ въ томъ отношеніи, что новый правитель былъ уже достаточно знакомъ съ тѣмъ краемъ, правителемъ котораго его назначили.

Въ званіи „главнаго малороссійскаго командира", Румянцовъ прибылъ въ Глуховъ 7 апрѣля 1765 года и былъ здѣсь встрѣченъ пушечными выстрѣлами въ знакъ той большой власти, которая въ немъ совмѣщалась.—Въ то же лѣто Румянцовъ отправился объѣзжать Малороссію для личнаго знакомства съ краемъ, и употребилъ на этотъ объѣздъ два мѣсяца. Вернувшись въ Глуховъ 30 іюля, Румянцовъ уже въ началѣ сентября предложилъ Малороссійской коллегіи—произвести „произвести генеральную опись" Малороссіи. Опись эта хорошо извѣстна людямъ, занимающимся исторіей Малороссіи. Между прочимъ, это была первая подробная перепись *всего податного* народонаселенія, при чемъ, кромѣ того, показано было и его имущество: движимое—въ скотѣ, и недвижимое. Главный результатъ этой переписки заключался въ томъ, что она полнѣе прежнихъ ревизій закрѣпила принадлежность лицъ къ тому или другому сословію и послужила на долгіе затѣмъ годы справочнымъ документомъ для „исканія вольности"—неправильно закрѣпленнымъ козакамъ. Другихъ результатовъ эта перепись не имѣла, да и имѣть не могла, потому что правительство, производя эту „новую ревизію", никакой задачей при этомъ, повидимому, не задавалось.

Обозрѣвая дальнѣйшую дѣятельность Румянцова въ Малороссіи, мы видимъ, что она распадается на два періода: первый, до введенія здѣсь общаго учрежденія губерній въ 1782 году, и другой,—послѣ открытія намѣстничествъ. Въ первомъ періодѣ Румянцовъ представлялъ собою, такъ сказать, того же гетмана, а малороссійская коллегія—ту же генеральную канцелярію. Формы новаго управленія были очень похожи на прежнія. Но Румянцову указаны были задачи, къ рѣшенію которыхъ онъ долженъ былъ немедленно приступить: облегчить народный бытъ и улучшить судъ. Относительно облегченія народныхъ тяжестей Ру-

мянцовъ немедленно же сдѣлалъ попытку переложенія натуральной повинности по продовольствію квартировавшаго въ Малороссіи войска, установивъ „квартальный“ денежный сборъ (по 1 р. 2 к. съ хаты). Авторъ „Исторіи Русовъ“ говоритъ, что этимъ распоряженіемъ Румянцовъ *„усмирилъ разорявшія народъ воинскія команды, прохожія и квартировавшія“*. Для сбора „квартальныхъ“ денегъ учреждены были особые коммиссары, на обязанность которыхъ возложенъ былъ сборъ этихъ денегъ и кромѣ того имъ поручалось „провожденіе войскъ переходящихъ и защищеніе жителей отъ обидъ“. Относительно суда—Румянцовъ измѣнилъ личный составъ генер. суда: вмѣсто погодно засѣдавшихъ въ немъ (въ помощь генер. судьямъ) выборныхъ отъ полковъ членовъ[1]), Румянцовъ въ 1767 г. назначилъ „непремѣнныхъ членовъ“ въ генер. судъ, при чемъ такими членами были назначены: Григорій Фридрикевичъ, Александръ Безбородко, Петръ Симоновскій и Сергѣй Дергунъ.—Всѣ эти лица, можно сказать, были лучшіе тогдашніе дѣльцы въ Малороссіи, при чемъ и репутація ихъ (покрайней мѣрѣ—первыхъ трехъ) была, повидимому, безупречна... Слѣдуетъ добавить, что этимъ новымъ членамъ Румянцовъ назначалъ жалованье, чего прежде не бывало. Генеральнымъ судьею Румянцовъ засталъ Илью Журмана, быть можетъ единственнаго изъ генеральн. судей XVIII в., не имѣвшаго пятенъ... При такомъ составѣ суда правосудіе въ немъ должно было быть, хотя до нѣкоторой степени, обезпечено...[2]).

---

[1]) По распоряженію Разумовскаго, 17 ноября 1760 года.

[2]) Но и этотъ составъ суда не всегда удовлетворялъ Румянцова, какъ видно изъ слѣд. его „ордера“, вызваннаго неизвѣстнымъ впрочемъ намъ случаемъ. „Ордеръ. Господамъ членамъ суда генеральнаго. Господина коллежскаго совѣтника и малороссійской коллегіи прокурора Семенова посылаю при семъ поданное мнѣ представленіе. Да изволитъ всякъ изъ васъ мнѣ подать объясненіе въ обстоятельствѣ его касающемся. Когда правда и законъ, хранитель оныя, должны одни управлять совѣстью судей и ихъ дѣлами, то отъ чего между васъ сіи несогласіи и разность мыслей, которые описываетъ г. прокуроръ въ своемъ докладѣ? Прежде нежели еще я вижу, что вы скажете за свои поступки, одинъ только видъ возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе. Но вообразите! колико будетъ моей тогда чувствительности, естьли испытаніе собственное меня удостовѣритъ, что вы не тѣмъ путемъ слѣдуете, который пролагаетъ безпристрастіе, лучшая надежда и довѣренность къ вамъ. Генер. Г. Румянцовъ. Въ Глуховѣ. 1768 года, 1-го іюля“. (*Съ подлинника*).

Несомнѣнно, что эти двѣ мѣры Румянцова принесли народу немедленно благіе результаты и современникъ (не оптимистъ) имѣлъ полное основаніе сказать, что Румянцовская коллегія „вошла въ правленіе, яко роса на пажить и яко иней на руно...“. Одною изъ общихъ мѣръ первыхъ лѣтъ управленія Румянцова было запрещеніе въ 1767 г. выборовъ козаками сотенной старшины. Дѣло въ томъ, что по „рѣшительнымъ пунктамъ“ Апостола было постановлено „въ сотники выбирать въ каждой сотнѣ всѣмъ козакамъ общимъ совѣтомъ“. Это постановленіе верховнаго тайнаго совѣта 1728 г. генеральная канцелярія очень часто не исполняла, замѣщая сотничьи вакансіи своими канцеляристами. Но Румянцовъ, повидимому, желалъ чтобы существовавшее распоряженіе исполнялось точно, и когда въ 1767 г. въ Карабутовской сотнѣ открылась сотничья вакансія, то коллегія предписала Прилуцкой полк. к-ріи—при замѣщеніи этой вакансіи—исполнить правило 1728 года.—Выборы были произведены и два кандидата были представлены на утвержденіе въ Глуховъ, какъ и слѣдовало по „рѣшительнымъ пунктамъ“. Но вмѣстѣ съ представленіемъ полк. канцеляріи, Румянцовъ получилъ подробное описаніе той обстановки, при которой производились выборы въ Карабутовѣ сотника: оказалось, что при выборѣ перваго кандидата—вознаго Федоровскаго—главная часть выборщиковъ почти цѣлый день у него—„могорычъ пила“. Случилось такъ, что въ это время Румянцовъ выѣзжалъ на Бѣловежскую степь осматривать поселявшихся тамъ колонистовъ. Тутъ онъ услыхалъ еще больше подробностей о Карабутовскихъ выборахъ. Всѣ эти свѣдѣнія заставили его сдѣлать распоряженіе о „недозволеніи нигдѣ сотенныхъ старшинъ выбирать самимъ сельскимъ козакамъ, какъ до сего чинилось“, по тому основанію, что „они дѣлаютъ изъ сего обычая столь вредное злоупотребленіе...“[1]). Взамѣнъ прежняго порядка, Румянцовъ распорядился, чтобы кандидатовъ въ сотенную стар-

[1]) Приводимъ здѣсь полный текстъ этого распоряженія.—„Познавши изъ многихъ примѣровъ предъосудительный обычай, который въ нынѣшнее время ведется при выборѣ въ сотняхъ сотенныхъ старшинъ, что ищущіе быть оными, стараются преклонять голосы козаковъ, употребляя къ тому средство угожденія: излишество вина, которымъ напоеваютъ даже до потеренія всякаго чувства собирающихся при

шину избирала полковая старшина вмѣстѣ съ сотниками и затѣмъ представляла бы ихъ на утвержденіе ему, Румянцову. Трудно сказать—который порядокъ былъ лучше, но во всякомъ случаѣ „питье могорычей“ при выборахъ доходило до крайностей и такіе порядки требовали уничтоженія.

Мы не знаемъ ни одного частнаго случая гдѣ бы Румянцовъ проявилъ свою власть въ защитѣ народа отъ „маленькихъ тирановъ, хотя нужда въ такой защитѣ, повидимому, и настоятельно встрѣчалась хотя бы, напр., при порабощеніи козаковъ с. Клищинецъ генер. писаремъ Туманскимъ[1]). Можетъ быть, невсегда удобно было защищать народъ отъ этихъ „маленькихъ тирановъ“ уже и потому, что нѣкоторые изъ нихъ занимали мѣста ближайшихъ помощниковъ Румянцова по должности членовъ коллегіи...[2]). Изъ восьми членовъ послѣдней, четыре были назначены изъ мѣстной

томъ козаковъ. Злоупотребленіе сіе столь уже общимъ здѣсь пріемлется, что во время моихъ проѣздовъ въ Малороссіи, не устыдились и ко мнѣ самому, на разныхъ мѣстахъ, являтся толпы пьяныхъ козаковъ съ просьбами, чтобъ я имъ опредѣлилъ сотника, въ такомъ видѣ ими одобряемаго. Съ крайнимъ негодованіемъ, смотря на сіи неблагопристойности, снисходилъ однакожъ до сего времени полуневѣжеству, но въ послѣднюю бытность мою на Бѣловежской степи поданы мнѣ уже и формальныя о томъ просьбы, что при настоящей въ сотнѣ Корибутовской сотничьей вакансіи, возный Федоровскій, ища быть на тотъ чинъ кандидатомъ, прельстилъ по обыкновенію также козаковъ онимъ пьянствомъ, отвлекая отъ стороны войскового канцеляриста Соколовскаго, согласовавшихъ на его избраніе и, словомъ, они одинъ другого, какъ я сверхъ того слыхалъ, старались превзойтить присовокупленіемъ за себя одобрителей, покупая ихъ усердіе достаткомъ вина.—Въ такомъ состояніи дѣлъ, гдѣ столь подлая страсть превозмогаетъ надъ всѣмъ, не видно ли каждому, коль терпитъ правда, честность и заслуги лучшихъ людей, которыхъ достоинства всегда останутся безъ награжденія, если оставить власть произвожденія на произволеніе невѣжеству, которые рады всегда командира имѣть себѣ подобнаго. Неустройство сіе потребно удержать съ сего жъ времени и отмѣнить обычай поводамъ до сего бывшій къ возвышенію худыхъ и ко упослѣженію достойныхъ людей, когда степени здѣшнихъ чиновъ кои принадлежатъ однимъ только достойнымъ, можно иному получить за цѣну пьянства... „Записки Черниг. Стат. Ком., II, 246.

[1]) См. „Чтенія въ Общ. Нестора лѣтоп., XI, отд. 2, стр. 158 и слѣд. Въ этомъ случаѣ коллегія въ пол. 1766 г. постановила рѣшеніе явно незаконное и, повидимому, пристрастное въ пользу генер. писаря и *члена коллегіи* Туманскаго.

[2]) Причемъ, при доступности Румянцова, отношенія эти переходили въ особую пріязнь съ этими помощниками, какъ указываютъ приводимыя ниже письма Румянцова къ тому самому Туманскому, который несомнѣнно былъ однимъ изъ „маленькихъ тирановъ“...

старшины, при чемъ первенствующимъ значеніемъ межъ ними пользовался генер. писарь Туманскій. Остальные четыре члена, назначенные изъ великорусскихъ чиновниковъ, будучи мало знакомы съ порядками края, повидимому, не имѣли особаго значенія въ дѣятельности коллегіи.

Вообще, отношенія Румянцова, какъ правителя края, къ крестьянскому населенію послѣдняго, пока представляются неясными. Извѣстно, что Румянцевъ очень скоро, вслѣдъ за своимъ назначеніемъ, явился обладателемъ громадныхъ имѣній въ Малороссіи. Уже въ 1767 году онъ пріобрѣлъ около Кролевца—с. Вишенки и ревностно занялся устройствомъ этого имѣнія, при чемъ усерднѣйшимъ помощникомъ въ его хозяйствѣ явился членъ коллегіи кн. Мещерскій [1]). Затѣмъ въ 1770 и 1775 г.г. Румянцовъ былъ пожалованъ обширными мѣніями [2]), получивъ которыя, онъ сталъ въ положеніи той же владѣльческой старшины... При этомъ мы имѣемъ авторитетное свидѣтельство, что Румянцовъ былъ „скупъ и корыстолюбивъ“ [3]). Тѣмъ труднѣе, слѣдовательно, была для него роль надзирателя за „маленькими тиранами“... Скопляя земельныя богатства, Румянцовъ иногда позволялъ себѣ дѣйствія несовмѣстимыя съ его общественнымъ положеніемъ. Такъ, намъ извѣстенъ слѣдующій случай: желая округлить свои кролевецкія имѣнія присоединеніемъ къ нимъ с. Добротова, Румянцовъ поручилъ Осипу Туманскому, (одному изъ своихъ приближенныхъ), спросить добротовскаго владѣльца (б. тов. Матвѣя Холодовича)—не продастъ ли онъ ему эту маетность. Туманскій въ своемъ объ этомъ письмѣ къ Холодовичу, между прочимъ, добавилъ, что своимъ предложеніемъ купить Добротовъ „гр. Румянцовъ тѣмъ самимъ полагаетъ удовлетворить“ его, Холодовича, такъ какъ

---

[1]) См. ниже—письмо Мещерскаго къ Румянцову.

[2]) При этомъ Румянцову пожалованы были—въ *Нѣжинскомъ полку*: с. Кочуровка, Литвиновича, Райгородокъ, Царевка, Сохачи, Рожновка, Максимовка, Володькова Дѣвица съ деревнями, Вел. Кошелевка; въ *Стародубскомъ*: Топальская волость, с. с. Чопховъ, съ деревнями, Денисковичи, Синій Колодезь, Замышевъ; въ *Черниговскомъ*: с. с. Разлеты, и Бужанка. Въ *Прилуцкомъ*: Парафіевка съ деревнями и въ *Переяславскомъ*: с. с. Цыбли, Бирловка, Вергуны, Чоботки, Яненки, Капустинцы... Перечень этотъ, кажется неполонъ.

[3]) Кіевск. Стар. 1895 г., мартъ 387.

надача Добротова не такъ утвердительна, чтобъ наслѣдники Х—ча могли обнадежены быть спокойнымъ оного владѣніемъ". Приведенныя фразы переводятся такъ: „главный правитель" края, предлагая одному изъ его обывателей—продать ему маетность, тутъ же, для лучшаго воздѣйствія, добавляетъ, что тотъ универсалъ, который имѣется у владѣльца на эту маетность, недостаточно крѣпокъ, т. е. можетъ де оказаться и недѣйствительнымъ...

Съ другой стороны, ставъ въ положеніе мѣстнаго владѣльца и при томъ такихъ общирныхъ имѣній, Румянцовъ сталъ ближе къ краю и къ его интересамъ. Малороссія (лѣвобережная) стала для Румянцова не только его генералъ-губернаторствомъ, но и тѣмъ краемъ, въ которомъ были сосредоточены его имущественные интересы... Малороссія не была его родиною, но отсюда получалъ онъ тѣ блага жизни, къ которымъ, какъ говорили, былъ былъ очень прилѣпленъ... Поэтому и весь тогдашній общественный мірокъ Малороссіи былъ Румянцову близокъ, какъ мірокъ людей во многомъ тождественныхъ интересовъ... Такимъ положеніемъ Румянцова въ его генералъ-губернаторствѣ слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что подручныхъ своихъ помощниковъ онъ выбиралъ почти исключительно изъ людей мѣстныхъ, и выбиралъ, слѣдуетъ сказать, искусно. Лучшіе его секретари взяты были имъ изъ мѣстныхъ канцеляристовъ. Видно, что онъ внимательно относился къ работѣ даже и мелкихъ чиновъ. Вспомнимъ Безбородка, Завадовскаго, Чепу, Ясновскаго... Чепа, напр., взятъ былъ Румянцовымъ изъ роменскихъ канцеляристовъ, а затѣмъ, въ началѣ текущаго столѣтія, этотъ самый Чепа отклонилъ отъ себя предложеніе малороссійскаго генералъ-губернатора быть правителемъ его канцеляріи. Ясновскій—сынъ священника (кролевецкаго уѣзда) взятъ былъ Румянцовымъ изъ Н. Сѣверской канцеляріи и скоро затѣмъ сдѣлалъ былъ его адъютантомъ (для чего Ясновскому данъ былъ военный чинъ) и сталъ однимъ изъ ближайшихъ людей къ Румянцову. Впослѣдствіи этотъ Ясновскій занималъ должность директора нѣжинскаго лицея (1827—1835) и по своему уму и образованности—(учился въ Кіевской академіи)—былъ однимъ изъ лучшихъ его директоровъ [1]).

[1]) „Лицей кн. Безбородко", Гербеля изд. 2-е, стр. 206—209.

Изъ общаго характера административной дѣятельности Румянцова слѣдуетъотмѣтить отсутствіе въ этой дѣятельности жестокости и крутыхъ мѣръ вообще въ тѣхъ случахъ, когда всякій проступокъ противъ властей вызывалъ въ тѣ времена суровыя и тяжкія наказанія. Возьмемъ для примѣра такъ называемую „Нѣжинскую исторію“ 1767 г. Въ этомъ году, въ Нѣжинскомъ собраніи шляхетства избирался въ коммиссію для составленія новаго уложенія—депутатъ, которому тутъ же нужно было составить и наказъ. Депутатомъ избранъ былъ Селецкій, при чемъ нѣжинское шляхетство, составляя для него наказъ, выразило въ послѣднемъ ходатайство и о возстановленіи въ Малороссіи гетманства [1]). Селецкій не пожелалъ быть депутатомъ съ подобнымъ полномочіемъ, а требовалъ наказа такого, какой былъ составленъ черниговскимъ шляхетствомъ (тамъ осуждались порядки гетманщины и требовалось уравненіе Малороссіи съ остальными частями имперіи). Нѣжинскіе избиратели признали Селецкаго для депутатства негоднымъ и выбрали другого. Въ этихъ дѣйствіяхъ Румянцовъ усмотрѣлъ „затрудненіе вышняго начальства“, заслуживавшее наказанія и при томъ очень строгаго, такъ какъ надъ виновными—согласившимися на наказъ съ ходатайствомъ о гетманствѣ и устранившими отъ депутатства Селецкаго,—былъ назначенъ въ Глуховѣ судъ: надъ лицами, имѣвшими воинскіе чины—военный, а надъ стальными—гражданскій. Военный судъ приговорилъ 33 человѣка къ „лишенію живота“, а гражданскій (т. е. уголовный) приговорилъ другихъ 18 человѣкъ къ „вѣчной ссылкѣ“ Приговоръ гражданскаго суда былъ сенатомъ отмѣненъ и виновнымъ было назначено шестинедѣльное тюремное заключеніе. Приговоръ военнаго суда тоже былъ отмѣненъ и „лишеніе живота“ было замѣнено восьмимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ лишеніемъ чиновъ. Все это происходило въ к. 1767 года, а въ нач. 1770

---

[1]) Такъ говоритъ, по живому преданію, А. М. Марковичъ въ одномъ примѣч. къ изд. имъ „Дневнымъ Запискамъ“ своего дѣда (II, 410). Попавшее въ тогдашнія бумаги извѣстіе, что будто Нѣжинское шляхетство говорило о соединеніи „Нѣжинскаго уѣзда съ Запорожскою Сѣчью“ подъ одною гетманскою властью—(Рецензія В. А. Мякотина въ XXXVII присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 30)—основано, конечно, на какой то болтовнѣ. Ср. Ист. Россіи, кн. VI, стр. 320.

года всѣ тѣ, которые судились военнымъ судомъ, были императрицею прощены, при чемъ „отобранные у нихъ чины“ были имъ возвращены [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой исходъ дѣла вполнѣ зависѣлъ отъ Румянцова [2]), который хотя и долженъ былъ сначала указать виновнымъ на строгость законовъ за такое противоправительственное заявленіе, какъ „Нѣжинская исторія“, но „вѣчную ссылку“, а тѣмъ болѣе „лишеніе живота“—какъ мѣры одной жестокости—Румянцовъ не могъ практиковать, обладая большимъ и спокойнымъ умомъ...

Другой случай. Въ 1768 году Румянцовъ послалъ Лубенскаго полковника Кулябку, съ отрядомъ козаковъ, усмирять „возмутившихся“ жителей с. Клищинецъ. Кулябка медлилъ, не зная какъ взяться за исполненіе порученія; эта медленность да еще въ рабочее время (дѣло было въ іюлѣ) надоѣла его козакамъ и въ одно утро—77 человѣкъ изъ Кулябкиного отряда и сами „возмутились“ и „не слушая приказа, запрягли возы и отъѣхали въ домы свои самовольно“. Нарушеніе военной дисциплины въ этомъ случаѣ было слишкомъ разительное... „Бѣглецы“ были переловлены и отосланы въ Глуховъ, гдѣ „всѣхъ таковыхъ, совершившихъ важное преступленіе противъ порядка военной службы, до дальшей о нихъ резолюціи, приказано было заключить въ острогъ и употреблять на городовую работу“. Но не болѣе какъ мѣсяца черезъ два „бѣглецы“ были освобождены, при чемъ въ орденѣ Румянцова значилось, что „хотя ихъ важное преступленіе надлежало бы большему истязанію, но по единому снисхожденію къ ихъ буйству и сопряженному съ тѣмъ унынію, рождающемусь отъ утраченнаго мужества и всякаго военнаго порядка, упущается строгость наказанія ими заслуженнаго...“ [3]).

---

[1]) „Нѣжинская исторія“ подробно разсказана В. А. Мякотинымъ въ указанной его рецензіи на книгу—II-й томъ Опис. Ст. Малор. Ср. Ист. Россіи, кн. VI, стр. 323.

[2]) Приговоръ военнаго суда отмѣненъ былъ, конечно, Румянцовымъ, какъ лицомъ, въ которомъ сосредоточена была вся въ краѣ военная власть. Тѣмъ болѣе, значитъ, онъ могъ имѣть вліянія на суды гражданскіе, особенно если дѣло казалось какъ здѣсь, политики.

[3]) „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтоп., XI, отд. II, стр.

Нельзя не видѣть и въ этомъ случаѣ явнаго намѣренія Румянцова обойти ту строгость наказанія, примѣненіе которой едва ли было бы умѣстно къ войску, которому „порядки военной службы", повидимому, были едва знакомы. Тутъ нужны были, конечно, другія, общія мѣры.

Приведемъ еще и третій случай. Въ Глуховѣ издавна имѣлась особая рота „жолдаковъ" (т. е. солдатъ), обязанность которыхъ заключалась сначала въ содержаніи карауловъ „въ дворѣ гетманскомъ", а потомъ, позже, они состояли на посылкахъ у „главныхъ командировъ". Румянцовъ, видя безполезность этихъ жолдаковъ, обратилъ ихъ въ „фузелерную роту". Жолдацкіе офицеры, недовольные этою реформою, подговорили рядовыхъ жолдаковъ подать въ коллегію прошеніе—„не занимать ихъ россійскимъ платьемъ и регулами"... Протестъ этотъ не понравился Румянцову и онъ разслѣдовавъ дѣло, офицеровъ лишилъ чиновъ, а рядовыхъ жолдаковъ приказалъ наказать и посадить на годъ въ тюрьму. Но черезъ нѣсколько времени послѣ заключенія жолдаки были освобождены, съ тѣмъ лишь, чтобъ они ни въ какую солдатскую и козацкую службу употребляемы не были"... Румянцовъ находилъ накое наказаніе достаточнымъ потому, что „оные жолдаки сіе учинили болѣе по ихъ невѣжеству, нежели съ точного умыслу [1]).

Приведенные случаи указываютъ, что Румянцовъ обходилъ тѣ законныя строгости, которыя выражались въ формахъ жестокости... [2]). Хотя факты 25-тилѣтняго управленія Румянцова Малороссіей далеко еще не обслѣдованы, но изъ того что уже извѣсто, мы видимъ со стороны Румянцова—постоянно спокойное отношеніе къ дѣлу.—Исполняя главную свою миссію—введеніе въ Малороссіи общерусскихъ порядковъ—Румянцовъ съ

---

[1]) Это было въ 1766 г. См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 224.

[2]) Извѣстный „Клищинскій бунтъ" (см. „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, кн. XI) выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Ужасное ожесточеніе „возмутившихся", вызванное рядомъ несправедливостей и насилій, по необходимости должно было вызвать особую кару. Приговоръ по этому дѣлу сенатъ представлялъ на утвержденіе императрицы. Кромѣ того, въ дѣлѣ Клищинцовъ Румянцову, кажется, мѣшали познакомиться съ его сущностью.

этимъ дѣломъ не спѣшилъ: учрежденіе губерній было издано въ 1775 году, а въ Малороссіи оно введено только въ 1782 году. Такимъ образомъ, болѣе 17-ти лѣтъ Румянцовъ управлялъ Малороссіей какъ бы при прежнихъ ея порядкахъ, при „несообразимомъ смѣшеніи правленія воинскаго съ гражданскимъ", какъ выразилась Екатерина II въ своей инструкціи. За это время Румянцовъ успѣлъ вполнѣ подгототовить край къ той реформѣ, которую онъ же и вводилъ—открытіемъ въ Малороссія намѣстничествъ. Главная подготовка состояла въ томъ, что за 17 лѣтъ Румянцовъ успѣлъ „маленькихъ тирановъ" приручитъ благами міра сего, „шляхетствомъ" и чинами, послѣ чего успѣхъ реформы былъ обезпеченъ. Это между прочимъ доказывается и тѣмъ, что при открытіи намѣстничествъ, т. е. при введеніи въ краѣ общеимперскихъ формъ управленія, по представленію Румянцова назначены были мѣстные люди: въ Черниговскомъ—генералъ-порутчикъ А. С. Милорадовичъ и въ Н.-Сѣверскомъ—И. В. Журманъ. Особенно интересно назначеніе послѣдняго. Журманъ, начавшій службу въ генер. канцеляріи съ 1739 году, въ 1756 году назначенъ былъ генер. судьею и оставался въ этой должности до своего назначенія губернаторомъ. Слѣдовательно, это былъ человѣкъ незнакомый, по предшествовавшей своей службѣ, ни съ какими новыми порядками; но Румянцовъ 17 лѣтъ зналъ Журмана, какъ примуса въ генеральномъ судѣ, зналъ его дѣловитость и безупречную честность [1]). Выбирая при такихъ обстоятельствахъ Журмана въ губернаторы, Румянцовъ видѣлъ въ немъ опытнаго и знающаго край человѣка, который въ свою очередь, получивъ отъ правительства право стать въ ряды привилегированнаго сословія, дѣлался сторонникомъ реформы. Вообще при открытіи намѣстничествъ многочисленныя губернскія и уѣздныя должности пополнены были преимущественно людьми мѣстными [2]), которые вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтая сословныя привилегіи, несомнѣнно могли только обезпечивать успѣхъ реформы...

---

[1]) См. замѣчательное по безпристрастію рѣшеніе генер. суда, подъ предсѣдательствомъ Журмана, по дѣлу жителей с. Клищинецъ—въ XI-й кн. „Чтеній" Историч. Общ. Нестора.

[2]) См. Списки Черниговск. двор. 1783 г. Черниговъ 1890.

Во второй періодъ дѣятельности Румянцова въ Малороссіи мы видимъ—уже сравнительный его покой. Онъ только надзиралъ за общимъ ходомъ административной дѣятельности всѣхъ чиновъ трехъ намѣстничествъ, зная, что главные изъ нихъ выбраны имъ лично, послѣ испытанной ихъ годности къ дѣлу. Особыхъ какихъ либо его распоряженій по управленію Малороссіей за это время мы не знаемъ.

Мало имѣемъ свѣдѣній и о частной жизни Румянцова за это время. Только по случаю путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ сохранились свѣдѣнія—какъ принималъ Румянцовъ императрицу въ своемъ Вишенскомъ домѣ, 24 января 1787 года, и угощалъ ее здѣсь обѣдомъ, а въ это время—„гремѣла пушечная пальба, при вокальной и инструментальной музыкѣ, при чемъ исполнителями въ хорѣ и оркестрѣ были крѣпостные музыканты и хористы графа“ [1]).

Имѣющіяся свѣдѣнія о личномъ характерѣ Румянцова страдаютъ общими мѣстами. А. М. Марковичъ говоритъ о немъ, что это былъ человѣкъ гордый и высокомѣрный, а ближайшій къ Румянцову человѣкъ, его „питомецъ“, говоритъ, что это былъ человѣкъ всякому доступный, простой, предпочитавшій въ пути „хижину поселянина“—„каменнымъ палатамъ“ [2]). Самъ Румянцовъ въ одномъ частномъ письмѣ къ пріятелю пишетъ: „Степанъ Даниловичъ, по просьбѣ моей, одолжилъ меня кибиткою; она весьма выгодна, да только для походу тяжела по своей величинѣ; а-вы, мой другъ, сами знаете, что *я не имѣю привычки ни къ чему пространному*... Итакъ, я васъ, мой всенадежный другъ, покорно прошу одолжить меня кибиткою для похода небольшой величины“ [3]).

Но мы имѣемъ несомнѣнныя данныя, что Румянцовъ по своему образованію далеко выходилъ изъ уровня современныхъ ему генераловъ. Достаточно указать на представленный имъ императрицѣ проектъ—о заведеніи въ Малороссіи, во *всѣхъ го-*

---

[1]) Кіевск. Стар. 1890 г., декабрь, 408.

[2]) Т. ж., 1895 г., мартъ, 385 и слѣд.

[3]) Письмо писано въ декабрѣ 1768 г. Архивъ в.—пох. к—ріи гр. П. А. Румянцовъ. Чтенія въ Моск. Общ. Ист., 1865 г., кн. I, стр. 166.

родахъ, а гдѣ можно, и по большимъ селамъ и деревнямъ—школъ, объ учрежденіи въ ней двухъ высшихъ училищъ „для благороднаго юношества“ и трехъ училищъ—„къ воспитанію дѣвицъ“. (См. ниже). Подобный проектъ, конечно, могъ быть предложенъ только человѣкомъ, хорошо понимавшимъ значеніе народнаго просвѣщенія...

Въ 1811 году была напечатана книжка—„Анекдоты, объясняющіе духъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго“. Кто былъ ея издателемъ—не извѣстно, но въ этой книжкѣ приведено, между прочимъ, слѣдующее любопытное свѣдѣніе: „Гр. Румянцовъ, возросшій въ Малороссіи, былъ столь привязанъ къ своей родинѣ, что всегда, встрѣтивъ одноземца, старался обласкать его всѣми силами, и до того прославился своею любовью къ Малороссіи, что каждый уроженецъ ея, ѣхавъ въ Петербургъ, почиталъ гр. Румянцова лучшимъ своимъ покровителемъ. Иногда, услышавъ малороссійское произношеніе, отъ коего не могъ отучиться совершенно, радовался подобно дитяти...“ Приведенная черта изъ характера Румянцова, конечно, не выдуманная, указываетъ, что въ 25-тилѣтней административной дѣятельности Румянцова въ Малороссіи, имѣла свою долю значенія и любовь его къ этому краю. Можетъ быть этимъ слѣдуетъ объяснить и планы Румянцова неосуществившіеся, о заведеніи въ Малороссіи школъ и богадѣленъ [1]). Екатерининскіе генералъ-губернаторы

[1]) „Къ обученію юности во всѣхъ городахъ завесть подлежитъ школы для обученія читать, писать, пѣть и ариѳметикѣ, а гдѣ можно—и по большимъ селамъ и деревнямъ; опредѣлять учителямъ извѣстное жалованье изъ градскихъ доходовъ, умѣренное, или давъ имъ нѣкоторые чины духовные при церквахъ съ доходами... Сельскіе же школы должны быть содержаны владѣльцами и прихожанами, а обучаемы діаконами или дьячками за извѣстныя, сверхъ обыкновеннаго ихъ дохода, опредѣленныя награжденія„... Затѣмъ слѣдуетъ очень интересный проектъ Румянцова объ образованіи въ монастыряхъ Кіевскомъ Братскомъ и Черниговскомъ Елецкомъ—высшихъ училищъ, съ выводомъ оттуда монаховъ и съ порученіемъ надзора за преподаваніемъ—богословскихъ наукъ синоду, а остальныхъ „свѣтскому правительству“, при чемъ училища эти должны быть „снабжены извѣстнымъ и потребнымъ числомъ учителей для благороднаго юношества надобныхъ, какъ россійскими, въ тѣхъ наукахъ искусными, такъ и иностранными, *на содержаніи изъ доходовъ къ симъ монастырямъ съ принадлежащихъ деревень*„... Не забылъ Румянцовъ и женскаго образованія: „Къ воспитанію жъ дѣвицъ, а особливо неимущихъ кажутся быть способными Кіево-Фроловскій, дѣвичій Глуховскій и Черниговскій-Пятницкій“. Изъ нихъ

такихъ вопросовъ въ своей дѣятельности обыкновенно не возбуждали...

Все сказанное здѣсь о правительской дѣятельности Румянцова въ Малороссіи приводитъ насъ къ заключенію, что человѣкъ этотъ относился къ ней добросердно и потому имѣетъ право на нашу добрую о себѣ память.

Ал. Лазаревскій.

---

1. Письмо кн. Пл. Ст. Мещерскаго къ гр. П. А. Румянцову о Вишенскомъ хозяйствѣ. 1769 г., 18 іюля.

Милостивый Государь! Въ великомъ прискорбіи нахожусь, что при теперешнихъ вашего сіятельства многотруднѣйшихъ попеченіяхъ репорты мои, неприносящые ко удовольствію ничево, доходятъ, а къ предуспѣнію (sic) и расточая вмѣ мои силы, не могъ ничево здѣлать.

Милостивый Государь! Возвращаясь я изъ колоніи, былъ въ Вишенкахъ, нашолъ въ Черешенкахъ работы въ нарочитомъ успѣхѣ, кромѣ подрядившагося мастера съ каменщиками дѣлать въ домѣ штукатурную подъ потолками подмазку и скотной дворъ. Онъ не знаю кѣмъ сысканъ, только сущей бездѣльникъ, вместо тридцати человѣкъ, болше не поставилъ десяти и то пяницъ такихъ, што поработавши нѣсколко дней, разбѣжались. Изъ Вишенекъ послалъ я

Румянцовъ полагалъ монахинь также вывести, „оставя токмо для клира и обученія извѣстнаго числа дѣвицъ... „Построеніе госпиталей къ цѣленію болѣзненныхъ и къ спасенію иногда несчастливыхъ женщинъ (*„спасающихъ себя отъ стыда и поношенія въ первомъ пароксизмѣ умерщвленіемъ своего плода“*) весьма нужно... „Сборникъ Русск. Истор. Общ., X, 18 и 19. Хотя здѣсь и сказано, что докладъ Румянцова по этимъ вопросамъ былъ представленъ императрицѣ 18 мая 1765 г., но это явная ошибка. Мы видѣли уже, что Румянцовъ пріѣхалъ въ Глуховъ только 7 апрѣля 1765 г. и конечно за сорокъ дней онъ не могъ настолько познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи, чтобы написать такое всестороннее изложеніе нуждъ края. Несомнѣнно, что редакторами „Сборника“ въ датѣ допущена ошибка. Упоминаемый докладъ Румянцова долженъ относиться развѣ къ концу 60-хъ годовъ, а можетъ и того позже. Краткій планъ улучшеній разныхъ учрежденій въ Малороссіи (а въ томъ числѣ училищъ и богадѣленъ) составленъ былъ Румянцовымъ только лѣтомъ 1767 г. „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, V, отд. 3, стр. 100—111. Въ брошюрѣ Авсѣенка „Малороссія въ 1767 г.“ (Кіевъ. 1864.)—эта самая „записка“ Румянцова помѣчена—25 мая 1765 г. Дата тоже едвали вѣрная.

въ два мѣста, и пріѣхавши теперъ сюда, сыскиваю и какъ возможно буду стараться доставить туда людей. Земленая работа на обѣихъ плотинахъ и обдѣлка берега производится еще, а какъ за приближившимся сѣнокосомъ и жнитвомъ чрезъ нѣсколько дней перестануть люди наниматца, то продолжитца она окончаніемъ до осени, ибо по расположенію Гиржберга невѣроятное множество къ насыпкѣ плотинъ земли надобно. Однако жъ мнѣ видитца—что не напрасно.

Домъ снаружи зачали красить и картинъ, что надъ дверми будутъ, шесть уже отдѣлано, а остальные пять еще не зачинаны. Въ галлерею на стѣны рями обтянуты и пишутся; вкусъ писма сего и какъ подъ кровлею карнизъ съ подвѣсами окрашенъ—уповаю аппробацію вашего сіятелства имѣть будутъ, толко жалѣю о медленной работѣ: маляръ тамъ самъ и дѣйствително восемъ человѣкъ у нево помощниковъ, а болше всего остановку здѣлаетъ штукатурная подмазка потолковъ. Цвѣтникъ одинъ хорошева вкусу, почти совсѣмъ отдѣланъ, а и другой отдѣлываетца жъ. Прошлогодного саженія деревья всѣ, какъ штанбовые, такъ въ шпалѣрахъ и протчие, очень хорошо принялись и мало подсадки будетъ, а нынѣшного, особливо изъ шпалеръ вишень, много присохло. Оранжерейные прежние деревья невѣроятно вашему сіятелству будетъ, какъ теперъ поправились и въ самомъ лучшемъ ихъ видѣ, такъ что не хуже стали вновъ привезенныхъ. Оранжереи половина выкрашена жъ. Въ прудѣ, что передъ тарасами, воды ужъ аршина на полтора глубиною, и въ верхней плотинѣ немного осталось свай бить; а для скотнова двора толко половину фундамента каменного здѣлано; теперь зачали на нево пилить лѣсъ и вязать будутъ. Для мельницы на Деснѣ поехалъ вчерась Гиржбергъ сваи бить; прежде жъ нелзя было за величиною воды. Съ отезду вашего сіятелства въ расходѣ въ Вишенкахъ денегъ болѣе полуторы тысячи уже. По хозяйству экономия тамъ кажется изрядно идетъ. Садовникъ, бывшей у Ильи Васильевича, нѣсколко дней тамъ былъ, но въ пріездъ мой туда отежалъ онъ въ Глуховъ; толко и здѣсь не засталъ я ево, а сказываютъ, что вчерась опять туда поѣхалъ. Нанять ево на коронной щотъ стараться буду. Въ отездъ мой отсюда, привезенъ отъ вашего сіятелства ящичекъ, въ немъ нашелъ я модели галанскова ботика и шлюбки съ рисунками—къ строенію по нихъ, а ничево объ нихъ не писано, то здѣсь ли прикажете до времени сохранять или въ Вишенки отправить? Тако жъ и о парадной каретѣ; отправлять ли еѣ къ Москвѣ или здѣсь оставатца, не имею повелѣнія, котораго въ ожиданіи остаюсь. О колонистахъ като-

ликахъ изъ хлебопашцовъ, жителяхъ Великого и Малого Вердера [1]) преступившихъ боемъ шулца и судьи, по поводу невѣжи патера, какъ я по силѣ даннаго мнѣ отъ вашего сиятелства отъ 29-го маія ордера, долженъ ихъ отослать суду генеральному и далъ уже графу Капуани ордеръ о присылкѣ зачинщиковъ четырехъ человѣкъ въ оной судъ, предварително осмеливаюсь просить вашего сиятелства не соизволено ли будетъ безъ решенія судовова, наказавши ихъ, при колоніи оставить, ибо естли по рѣшенію надъ ними въ судѣ выполнитца, то семьи ихъ, въ малолѣтныхъ дѣтяхъ состоящие, останутца безъ отцовъ и оныхъ хозяйство. Отъ пріѣхавшихъ сюда къ Щенявскому по пашпорту за рукою Василицкова людяхъ, на репортъ мой отъ 1-го іюня учиненной, о снабдѣніи резолюцею прошу жъ. Онъ всякой день и староста Дембовской неотступно докучаютъ, такъ же и изъ гарнизона Уманскова желающихъ въ фузилерную роту—можно ли опредѣлять, ибо изъ нихъ нехотящие въ полской службѣ оставатца, начинаютъ побѣги уже дѣлать. Я же со всеглубочайшею моею преданностию и до конца жизни моей пребуду вашего сиятелства, милостиваго государя всепокорнейшей слуга князь Платонъ Мещерскій.

Глуховъ. Іюля 18, 1769 году.

2. Пять писемъ гр. Румянцова къ генер. писарю В. Г. Туманскому.

а) Государь мой Василей Григорьевичъ! Я бы хотѣлъ больше воздать, нежели въ однихъ словахъ благодарностію за толь одолжительную обсылку меня деликатною провизіею, которую знакомъ пріемлю усерднаго вашего обо мнѣ воспомнянія, но случай не подаетъ мнѣ другихъ къ тому способовъ; такъ и еще благодарю наипризнательнѣе за милость любезной супруги вашей, коея собственные труды дѣлаютъ мнѣ тѣмъ пріятнѣе сей гостинецъ.—Въ показаніе моего непремѣннаго къ вамъ доброжелательства, я увѣдалъ, что г. Яковскій близкою причитается роднею фамиліи вашей, изъ уваженія къ тому опредѣляю его, по его желанію, есауломъ полковымъ въ Прилуки; и къ удовольству приму, естли вы укажете какой мнѣ случай, въ которомъ бы я могъ дѣлая вамъ угодное, подтвердить то нелицемѣрное почтеніе, съ которымъ пребывать честь имѣю вашего высокородія покорнымъ слугою Г. Румянцовъ.

Марта 31-го дня, 1771-го. Изъ главной квартиры города Яссъ.

---

[1]) Колоніи, поселенныя въ борзенскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи.

б) Государь мой Василей Григорьевичъ! Наичувствительнѣйшей благодарности и истиннаго признанія исполненъ я вамъ за неоставленія меня вашимъ пріятнѣйшимъ письмомъ, такъ какъ и дражайшей супругѣ вашей за благосклонную обсылку собственныхъ ея трудовъ, всеискренно желая находить ежевременно случаи къ изъявленію вамъ готовости моей къ услугамъ вашимъ. На сихъ дняхъ я увидѣлъ изъ копіи указа правительствующаго сената въ коллегію присланнаго, что бунчуковый товарищъ Якимовичъ чрезъ сына своего (имѣлъ?) въ сенатѣ жалобу на отдачу комиссіи и сходное той опредѣленіи коллегіи о хуторѣ имъ заведенномъ въ дачахъ Чертовицкихъ. Не распространяяся о дѣлѣ семъ, вамъ довольно извѣстномъ, скажу только мое удивленіе, что въ то время, когда уже сія жалоба какъ видно въ сенатъ занесена была, сей человѣкъ прислалъ друзей сына своего съ вѣрующимъ ко мнѣ для испрошенія оставить отбираемое въ его владѣніе. Я не знаю совмѣстна ли тутъ апелляція и задержаніе исполненія, гдѣ указомъ 1763 года судной образъ отверженъ, а разборъ слѣдствіемъ предписанъ?—Прошу только васъ всеприлежно не упустить употребить средства къ сохраненію цѣлости сихъ имѣній, чтобъ онѣ въ подобныхъ случаяхъ не потерпѣли крайняго опустошенія отъ неправедно ими владѣвшихъ. Я не сомнѣваюся, что вы, государь мой, по правосудію вашему и по благосклонности ко мнѣ, во всѣхъ таковыхъ случаяхъ надлежащую мнѣ помощь подать не отречетесь и есмь съ совершеннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою Г. Румянцовъ [1]).

Марта 4-го, 1773-го. Изъ Яссъ.

в) Государь мой Василей Григорьевичь! Я уведомленъ, что отдача всемилостивѣйшее пожалованнымъ мнѣ въ Малороссіи деревень вознесена въ коллегію, но не зная отправлена ли оная въ правительствующій сенатъ, въ полной надеждѣ на дружество и благосклонность вашу, прошу васъ всеприлежно дать мнѣ знать о томъ; и ежели оная не отослана, то какіе причины его удерживаютъ. Пользуясь въ протчемъ симъ случаемъ, свидетельствую вамъ и любезной

[1]) Все письмо, кромѣ подписи, написано собственноручно А. А. Безбородкомъ. Дѣло идетъ о хуторѣ, который поселилъ одинъ изъ Якимовичей въ дачахъ д. Чертовичъ, вошедшей въ составъ Топальской волости, а прежде находившейся во владѣніи полк. хоруж. Ст. Якимовича „до ласки войсковой“. (См. Оп. Ст. Малор., I, 375). Въ сосѣдскихъ земельныхъ спорахъ съ Якимовичами, гр. Румянцовъ обращается здѣсь къ канцелярской помощи Туманскаго.

супруге вашей мое искренное и совершенное почтеніе, и есмъ вашъ покорной слуга Г. Румянцовъ.

5-го Августа, 1773-го. Изъ лагеря при рѣкѣ Яломицѣ.

г) Государь мой Василей Григорьевичъ! Благодаря вамъ отъ всей искренности за ваше ко мнѣ доброхотное расположеніе, коего ни время, ни дальная отлучка не изтребили изъ вашей памяти, я обращаю во взаимство вамъ, моему лутчему другу, всеусердныя мои желанія въ семъ новонаставшемъ и премногихъ будущихъ, съ любезною вашею фамиліею, увидѣть изобильно всѣ и всякія благощастіи и преуспѣянніи въ помысльномъ вами, и сохраняя непремѣнно вашу ко мнѣ благосклонность пребыть удостовѣреннымъ, что я всегда останусь съ отличнымъ почтеніемъ и истинною преданностію покорнымъ слугою Г. Румянцовъ.

С. П. Бургъ. Генваря 28 дня, 1777 года.

е) Милостивый государь мой, Василей Григорьевичъ! По усердному моему къ вамъ и ко вашему дому расположенію, я беру всіо участіе и искреннее сожалѣніе въ вашей печали, о кончинѣ любезной дочери вашей, и изъ всякаго случая, гдѣ мнѣ только возможно оказать вамъ мою услугу, дѣлая себѣ отличное удовольствіе, обратилъ я на то и сей, что вы подали мнѣ касательно отсрочки вашему сыну. Онъ можетъ остаться у васъ по май мѣсяцъ, и я включая ему здѣсь пашпортъ, и желая отъ всего моего сердца, чтобы сіе мое письмо нашло васъ въ наилучшемъ здоровьѣ, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, что я имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Г. Румянцовъ.

Марта 19-го дня, 1789 года. Г. Яссы [1]).

[1]) Всѣ приведенныя письма печатаются съ подлинниковъ. Письма къ Туманскому получены нами отъ гр. Г. А. Милорадовича.

ПЕРВЫЙ КІЕВСКІЙ АРХЕОЛОГЪ М. Ѳ. БЕРЛИНСКІЙ.

Въ ряду лицъ, занимавшихся исторіею Малороссіи вообще и Кіева въ частности, видное мѣсто принадлежитъ М. Ѳ. Берлинскому. Имя его извѣстно всякому, интересующемуся мѣстною исторіею и археологіею; менѣе извѣстна его біографія (краткія біографическія свѣдѣнія о Б. можно, впрочемъ, найти въ біографич. словарѣ Венгерова и въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона); еще менѣе извѣстны его сочиненія, разбросанныя въ старыхъ журналахъ, или выходившія отдѣльными изданіями и сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью. Цѣль настоящаго очерка—собрать возможно полныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этого почтеннаго труженика и указать значеніе его трудовъ, насколько позволяютъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы.

Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій родился въ 1764 г. въ с. Новой Слободѣ (путивльскаго уѣзда курской губерніи), гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. Свѣдѣній о происхожденіи отца не сохранилось, но такъ какъ Б. въ оффиціальныхъ документахъ [1]) показанъ происходящимъ изъ дворянъ, то можно думать, что онъ принадлежалъ къ старинному русскому шляхет-

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, изд. М. Н. Пр. Спб. 1893. IXI, стр. 354 (Вѣдомость о состояніи Кіевск. Главн. Народн. Училища 1802).

скому роду Берлинскихъ, жившему на Подоліи [1]). На двѣнадцатомъ году Б. отдали въ Кіевскую Академію, гдѣ онъ учился въ продолженіи десяти лѣтъ (1776—1786). По окончаніи курса съ отличіемъ, Б. былъ посланъ въ С.-Петербургъ, въ незадолго передъ тѣмъ основанную учительскую гимназію или семинарію. Это было въ эпоху обширныхъ реформъ, предпринятыхъ имп. Екатериною въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ 1782 открыта была „коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ" подъ предсѣдательствомъ П. В. Завадовскаго и „подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Монаршей Особы;" задачи коммиссіи состояли въ открытіи школъ, составленіи книгъ и другихъ учебныхъ пособій и въ приготовленіи учителей. Для осуществленія послѣдней задачи въ Петербургѣ учреждена была учительская гимназія, въ которую, по Высочайшему повелѣнію, посылались лучшіе воспитанники духовныхъ семинарій. Впослѣдствіи, въ царствованіе имп. Александра I, Комиссія была преобразована въ министерство народнаго просвѣщенія, а учительская гимназія—въ главный педагогическій институтъ. Первымъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ бывшій предсѣдатель коммиссіи—гр. П. В. Завадовскій. Вотъ какой отзывъ далъ впослѣдствіи этотъ дѣятель о своихъ бывшихъ питомцахъ: „между всѣми присланными къ должностямъ учительскимъ въ коммиссію объ учрежденіи училищъ въ разныя времена и изъ разныхъ духовныхъ семинарій, наилучшими, способнѣйшими, и паче благонравнѣйшими оказывались всегда обучавшіеся въ кіевской духовной академіи [2]). Къ числу этихъ воспитанниковъ принадлежалъ и Б. [3]). Въ 1788 Б. былъ назначенъ учителемъ въ открывавшееся тогда въ Кіевѣ главное народное училище—„по проекту директора учительской семинаріи Ивана Коха," сказано въ журналѣ коммиссіи [4]), но вѣроятно также и по собственному

---

[1]) Грушевскій. Барское староство. К. 1894, стр. 182. Фамильное прозваніе Б. происходитъ отъ с. Берлинцы (могилевскаго у., подольской губ.).

[2]) Максимовичъ. Поминка о Берлинскомъ (Временникъ Моск. Общ. ист. и др. Росс. т. V. М. 1850.

[3]) Извѣстно, что Завадовскій—также воспитанникъ кіевской академіи.

[4]) Сборъ матеріаловъ, стр. 20.

желанію; по крайней мѣрѣ такъ можно думать на основаніи постановленій коммиссіи о другомъ Берлинскомъ, Василіи (вѣроятно, близкомъ родственникѣ Максима), который былъ переведенъ въ Кіевъ потому, что коммиссіи не безъизвѣстно, что онъ родиною изъ Малороссіи и имѣетъ желаніе службу свою продолжать въ своей отчизнѣ [1]), а также на основаніи всей послѣдующей дѣятельности Б., посвященной изученію его „отчизны". Въ кіевскомъ училищѣ Б. былъ выдающимся преподавателемъ. Онъ преподавалъ исторію естественную, исторію политическую и географію въ училищѣ, и кромѣ того математическую географію и всемірную исторію въ институтскомъ классѣ духовной академіи. Не ограничиваясь преподаваніемъ, Б. составлялъ учебныя пособія по преподаваемымъ имъ предметамъ: такъ, онъ составилъ книгу „Исторія россійская для употребленія юношеству", которая была напечатана въ Москвѣ въ 1800 г. и тогда-же принята „классическою книгою" (т. е. учебникомъ) въ кіевской академіи; „для удобнѣйшаго изъясненія современныхъ во всеобщей политической исторіи происшествій изданы имъ разныя параллельныя по хронологіи историческія карты (т. е. синхронистическія таблицы), которыя съ особливымъ успѣхомъ при обученій употребляются". Кромѣ того Б., совмѣстно съ учителемъ математическихъ наукъ Василіемъ Берлинскимъ, занимался собираніемъ для „натуральнаго кабинета" различныхъ минераловъ и растеній [2]) (хранителемъ кабинетовъ и библіотеки былъ Максимъ Берлинскій). Наконецъ, въ 1802 ему же поручено было составленіе исторической записки о кіевскомъ главномъ народномъ училищѣ для представленія въ коммиссію. Къ этому же времени службы въ училищѣ относится начало ученыхъ трудовъ Б., о которыхъ сказано будетъ ниже. Съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія (1802) произошли большія перемѣны въ постановкѣ учебнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ. Губерніи кіевская, подольская и волынская были подчинены виленскому учебному округу, попечителемъ котораго былъ гр.

---

[1]) Сборн. матер., 189—190.

[2]) Сб. матер., 446—447.

Адамъ Чарторыйскій, а визитаторомъ школъ гр. Ѳаддей Чацкій, и въ краѣ установилась польская система воспитанія. Въ это время кіевское главное народное училище было преобразовано въ гимназію (1809), а впослѣдствіи (1812) въ гимназію высшихъ наукъ. Въ 1818 г. кіевская губернія была отдѣлена отъ виленскаго учебнаго округа и присоединена къ харьковскому [1]). При всѣхъ этихъ перемѣнахъ Б. оставался учителемъ кіевской гимназіи; но свѣдѣній о преподавательской дѣятельности его въ эту эпоху намъ не удалось получить; извѣстны только ученые труды его, большая часть которыхъ относится къ двадцатымъ годамъ. Въ 1832 г. учрежденъ былъ кіевскій учебный округъ, и начались коренныя преобразованія въ постановкѣ учебнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ, вызванныя польскимъ возстаніемъ 1830—1831 г. Въ это время Б. былъ назначенъ инспекторомъ кіевской гимназіи (1834). Но новый попечитель Е. Ѳ. фонъ-Брадке очень несочувственно отнесся къ представителямъ прежнихъ педагогическихъ системъ, и Б. вскорѣ долженъ былъ оставить службу. Въ автобіографіи Е. Брадке встрѣчаемъ слѣдующій отзывъ о Б. и директорѣ гимназіи Петровѣ: „Директору и инспектору, вмѣстѣ взятымъ, было 150 лѣтъ отъ роду; первый изъ нихъ былъ весьма достойный, но ни по дарованіямъ, ни по здоровью неспособный человѣкъ; второй—вполнѣ непригодный, хотя еще бодрый... Стараго директора я попросилъ отдохнуть, и чтобы не огорчать его, поручилъ его сыну, бывшему учителемъ, исполнять мои приказанія по гимназіи. Инспектора я назначилъ предсѣдателемъ одной коммиссіи, и такимъ образомъ мнѣ по крайней мѣрѣ никто не мѣшалъ повести дѣло въ иномъ направленіи [2]). Б. былъ назначенъ предсѣдателемъ первоначальнаго университетскаго правленія; эту должность онъ занималъ до прибытія въ Кіевъ перваго ректора университета—М. А. Максимовича (13 іюля 1834). 30 октября 1834 Б. вышелъ въ отставку, послѣ сорокашестилѣтней службы, въ чинѣ статскаго совѣтника, съ пенсіею 2280 р. асс. Послѣдніе годы своей дол-

[1]) *В. Жульвинъ.* Исторія университета Св. Владиміра. Гл. I.

[2]) Записка Е. Ѳ. ф. Брадке (Русскій Архивъ 1875). Тамъ же интересные, но далеко не безпристрастные отзывы ф. Б. о школахъ.

гой жизни Б. доживалъ скромно и уединенно въ своемъ домикѣ въ Липкахъ близъ кіевскаго дворца, гдѣ тогда помѣщалась гимназія, коротая свои досуги метеорологическими наблюденіями [1]). Умеръ Б. на 84 году отъ рожденія — 6 января 1848 г. [2]).

Научная дѣятельность Б., посвященная изученію мѣстной исторіи и археологіи, начинается еще во время службы его въ главномъ народномъ училищѣ. Въ упомянутой уже исторической запискѣ 1802 г. сказано: „сочинена также имъ пространная исторія города Кіева съ топографическимъ его описаньемъ, собранная изъ разныхъ кіевскихъ книгохранилищъ и старинныхъ рукописей, къ чему способствовали въ доставленіи ему на то матеріаловъ, соревнуя пользѣ наукъ, бывшій кіевскій митрополитъ Іероѳей (Малицкій) и гражданскій губернаторъ г. Милашевичъ; однако сія книга не отдана еще въ печать, равно какъ и сочиняемая теперь имъ же малороссійская исторія [3]). Работамъ этимъ долго еще пришлось ожидать печати. „Краткое описаніе Кіева“ издано только въ 1820 г; „Историческое обозрѣніе Малороссіи и города Кіева“, на изданіе котораго, по ходатайству гр. Завадовскаго, въ 1804 г. пожаловано было изъ Кабинета 500 р., вовсе не было издано, и только отрывки изъ этого сочиненія были напечатаны въ 1884 г. въ „Молодикѣ“ Бецкаго. Въ 1841 г. Б. помѣстилъ въ журналѣ „Улей“ нѣсколько статей историческаго содержанія.

---

[1]) Б., кромѣ наукъ историческихъ, занимался естествознаніемъ: еще въ 1814 г. составилъ онъ книгу „Наставленіе къ собиранію и приготовленію червеца или русской кошенили,“ тогда же изданную хозяйств. департ. м. вн. дѣлъ, и болѣе полувѣка велъ метеорологическія наблюденія въ Кіевѣ (Венгеровъ. Критико-біогр. словарь III, 88).

[2]) Б. погребенъ на старомъ Байковомъ кладбищѣ. Могила его находится въ довольно неприглядномъ видѣ. Она ничѣмъ не огорожена; на кирпичномъ, уже разрушающемся фундаментѣ лежитъ чугунная плита съ надписью: „На семъ мѣстѣ погребено тѣло статскаго совѣтника и кавалера Максима Федоровича Берлинскаго, родившагося 1764 года августа 6 дня, скончавшагося 1848 года генваря 6. Миръ праху твоему.“

[3]) Сборн. матер., 446.

Болѣе широкая ученая и литературная дѣятельность Б. начинается съ 1815 г. Въ это время начинаются близкія сношенія его съ знаменитымъ „Меценатомъ русской науки“ гр. Н. П. Румянцевымъ. Свидѣтельствомъ этихъ сношеній служитъ переписка Б. съ Румянцевымъ, продолжающаяся почти до самой кончины канцлера (1825). Письма Румянцева къ Б. подробно изложены въ извѣстной книгѣ В. С. Иконникова [1]), которому они сообщены были М. П. Семевскимъ; письма Б. хранятся въ Румянцевскомъ Музеѣ (XII, С, 18—27); къ сожалѣнію, это собраніе далеко не полное: оно состоитъ всего изъ 10 писемъ, относящихся къ 1815 и 1816 г. (26 мая 1815—19 іюля 1816), между тѣмъ какъ письма Румянцева обнимаютъ время съ января 1815 по сентябрь 1825 г. Вотъ содержаніе этой любопытной переписки государственнаго канцлера съ провинціальнымъ учителемъ [2]). Изъ перваго же письма Р. видно, что Б. доставилъ передъ тѣмъ Р. рукописные матеріалы своихъ изслѣдованій о кіевскихъ древностяхъ. Въ отвѣтъ на это канцлеръ благодарилъ его „за присланныя прелюбопытныя бумаги“ и пишетъ далѣе: „сей первый вашъ трудъ подаетъ мнѣ много надеждъ, прошу васъ нанубѣдительнѣйше продолжать оный.“ „Я съ вами весьма въ томъ согласенъ, что откроется истинная отъ того польза, если сличимъ планъ существующаго Кіева съ разными первобытными его описаніями. Объясните, гдѣ какое зданіе стояло, какія были между ними улицы или сообщенія, и старайтесь изслѣдовать, гдѣ могли существовать тѣ монастыри, церкви, терема, дворцы, дома, площади и урочища близъ города, о которыхъ только и памятниковъ осталось, что они въ лѣтописяхъ упомянуты“. Р. просилъ Б. сдѣлать на его счетъ порядочный списокъ съ настоящаго плана Кіева, который безъ сомнѣнія уже находится—прибавляетъ онъ; а узнавъ, что въ лаврской библіотекѣ есть переводы печерскаго патерика, на польскомъ

[1]) Опытъ русской исторіографіи. К. 1891. Т. I, кн, 1, стр. 185—191.

[2]) Не имѣя возможности пользоваться самыми письмами Р., воспроизвожу ихъ содержаніе почти дословно по книгѣ В. С. Иконникова, пользуясь на то его благосклоннымъ разрѣшеніемъ; письма же Б. изложилъ по имѣющейся у меня рукописной копіи.

языкѣ, онъ проситъ Б. свѣрить его отъ слова до слова съ русскимъ патерикомъ и сообщить о результатѣ этого сличенія. Въ заключеніе своего письма онъ проситъ корреспондента сообщить, нѣтъ ли у кого либо въ Кіевѣ какой-нибудь древней монеты или вещи первобытныхъ нашихъ временъ, а особливо если священная древняя грамота или лѣтопись на пергаментѣ, хотя бы списокъ съ Несторовой или другой лѣтописи, лишь бы онъ былъ „точно временъ древнихъ“. Р. приглашаетъ Б. „продолжать начатую переписку.“ Вскорѣ Б. прислалъ уже Р. списки съ разныхъ относящихся до древностей россійскихъ статей, а главнымъ образомъ къ исторіи Кіева за время владычества Польши; но Р. продолжалъ настаивать „что либо-отыскать относящееся до временъ Кіева первобытныхъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Б. доставилъ гр. Р. мѣдную монету, которую считали за Владимірову, а Р. обѣщалъ узнать о ней мнѣніе знатоковъ [1]). Затѣмъ Б. выслалъ Р. планъ Кіева съ обозначеніемъ древнихъ урочищъ; дѣло это стоило ему не малаго труда: „двоекратная ошибка землемѣра, чертившаго оный, была причиною и потери лишняго времени, и издержки.“ Вмѣстѣ съ планомъ высланы были копія греческой надписи на сводѣ Софійскаго собора и историческое извѣстіе о Выдубецкомъ монастырѣ. Извѣщая объ этомъ Р., Б. извиняется въ незначительности своихъ находокъ, при чемъ попутно высказываетъ свое мнѣніе о состояніи кіевскихъ монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ. „Въ Софійской б-кѣ много отыскалось ветхостей, но ветхостей болѣе по матеріалу, а не по содержанію, ибо далѣе начала 16 вѣка ничего интереснаго не попалось. Михайловская б-ка, правда, цѣлѣе; но никакой рѣдкости, кромѣ славяно-польской литературы и множества тяжебныхъ дѣлъ вниманію не представляетъ. Кіево-Братская б-ка послѣ истребленія ея въ 1781 г. пожаромъ вновь составилась отъ приношеній благотворителей, состоящихъ въ печатныхъ фоліантахъ и новыхъ изданіяхъ, и ни одного рукописнаго остатка, кромѣ ничего незначащихъ школьныхъ продуктовъ или церковныхъ записей, не могъ отыскать [2])“. Къ письму

[1]) Иконниковъ стр. 186—187.

[2]) Письмо № 18 отъ 26 мая 1815 г.

приложена греческая надпись изъ Софійскаго собора, рисунокъ фасада Кіево-Печерской церкви до пожара ея въ 1718 г., планъ г. Кіева 1634 (по справкѣ оказалось, что это копія плана Кальнофойскаго), изображеніе буквъ на стѣнѣ Десятинной церкви. Въ слѣдующемъ письмѣ Б. извѣщаетъ Р. о новой находкѣ: „въ монастырѣ ближнихъ пещеръ отыскалъ рукописный Патерикъ въ листъ, на бумагѣ, писанный нѣкоторымъ Іоанномъ, мнихомъ Печерскаго монастыря, изъ Несторовой рукописи (sic), а потомъ въ 7062 (1554) переписанный нѣкоторымъ дьячкомъ Нестеромъ." При этомъ препровождаются три выписки изъ Патерика, изъ которыхъ одна представляла точный палеографическій снимокъ съ рукописи. Кромѣ того, Б. прилагаетъ списокъ надписи на древнемъ антиминсѣ и сообщаетъ о новыхъ археологическихъ находкахъ въ Кіевѣ. „Возлѣ Межигорской фабрики найдены отъ самого берега рѣки Днѣпра идущія внутрь горы *тѣсныя пещеры*; въ одной изъ нихъ отыскали какую то лодку, весло и деревянную посуду." Возлѣ самаго Хрещатицкаго памятника въ обрушившейся горѣ открылся подъ землею прекрасный *бассейнъ*, въ глубину горы на нѣсколько саженей и съ чистою водою. Оный, по всему видно, принадлежитъ къ работамъ самыхъ древнихъ жителей Кіева; я самъ его видѣлъ: но для успокоенія любопытствующаго простолюдства скоро его закрыли; и—я больше не видалъ". Наконецъ Б. сообщаетъ что онъ отыскалъ мѣсто древняго Гнилецкаго монастыря [1]). Р. благодарилъ Б. за его труды и высказывалъ свои желанія относительно дальнѣйшихъ изысканій. О планѣ Кіева онъ писалъ: „Сей трудъ вамъ честь сдѣлаетъ и меня много утѣшитъ; но не теряйте изъ виду, что самыя первобытныя времена исторій нашихъ суть тѣ, которыя я бы желалъ видѣть объясненными и дополненными; отыскивайте, пожалуйста, надгробныя надписи вокругъ и внутри развалинъ уничтоженныхъ самыхъ древнѣйшихъ забытыхъ церквей и монастырей, коихъ вы такъ удачно въ своей запискѣ память возстановляете. Не пренебрегайте также самыхъ древнѣйшихъ дуптиковъ и синодиковъ; въ нихъ

[1]) Письмо № 19 отъ 2 сент. 1815 г.

могутъ находиться имена великихъ князей, супругъ, дѣтей и сродниковъ, о которыхъ, статься можетъ, дошедшіе до насъ лѣтописцы и вовсе умолчали. Я васъ премного благодарю за то, что отыскали древній списокъ съ Патерика. Я бы желалъ полную и точную съ него копію имѣть." Тутъ же Р. проситъ прислать ему рисунокъ съ найденныхъ въ пещерахъ лодки и весла, съ обозначеніемъ ихъ мѣры, и принять отъ него препровождаемую при семъ *золотую табакерку*, прибавляя: „употребляйте ее на память той признательности, которую вы во мнѣ родить изволили любопытною вашею перепискою и впредь меня ею не оставляйте [1])". Б. въ двухъ послѣдующихъ письмахъ [2]) благодаритъ Р. за подарокъ (въ довольно сдержанныхъ выраженіяхъ: „сего мѣсяца 4 числа имѣлъ честь получить чрезъ Василья Семеновича господина вицегубернатора почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства и при томъ подарокъ, золотую табакерку, за что приношу мою чувствительнѣйшую благодарность. Сія вещь останется не только для меня, но и въ родѣ моемъ на всегда памятникомъ вашего благоволенія"), посылаетъ рисунокъ лодки и отломка необыкновеннаго весла (прочаго же найденнаго уже теперь не нашлось), сообщаетъ объ исполненіи порученій графа (для переписки Патерика изъ многихъ уставщиковъ выбралъ лучшаго, который обѣщаетъ окончить переписку къ Рождеству за 150 р.) и проситъ выслать недостающіе 40 р. для уплаты за планъ Кіева. „Первое мое дѣло теперь, продолжаетъ Б., отыскивать стариннѣйшіе синодики, авось либо, по желанію нашему, не отыщется-ли какое лицо неизвѣстное въ хроникахъ." Изъ слѣдующаго письма Б. узнаемъ, что онъ получилъ въ одинъ мѣсяцъ два письма отъ Р.; въ одномъ прислано было 150 р. на издержки, въ другомъ заключался вопросъ о происхожденіи кіевскаго митрополита Никифора I, освятившаго Михайловскій монастырь при Святополкѣ II. Б. обѣщаетъ сдѣлать разысканія и сообщаетъ о находкѣ древнихъ синодиковъ. Выписки изъ нихъ о княжескихъ домахъ, а также нѣкоторыя слова съ „предревняго" омофора будутъ до-

[1]) Иконниковъ 187—188.

[2]) Письмо № 20 отъ 6 октября и № 21 отъ 10 октября 1815 г.

ставлены графу [1]). Вскорѣ Р. былъ обрадованъ присылкою отъ Б.—это были древніе синодики—Межигорскаго и Николаевскаго монастырей и Вышгородской Борисо-глѣбской церкви, которые, по словамъ Р., содержали въ себѣ „имена особъ, принадлежащихъ векикокняжескимъ домамъ, о которыхъ мы были неизвѣстны". Поэтому онъ проситъ Б. разыскать,—„нѣтъ ли въ Софійскомъ соборѣ и Десятинной церкви древнихъ записей митрополитовъ, а также синодикъ Китаевской пустыни, въ которой, конечно, молились за упокой сродниковъ великаго Андрея Боголюбскаго, ея основателя", и синодикъ соборной церкви древняго города Василька. Здѣсь и въ Вышгородѣ онъ просилъ сдѣлать разысканія о древнихъ надгробныхъ надписяхъ [2]). Между тѣмъ Б. выслалъ Р. „неизвѣстныя буквы, снятыя изъ старинѣйшаго омофора", которыхъ никто въ Кіевѣ прочесть не могъ; „изображеніе князя, прибавляетъ онъ, меня побудило приняться о выразумѣніи сихъ буквъ." При этомъ же письмѣ послана была выписка изъ латинской исторіи о митрополитѣ Никифорѣ и изображеніе Лаврской церкви XV ст. [3]). Три слѣдующія письма Б. посвящены преимущественно вопросу о происхожденіи митр. Никифора „*Сурина*". Б. высказываетъ сначала предположеніе, что Суръ—турецкое названіе Тира и что „при неустройствѣ въ Сиріи около 1106 года отъ нашествія крестоносцевъ и борьбѣ ихъ съ мусульманами могло статься, что епископы тамошніе искали въ другихъ мѣстахъ своей безопасности, и что такъ же Тирскій или Сурскій Никифоръ прибыть могъ къ патріарху цареградскому, который и отправилъ его на упраздненную кіевскую митрополію;" но затѣмъ онъ останавливается на болѣе вѣроятномъ предположеніи, что здѣсь просто встрѣчается обычная описка *у* вм. *V*, и что Суринъ должно читать Сурінъ. Въ послѣднемъ письмѣ Б. сопоставляетъ различныя указанія византійскихъ историковъ о времени крещенія Ольги и приходитъ къ тому заключенію, что событіе это произошло въ правленіе Константина Багрянороднаго и въ патріаршество Поліевкта.

[1]) Письмо № 22 отъ 22 ноября 1815.

[2]) Иконниковъ, 188.

[3]) Письмо № 23 отъ 8 декабря 1815.

Кромѣ того, Б. посылаетъ Р. какую-то выписку изъ грамоты патріарха Мелетія, которая, хотя не относится къ древней эпохѣ, особенно интересующей Р., но „для характера тогдашнихъ людскихъ мыслей и для стиля письма украинскаго", показалась ему любопытною [1]). Въ послѣднемъ имѣющемся у насъ письмѣ Б. онъ сообщаетъ Р. о Владиміровыхъ монетахъ, золотой и серебряной (золотая находится у бывшаго кіевскаго аптекаря г. Бунге, серебряная у купца Пирожкова) и прилагаетъ изображеніе серебряной монеты, найденной возлѣ Переяслава. Изъ этого же письма узнаемъ, что разысканія въ Вышгородѣ, о которыхъ просилъ Р., были произведены въ 1816 г., и Б. приложилъ къ (несохранившемуся) письму отъ 12 іюня „планъ разработки около церкви Вышгородской", расходы на которую приняла на себя А. А. Турчанинова. Въ отвѣтъ на запросъ Р—ва Б. сообщаетъ слѣдующія о ней свѣдѣнія: „Она есть дѣвица, оставшаяся дочь бригадира Александра Ивановича Турчанинова, жительствовавшаго въ Кіевѣ; который, какъ и мать ея, здѣсь скончались и погребены въ Кіево-Выдубецкомъ монастырѣ. Анна Александровна съ самыхъ молодыхъ лѣтъ единственно занимается ученостью, имѣетъ вкусъ въ познаніяхъ древностей и искусствъ, упражняется въ чтеніи отборныхъ сочиненій и всю жизнь свою (по смерти родителей) посвящаетъ на полезныя изысканія; къ чему способствуетъ ей достаточное наслѣдственное недвижимое имѣніе; а для лучшей выгоды приняла жительство себѣ въ Кіевѣ. Теперь она отправилась въ С.-Петербургъ съ намѣреніемъ испросить у правительства позволеніе, чтобы посѣтить берега Темзы и Сены; а оттуда на другой годъ обѣщалась возвратиться въ Кіевъ и довершить дѣло Вышгородской церкви, какъ я вашему сіятельству въ предыдущемъ письмѣ имѣлъ честь о семъ донести [2])".

Этимъ исчерпываются имѣющіяся въ Румянцевскомъ Музеѣ неизданныя письма Б. Дальнѣйшія подробности переписки его съ Р. привожу изъ книги В. С. Иконникова. Въ іюнѣ 1817 г.

---

[1]) Письма № 24 отъ 15 декабря 1815, № 25 отъ 2 января 1816 г. № 26 отъ 20 февраля 1816.

[2]) Письмо № 27 отъ 19 іюля 1816 г.

Р. высказываетъ сожалѣніе по поводу болѣзни Б., а затѣмъ поручаетъ брату (С. П. Румянцеву) посѣтить его въ Кіевѣ. Р. поручилъ Б. порыться въ б-кахъ Лавры и Братскаго монастыря, не найдется-ли въ нихъ древнихъ списковъ Русской Правды или другихъ русскихъ законовъ. Въ апрѣлѣ 1820 г. онъ просилъ его пересмотрѣть древніе рукописные прологи и выписать изъ нихъ нѣкоторыя житія, а у Могилянскаго попытаться пріобрѣсти древнія золотыя монеты Ярославовы. Получивъ отъ Б. мѣдную копію съ золотой медали, Р. пишетъ: „Ежели переводъ съ греческой надписи вѣренъ, то медаль сія, или гривна, еще и новое имѣетъ историческое достоинство, почти обозначивъ, что предметъ ея есть Владимірово крещеніе; она даетъ поводъ къ заключенію, что и прочія золотыя гривны не пустое были украшеніе, а всегда относились къ воспоминанію и обозначенію какого либо важнаго случая или дѣла. Ваша мысль объ изображенномъ архангелѣ Михаилѣ достойна замѣчанія. Позвольте мнѣ добавить, что, хотя неизвѣстно, съ какого времени, но гербъ кіевскій состоялъ въ изображеніи того же архангела. Черезъ Б-го гр. Р. вошелъ въ сношенія съ пріоромъ доминиканскаго ордена, у котораго оказалась рукопись о древнемъ бытѣ Кіева. Онъ просилъ, чтобъ послѣдній развѣдалъ, нѣтъ ли въ католическихъ монастыряхъ или помѣщичьихъ архивахъ кіевской губерніи очень древнихъ документовъ и рукописныхъ книгъ. Пріобрѣтеніе древнихъ рукописей Евангелія и Апокалипсиса, въ концѣ которыхъ была приписана молитва Господня, побудило Р. поручить Б. сдѣлать выписки этой молитвы въ харатейныхъ рукописяхъ въ Кіевѣ, чтобъ доискаться, когда вошло въ употребленіе позднѣйшее чтеніе ея, и вообще предпринять разысканія о харатейныхъ евангеліяхъ въ кіевскихъ монастыряхъ и церквахъ. „Всякую издержку за труды гг. списчиковъ я понесу очень охотно“, прибавляетъ онъ. Р. завидовалъ Б., что онъ можетъ часто имѣть приступъ къ митр. Евгенію, котораго онъ называетъ „единственнымъ путеводителемъ“ въ области кіевскихъ древностей (30 апр. 1822). Узнавъ, что въ Броварахъ у протопопа есть очень древнее Евангеліе, которое онъ готовъ продать за 300 р., Р. поручаетъ Б. убѣдиться и представить его на заклю-

ченіе м. Евгенія (1823). Въ другой разъ гр. Р. проситъ Б. при содѣйствіи м. Евгенія разсмотрѣть собраніе медалей Пороховщикова и увѣдомить его, нѣтъ-ли между ними медалей царствъ воспорскихъ и бактріянскихъ и городовъ Ольвіополя и древняго Херсона. О всякой новости въ области археологіи они спѣшили подѣлиться другъ съ другомъ. Вскорѣ послѣ этого Б. послалъ Р. рисунки съ кіевскихъ древностей, недавно отысканныхъ (1824), а Р. увѣдомляетъ его и м. Евгенія, что близъ самого Херсона открытъ надгробный монументъ изъ мрамора съ барельефомъ и латинскою надписью, обозначающею, что онъ поставленъ былъ надъ тѣломъ умершаго тутъ трубача XI клавдіанскаго легіона. Незадолго до своей смерти гр. Р. просилъ Б. прислать ему копію съ каталога документовъ (грамотъ), хранившихся къ кіевской казенной палатѣ, на которые указалъ ему митр. Евгеній. Интересуясь кіевскими древностями, Р. рекомендовалъ Б. и другихъ лицъ, желавшихъ ознакомиться съ ними по мѣстнымъ изслѣдованіямъ, или лично. Въ августѣ 1820 г. онъ писалъ Б. о П. М. Строевѣ, который отправлялся въ Кіевъ, для обозрѣнія древней столицы. Въ другой разъ онъ направилъ къ Б. казанскаго ученаго Н. С. Арцыбашева, который предлагалъ ему нѣкоторые вопросы о древнихъ урочищахъ Кіева, а отъ себя послалъ Арцыбашеву сочиненіе Б. о Кіевѣ. Наконецъ, Р. просилъ Б. посодѣйствовать и П. Н. Кеппену своими указаніями о русскихъ древностяхъ во время пребыванія его въ Кіевѣ (1824) [1]).

Таковы были отношенія Б. къ гр. Румянцеву. Къ сожалѣнію мы не располагаемъ матеріалами для характеристики его отношеній къ знаменитому сотруднику канцлера митрополиту Евгенію, но судя по нѣкоторымъ намекамъ, можно думать, что они были далеко не такъ близки. Тѣмъ не менѣе оживленная дѣятельность по изученію мѣстныхъ древностей, начавшаяся съ пріѣздомъ м. Евгенія въ Кіевъ, не могла не отразиться на трудахъ Б., и дѣйствительно, большая часть его печатныхъ работъ относится именно къ этому времени.

---

[1]) Иконниковъ, 188—191.

Ученые труды Б. доставили ему извѣстность. Въ 1828 г. онъ былъ избранъ членомъ Общества исторіи и древностей россійскихъ. Въ 1835 Б. былъ назначенъ членомъ учрежденнаго при Кіевскомъ университетѣ подъ предсѣдательствомъ М. А. Максимовича комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ, по ходатайству котораго въ слѣдующемъ году открытъ при университетѣ музей древностей. Въ 1843 г. при учрежденіи въ Кіевѣ Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ Б. былъ избранъ ея почетнымъ членомъ [1]).

Представляемъ списокъ историко-археологическихъ сочиненій Б., указанія на которыя намъ удалось найти въ имѣвшихся подъ руками матеріалахъ [2]).

Отдѣльно изданы: 1) Исторія россійская для употребленія юношеству М. 1800; 2) Краткое описаніе Кіева. Спб. 1820 [3]).

Въ различныхъ журналахъ: 1) Раздѣленіе Малороссіи на полки (Улей 1811, № 3); 2) о могилѣ Оскольдовой въ Кіевѣ (тамъ же, № 5); 3) о городѣ Кіевѣ (тамъ же, № 8); о кіевской академіи (Соревнователь просвѣщенія и благотворительности 1819, № 7); 5) объясненіе изображеній на медали, найденной въ Черниговѣ въ 1821 (тамъ же 1822, № 1); 6) описаніе найденныхъ недавно въ Кіевѣ разныхъ старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (Украинскій журналъ 1824, № 2); 7) о находкѣ серебряныхъ слитковъ въ развалинахъ Десятинной церкви въ Кіевѣ (ихъ описаніе и вѣсъ). Отеч. Записки 1826 г. т. XXVIII, № 80; 8) о Десятинной церкви въ Кіевѣ (Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ, ч. V, 1830 г.); 9) извѣстіе о Межигорской церкви (тамъ же); 10) нѣсколько главъ изъ сочиненія Максима Берлинскаго„ Историческое обозрѣніе Малороссіи и города Кіева“ (Молодикъ на 1844 годъ, украинскій литературный сборникъ, издаваемый П. Бецкимъ, выпускъ 4).

[1]) Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ (1843—1893) Сост. О. И. Левицкій. К. 1893, стр. 5—7 и 137.

[2]) При составленіи этого списка мы пользовались слѣдующими пособіями: 1) Венгеровъ. Критико-біогр. словарь т. III; 2) Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи; 3) Лазаревскій. Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края. Спб. 1858.

[3]) На основаніи цитированной выше исторической записки 1802 г. можно думать, что Б. написалъ еще другое сочиненіе—„Пространная исторія Кіева“.

Какъ видно изъ приведеннаго списка, большую часть печатныхъ сочиненій Б. составляютъ коротенькія замѣтки по поводу различныхъ археологическихъ находокъ. Болѣе общій интересъ представляютъ „Историческое обозрѣніе Малороссіи“ и „Краткое описаніе Кіева“.

Первое изъ названныхъ сочиненій извѣстно только по выдержкамъ, помѣщеннымъ въ „Молодикѣ“. Въ оглавленіи этого сборника (на стр. 247) находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ сочиненіи. При заглавіи статьи помѣщено слѣдующее примѣчаніе: „Взято изъ рукописной книги „Историческое обозрѣніе Малороссіи и Кіева, содержащее въ себѣ происшествія и перемѣны случаевъ въ сей странѣ отъ древнѣйшихъ временъ до начала XIX столѣтія, сочинено Максимомъ Ѳедоровичемъ Берлинскимъ, учителемъ кіевской гимназіи“. Писано въ листъ, 377 страницъ, 2 части, 84 главы. О ней упоминается въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1803 года. Выписки изъ оной помѣщены въ „Исторіи объ уніи“ 1811 и 1813 г. Къ ней есть особенная рисованная карта Малороссіи по раздѣленіи оной на полки. На заглавномъ листѣ надпись: „Для изданія оной въ свѣтъ по порученію автора началъ было исправлять В. А—чъ [1]), но по неимѣнію способовъ оставилъ до благопріятнѣйшаго случая, чтобы сыскать сему труду покровительство и помощь любителя своей родины“ (?). Дальнѣйшая судьба рукописи Б. неизвѣстна; въ „Молодикѣ“ же напечатаны только девять главъ (52—60), содержащія изложеніе событій отъ крымскихъ походовъ Голицына до посѣщенія Кіева Петромъ В. послѣ Полтавской битвы, т. е. исторію гетмана Мазепы. Изложеніе нѣсколько сухое, но отличается своею ясностью и полнотою. Авторъ пользовался неизданными матеріалами—указами губернскаго и городскаго архивовъ [2]), лѣтописью Симоновскаго (тогда еще ненапечатанною) и „рукописными преданіями о Палѣѣ г. Симоновскаго“ (стран.

---

[1]) Анастасевичъ?

[2]) Въ одномъ мѣстѣ Б. называетъ нѣкоторые извѣстные ему документы, а именно: шесть универсаловъ Мазепы разныхъ годовъ, хранящіеся въ кіевскомъ магистратѣ, и жалованныя грамоты 1700—1710, которыми подтверждались всѣ права, вольности и владѣнія кіевскаго митрополита.

195). Особенно интересенъ отзывъ Б. о значеніи гетманства Мазепы для исторіи Кіева. Приведемъ его полностью. „Послѣднее десятилѣтіе сего вѣка примѣчательно для Кіева, что въ ономъ построены многія и по нынѣ существующія церкви и возобновлены монастыри, что по большей части на счетъ угасшей памяти гетмана Мазепы было производимо. Нѣтъ опаснѣйшей въ общежитіи той твари, которая умѣетъ стыдные свои пороки или властолюбивые происки скрывать подъ личиною доброжелательства, благовидной пышности и ревностнаго благочестія. Дѣло сего лицемѣра было: сооруженіе двухъ, по южную и сѣверную сторону, у кафедральнаго собора св. Софіи придѣловъ, со устроеніемъ въ оныхъ на нижнемъ и верхнемъ этажахъ четырехъ престоловъ; возобновленіе изъ основанія въ 1693 году настоящей Кіево-Братской большой каменной церкви Богоявленій Господнихъ (sic), и по лѣвую ея сторону, вмѣсто деревянныхъ сооруженіе каменныхъ школъ, что нынѣ составляетъ нижній этажъ оныхъ; при чемъ исходатайствовалъ отъ Ихъ Царскихъ Величествъ грамоту сему училищу. Около сего же времени Пустынно-Николаевскій монастырь переведенъ изъ древняго своего мѣстоположенія ниже теперешняго монастыря, на осѣвшемъ косогорѣ существовавшаго, на настоящее его пространство, гдѣ коштомъ сего же гетмана сооружена большая церковь св. Николая и при ней каменная же съ церковью Трапеза; прежній же монастырь съ ветхою деревянною церковью долгое время слылъ подъ именемъ ветхаго монастыря. Между прочими по малороссійскимъ разнымъ городамъ устрояемыми церковными заведеніями иждивеніемъ сего гетмана существуетъ по-нынѣ сдѣланная имъ въ 1698 году около Печерской Лавры на 550 саженей простирающаяся каменная ограда съ церковью Всѣхъ Святыхъ на сѣверныхъ ея вратахъ, такъ называемыхъ Економскихъ. Кромѣ сея еще существуютъ три имъ созданныя въ Лаврѣ церкви: одна въ сѣверо-восточномъ углу монастыря, превращенная потомъ въ монастырскую палату, другая на вратахъ, идущихъ къ пещерамъ, а третья на углу ограды противъ Ѳеодосіевской церкви“ (стр. 178—179). Приведенный отрывокъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о содержаніи книги Б. и принятой имъ манерѣ изло-

женія. Высказать общее заключеніе о книгѣ, зная изъ 84 главъ только 9, мы затрудняемся.

Самый важный печатный трудъ Б.—„краткое описаніе Кіева", представляющее первый систематическій трудъ по исторической топографіи Кіева. Точное заглавіе сочиненія слѣдующее: „Краткое описаніе Кіева, содержащее историческую перечень сего города, такъ же показаніе достопамятностей и древностей онаго. Собранное надворнымъ совѣтникомъ Максимомъ Берлинскимъ. С.-Пб. 1820 г. (стр. 204). Къ книгѣ приложены „планъ города Кіева" на отдѣльномъ листѣ и два литографированныхъ рисунка (на особыхъ листкахъ): „Гробъ кіевскаго князя Ярослава Владиміровича" и „изображеніе литеръ на стѣнѣ Десятинной церкви въ Кіевѣ". Текстъ книги состоитъ изъ двухъ частей, намѣченныхъ въ заглавіи: 1) историческая перечень (стр. 3—30) и 2) показаніе достопамятностей (31—121); въ концѣ, въ видѣ приложеній, помѣщены: 1) краткая вѣдомость, составленная въ 1817 году о числѣ публичныхъ мѣстъ и строеній въ городѣ Кіевѣ, о заведеніяхъ промышленныхъ, о числѣ партикулярныхъ домовъ и жителей (121—131), объясненіе древнихъ мѣстъ и урочищъ, показанныхъ на планѣ г. Кіева, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ" (133—193) и „объясненіе плана" (194—204).

Первая часть книги („историческая перечень") не представляетъ интереса. Это—бѣглый очеркъ исторіи кіевской земли и города Кіева, начиная отъ временъ доисторическихъ, составленной по такимъ источникамъ, какъ Татищевъ и Стрыйковскій, дополняемымъ самостоятельными филологическими домыслами автора. Поэтому здѣсь встрѣчаются такіе курьезы, какъ племя Кивичи (отъ сарматскаго Кивы—горы), они же Горичи, или объясненіе Птоломеева Azogorium словомъ Загорье, а имени Danargis—словами „дань беру". Гораздо важнѣе вторая часть книги и приложенія.

Вторая часть („показаніе достопамятностей") представляетъ подробное историко-топографическое описаніе трехъ существовавшихъ тогда частей города: Печерска, Стараго Кіева и Подола. При описаніи каждой части указано время ея заселенія, послѣдующая судьба и современное состояніе. Затѣмъ описываются

замѣчательныя зданія, урочища, укрѣпленія, при чемъ также сообщается ихъ исторія. Описывая различныя зданія XVII ст. Б. опять не разъ приходится встрѣчаться съ фундаціями Мазепы. Затрудняясь назвать это, все еще опальное тогда имя, Б. называетъ его: тогдашній гетманъ, сильный гетманъ, набожный гетманъ, угасшія памяти гетманъ, нигдѣ не называя его по имени. Въ описаніи Братскаго монастыря встрѣчается слѣдующее, не лишенное интереса замѣчаніе: „любочестіе сего гетмана простиралось до того, что алтари, иконостасы, колокола и даже окна были ознаменованы изображеніями герба его“ (стр. 98). Кромѣ городскихъ достопримѣчательностей, описываются и интересныя въ историческомъ отношеніи окрестности Кіева (Китаевъ, Вышгородъ, Чертороя, Долобское озеро). И здѣсь не обходится безъ ошибокъ; напр., авторъ полагаетъ, что Днѣпръ во времена Олега былъ такъ полноводенъ, что пороги не представляли препятствія для судоходства (118); говоритъ, что Золотыя Ворота были обиты вызолоченными листами, „которые были выломаны Бонякомъ и какъ трофей отвезены въ землю половецкую“ (80); довольно иронически относится къ произведеніямъ византійскаго искусства („грубыя *готическія* (sic) зданія, изукрашенныя самою безискуственною мозаикою, составляли всю красоту и великолѣпіе того времени нѣкоторыхъ дворцовъ и знатнѣйшихъ монастырей“). Но самыя описанія составлены въ высшей степени тщательно и подкрѣплены ссылками на источники. Встрѣчаются и самостоятельныя мнѣнія, впослѣдствіи оправдавшіяся—напримѣръ, слѣдующее заключеніе о Софійскомъ соборѣ: „Софійская церковь, какъ по оставшемуся въ ней древнему украшенію, такъ и изъ исторіи видно, не была совершенно отъ татаръ опустошаема. По временномъ удаленіи сихъ непріятелей иногда совершаемо было въ оной священнодѣйствіе“ (75); или—о лаврскихъ пещерахъ: „Сомнѣнія нѣтъ, что преподобные отцы не первые положили начало пещерамъ въ сихъ горахъ. Древнѣйшіе отыскиваются подземные ходы и норы, современные древнѣйшимъ вѣкамъ; таковые найдены у Кирилловскаго монастыря, у Межигорскаго завода, да и самыя такъ называемыя Варяжскія пещеры, пустыя, у дальнихъ пещеръ, составляли убѣ-

жища или жилища древнихъ дикарей" (10). Большою точностью отличаются и топографическія данныя Берлинскаго: нѣкоторыя указанія его, оспариваемыя въ свое время Закревскимъ, вполнѣ согласуются съ древнѣйшимъ изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ плановъ Кіева—планомъ 1695 г. [1]) (положеніе церкви Воздвиженія Креста, Андреевскій взвозъ). Изъ приложеній къ книгѣ Б. особенную цѣнность имѣетъ планъ Кіева, на которомъ особыми знаками (славянскими буквами) отмѣчены древнія урочища и зданія княжескаго періода, а нѣкоторыя сооруженія и мѣстности изображены, въ томъ видѣ, какъ они были извѣстны Б.,—напр.—старинные крѣпостные валы Стараго Кіева, Миниховскія укрѣпленія вокругъ всего города, расположеніе улицъ на Подолѣ до пожара 1811 г., „черта и разстояніе отмытыхъ береговъ Подола въ продолженіе послѣднихъ 60 лѣтъ" (т. е. съ 1760 г.), „отдѣленіе Плоской слободы отъ Луговой оболони" (повидимому валъ, теперь не существующій), мѣсто бывшаго (до пожара 1811) магистрата, дома, оставшіеся послѣ пожара и т. п. Эти и многія другія подробности дѣлаютъ планъ Б. чрезвычайно важнымъ пособіемъ для изученія исторической топографіи Кіева.

Такова была ученая дѣятельность Б. Начало ея, какъ мы видѣли, относится еще къ концу XVIII в.; въ 1802 году имъ была уже составлена пространная исторія Кіева и готовилась исторія Малороссіи. Б. приступилъ къ своей работѣ, повидимому, вполнѣ самостоятельно, руководясь только интересомъ къ дѣлу и любовью къ малорусской старинѣ, память о которой еще была въ окружающей его средѣ; интересно, что однимъ изъ главныхъ источниковъ его исторіи была лѣтопись Симоновскаго, полученная имъ отъ директора кіевскаго главнаго народнаго училища Симоновскаго. Самыя сочиненія Б. представляютъ какъ бы продолженіе старыхъ малорусскихъ лѣтописей. Позднѣе пришли извѣстныя литературныя воздѣйствія (вліяніе гр. Румянцова, отчасти и митр. Евгенія). Б. подчинился имъ, потому-что они въ общемъ сов-

---

[1]) Планъ Кіева составленный въ 1695. Изд. кіевск. ком. для разбора актовъ. 1893 г.

падали съ его стремленіями; но въ то же время онъ сохранялъ и свои особые интересы: такъ, его заинтересовала грамота патр. Мелетія, характеризующая настроеніе украинскаго народа и написанная украинскою рѣчью. Позднѣйшія литературныя теченія, болѣе соотвѣтствовавшія міровоззрѣнію Б., повидимому, не нашли отраженія въ его дѣятельности. По крайней мѣрѣ, Максимовичъ, близко знавшій Б., въ своей вообще сочувственной „Поминкѣ“ ничего не говоритъ о его дѣятельности въ послѣдніе годы. Вѣроятно, причиной былъ преклонный возрастъ (въ 1834 г.—годъ открытія университета—Б. было уже 70 лѣтъ). Всѣ эти факты даютъ возможность опредѣлить мѣсто Б. въ малорусской исторіографіи: онъ занимаетъ середину между малорусскими лѣтописцами XVIII в., вродѣ Рубана и Симоновскаго, и учеными изслѣдователями южнорусской старины XIX-го ст.

Недостатокъ матеріаловъ не позволяетъ намъ охарактеризовать его нравственную личность. Насколько позволяютъ судить имѣвшіеся источники, это былъ типъ скромнаго кабинетнаго труженика, нѣсколько сухаго, можетъ быть педантичнаго [1]), но беззавѣтно преданнаго своему дѣлу; въ тоже время это былъ человѣкъ, горячо любившій свою родину и посвятившій всю жизнь изученію ея историческаго прошлаго. До нѣкоторой степени личность Б. можетъ охарактеризовать печатаемое въ приложеніи письмо его къ Снегиреву. „Мы люди малые, писалъ Б., нашъ голосъ слабый, я по всему недостоинъ литературной славы и не ищу ея; а только меня куражатъ что нибудь написать, напишу, и за то винятъ. Да Богъ съ ними; лучше уклониться отъ зла; заняться въ тиши собою, сохраняя отъ молвы свою честь и оставивъ дѣло древностей великоименитымъ тѣшиться славою“. Старомодный текстъ этого письма также весьма характеренъ. Представитель отжившей эпохи, Б. долженъ былъ производить странное впечатлѣніе на дѣятелей новаго поколѣнія. Можетъ быть, и этимъ отчасти объясняется молчаніе послѣднихъ лѣтъ и то одиночество, въ которомъ онъ провелъ послѣдніе годы своей

[1]) Митр. Евгеній, съ своею обычною рѣзкостью въ отзывахъ называетъ Б. „жалкій, неотесанный школяръ“, „презрительный педантъ“ (Шмурло. Митр. Евгеній, какъ ученый. Спб. 1886, стр. 376).

жизни. Даже смерть Б. осталась почти не замѣченною, и только черезъ два года Максимовичъ напечаталъ о немъ сочувственную „Поминку", въ которой съ грустью замѣчаетъ, что „кончина, его не была замѣтна и въ самомъ Кіевѣ; при гробѣ его не было никого изъ ученой братіи, ни изъ профессоровъ кіевскихъ. Явленіе замѣчательное, потому именно, что никогда еще въ Кіевѣ не было столько вниманія къ древности [1]).

Въ настоящее время, когда дѣло, начатое Б., получило еще большее развитіе, когда въ Кіевѣ существуютъ три ученыхъ общества, занимающихся преимущественно разработкою мѣстной исторіи, два общественныхъ музея и нѣсколько частныхъ собраній древностей, издается спеціальный журналъ, посвященный мѣстной исторіи,—имя Б. не должно быть забыто. Черезъ годъ исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня его кончины. Желательно, чтобы къ этому времени собраны были болѣе обстоятельные матеріалы для его біографіи и издана вновь самая цѣнная его работа—планъ города Кіева. Можетъ быть, почитатели памяти Б. позаботятся и о приведеніи въ порядокъ его могилы.

В. Щербина.

Приложенія.

I. Аттестатъ, выданный М. Ѳ. Берлинскому отъ Кіевской Академіи.

Объявитель сего Епархіи Сѣвской, намѣстничества Курскаго, уѣзда Путивльскаго, вѣдомства духовнаго Путивльскаго правленія, села Новой Слободы, церкви Архистратига Михаила священника Феодора Лазарева сынъ Максимъ Берлинскій, находясь въ Академіи Кіевской съ 1776 г. по настоящій 1786 г., обучался Латинской Грамматикѣ, Поэзіи, Риторикѣ, Философіи и Богословію съ успѣхомъ преизряднымъ и отъ ученыхъ мужей особливое одобреніе заслуживающимъ, въ слогѣ священныхъ проповѣдей и витійствѣ дѣйствительномъ предпочтенъ былъ мно-

[1]) Временникъ Импер. Общ. Ист. и др. Россіи т. V, М. 1850.

гожды по достоинству прочимъ своимъ сотрудникамъ и добропорядочнымъ и примѣрнымъ поведеніемъ въ добродѣтельныхъ качествахъ достоинъ любви и благопризрѣнія. Кромѣ Латинскаго обучался Еврейскому языку, Исторіи и Географіи и Ариѳметикѣ теоретической и практической съ успѣхомъ препохвальнымъ. Къ указной присягѣ въ надлежащее время приведенъ. Лѣтъ ему отъ роду двадцать два. А нынѣ по резолюціи Св. Правительств. Синода Члена Преосвященнаго Самуила, митрополита Кіевскаго и Галицкаго и Кіево-Печерской лавры Архимандрита и по его желанію отъ той Кіевской Академіи съ симъ аттестатомъ отпущенъ, о чемъ ему, Берлинскому, отъ Академіи Кіевской и сей аттестатъ данъ 1786 г., іюня 17 дня.

Академіи Кіевской Ректоръ Архимандритъ
Варлаамъ Мислављскій.

Академіи Кіевской Префектъ Игуменъ Дмитрій.

№ 24. М. П.

II. Письмо М. Ѳ. Берлинскаго къ П. М. Снегиреву.

Милостивый Государь
Иванъ Михайловичъ!

Начитавши въ вѣдомостяхъ московскихъ изъявленную мнѣ отъ общества, за мои слабыя приношенія, признательность, я весьма былъ обрадованъ и приношу мою истинную благодарность. Но на сихъ дняхъ будучи у нашего Преосвященнаго извѣстился, что и онъ послалъ въ общество планы Десятинной, о чемъ я прежде отъ него не былъ предувѣдомленъ; и при томъ самъ сознался, якобы я получилъ оные планы отъ извѣстнаго по Кіеву г. Лохвицкаго; о чемъ, говоритъ, и писалъ къ вамъ въ общество. Ежели ето дѣйствительно было, то для меня весьма прискорбно сносить такую несправедливость. Планы я получилъ отъ Архитектора г. Ефимова, который разрабатывалъ церковный фундаментъ, и потомъ повезъ планъ съ фасадомъ отъ строителя церкви Анненкова, что все у меня было скопировано, прежде нежели преосвященный возвратился изъ Петербурга съ планами отъ г. Оленина принятыми, которыхъ я никогда не видалъ, и

никогда съ г. Лохвицкимъ не говорилъ. Тутъ извѣстна нѣкоторая личность, о ней же нѣсть нынѣ глаголати подробну [1]). Впрочемъ, мною описано такъ все справедливо, что я за каждое слово могу отвѣчать. Прошу покорнѣйше васъ, Милостивый Государь, быть увѣреннымъ въ сей справедливости, и кого надобно, также въ семъ заувѣрить; я отъ рожденія моего чужимъ не интересовался, и съ добраго ума ни писать, ни говорить не умѣю. Признаюсь, послѣ такого урока, не могу съ духомъ собраться, чтобы послать или писать; опасаясь впредь столкнуться съ симъ авкторитетомъ. Мы люди малые, нашъ голосъ слабый, я по всему недостоинъ литературной славы и не ищу ея; а только меня куражитъ что нибудь написать, напишу и за то винятъ. Да Богъ съ ними; лучше уклониться отъ зла; заняться въ тиши собою, сохраняя отъ молвы свою честь и оставивъ дѣло древностей великоименитымъ тѣшиться славою [2]).

Вамъ, Милостивый Государь, извѣстна чувствительность огорченной невинности: то я могу быть увѣренъ, что по свойственному вамъ праводушію извините въ моей признательности. Смѣю просить, ежели можно, удостойте меня отвѣтомъ, и разрѣшите мою неизвѣстность. Впрочемъ, пребываю къ вамъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и признательностью

вашего высокоблагородія
Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга.

(Оба документа заимствованы изъ бумагъ М. А. Максимовича).

---

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о кіевскомъ комендантѣ Аракчеевѣ, братѣ временщика. Письмо его къ брату объ открытіи фундамента Десятинной церкви и трудахъ м. Евгенія и Лохвицкаго см. въ „Кіев. Стар." 1894, № 6. стр. 537—538.

[2]) Въ „Трудахъ и лѣтописяхъ обществ. исторіи и древн. росс." ч. V, кн. 1, (М. 1830) помѣщена статья Берлинскаго „О Десятинной церкви въ Кіевѣ" (стр. 106—123), а вслѣдъ за нею „Письмо отъ Его Высокопреосвященства Кіевскаго Митрополита Евгенія о найденныхъ въ Десятинной церкви серебряныхъ слиткахъ (стр. 124—125).

КОЛЛЕГІЯ ПАВЛА ГАЛАГАНА ВЪ КІЕВѢ.

(По поводу исполнившагося 1 октября текущаго года двадцатипятилѣтія ея существованія).

1 октября 1896 года закончилось 25 лѣтъ со дня открытія въ Кіевѣ „Коллегіи Павла Галагана", среднеучебнаго заведенія, основаннаго при исключительныхъ обстоятельствахъ и при всѣхъ данныхъ для своеобразнаго существованія, сравнительно съ прочими учебными заведеніями въ нашемъ краѣ. Если четверть вѣка въ жизни всякаго учрежденія признается обыкновенно тѣмъ періодомъ, который составляетъ нѣчто закругленное, дающее матеріалъ для историко-культурнаго обозрѣнія, то тѣмъ съ бо̀льшимъ правомъ можетъ разсчитывать на такой обзоръ то учебно-воспитательное учрежденіе, которое по самому уставу своему представляется исключительнымъ, болѣе или менѣе уклоняющимся отъ общаго установленнаго типа. Ввиду этого сама „Коллегія Павла Галагана" къ своему юбилейному дню приготовила обзоръ своей дѣятельности, издавъ книгу подъ заглавіемъ „*25-лѣтіе Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. Съ портретами, рисунками, планами, подъ редакціею директора Коллегіи П. Г. А. І. Степовича. 1896*". Какъ эта только-что названная книга, такъ еще болѣе жизнь и общественное значеніе самаго учрежденія не только даютъ право, но даже обязываютъ нашъ *историческій* журналъ, посвященный всестороннему освѣщенію разнообразныхъ культурно-историческихъ вопросовъ края, съ своей стороны посвятить нѣсколько страницъ обозрѣнію минув-

шаго 25-лѣтія въ жизни Коллегіи Павла Галагана. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы приступаемъ къ этому обозрѣнію, что 1 октября коллегія отпраздновала свой юбилей, а 1 ноября она разсталась на вѣки съ своей Почетной Попечительницей, *Екатериной Васильевной Галаганъ*, всецѣло себя отдававшей интересамъ заведенія за весь періодъ его существованія, всѣ силы своей души и сердца посвящавшей тому дѣтищу, которое съ 1 октября 1871 года замѣнило удрученной горемъ матери ея безвременно погибшаго сына. Со смертью Е. В. Галаганъ закончился первый періодъ въ жизни коллегіи, который, конечно, будетъ отмѣченъ впослѣдствіи, какъ періодъ наиболѣе сильнаго проявленія лирическихъ началъ во всевозможныхъ взаимоотношеніяхъ различныхъ членовъ ея, такъ-какъ въ лицѣ Екатерины Васильевны похоронено то первое поколѣніе *учредителей*, для котораго все въ этомъ заведеніи было *своимъ роднымъ*, для котораго и свѣтлыя, и темныя страницы въ жизни его были одинаково дорогими, близкими. Пройдутъ года; лирика постепенно замѣнится холодной сообразительностью—и Богъ вѣдаетъ какіе повороты совершатся въ дальнѣйшей жизни заведенія. Настанутъ новые люди; восторжествуютъ новыя мысли; проявятся и новыя чувства...

Много примѣровъ видала уже исторія, когда личныя обстоятельства въ жизни людей влекли за собой болѣе или менѣе замѣтныя общественныя явленія. Часто такими обстоятельствами бываютъ семейныя радости, но, безспорно, еще чаще—моменты горестей; все дѣло здѣсь въ томъ, насколько личности, переживающія эти моменты горести, способны побѣдить въ себѣ исключительно личное и, руководясь соображеніями высшаго порядка, склонны утѣшать себя въ личныхъ настроеніяхъ сознаніемъ общаго блага. Говоря это, мы сразу хотимъ указать, что личности Григорія Павловича и Екатерины Васильевны Галаганъ, благодаря которымъ учреждена коллегія и духомъ которыхъ она держалась 25 лѣтъ, принадлежали именно къ тѣмъ, сравнительно немногочисленнымъ, людямъ, которые въ самую

тяжелую минуту личнаго горя не потеряли окончательно чутья общественныхъ интересовъ, а напротивъ—въ нихъ-то и стали искать для себя не забвенія, но успокоенія, при сознаніи исполненнаго долга.

Нѣсколько разъ уже въ печати были опубликованы обстоятельства, при которыхъ возникла Коллегія Павла Галагана; заново интересующіеся этимъ могутъ найти нѣсколько любопытныхъ страницъ въ названномъ выше юбилейномъ изданіи Коллегіи (стр. 33—42; 84—87; 109—125). Мы-же для читателей считаемъ нужнымъ отмѣтить вкратцѣ только слѣдующіе факты.

27 апрѣля 1869 года неожиданно, въ теченіе нѣсколькихъ дней, сгорѣла жизнь 16-лѣтняго юноши Павла Галагана, единственнаго и нѣжнолюбимаго сына Григорія Павловича и Екатерины Васильевны Галаганъ. „Все прервалось и рушилось внезапно!—говоритъ Григ. Павл. въ замѣткахъ о своемъ сынѣ; „намъ осталось одно изъ двухъ: или предаться полной и безконечной печали, къ которой влекла душа, или, борясь съ печалью, стремиться къ тому, чтобы нашъ бѣдный сынъ продолжалъ жить въ другихъ, въ своихъ ближнихъ и для своихъ ближнихъ. Мы избрали послѣднее, и съ этой цѣлью учреждена Коллегія Павла Галагана“ (стр. 91). Но не сразу установилась окончательная мысль о коллегіи: первоначально Григ. Павл. думалъ основать въ Кіевѣ общежитіе для гимназистовъ 6 и 7 класовъ и студентовъ, подъ именемъ „Домъ Павла Галагана“, при чемъ живущіе въ этомъ общежитіи должны были именоваться *стипендіатами Павла Галагана*; съ этой цѣлью предполагалось пожертвовать 200 тысячъ рублей. Однимъ словомъ, должно было создаться нѣчто въ родѣ англійскаго колледжа съ туторами для руководства юношества. Въ такомъ родѣ проектъ учрежденія былъ вскорѣ составленъ, т. к. въ маѣ того же 1869 года онъ былъ уже отосланъ при письмѣ другу Г. П. Галагана М. В. Юзефовичу, котораго Галаганъ просилъ, совмѣстно съ другими лицами, разсмотрѣть этотъ проектъ и высказать свои соображенія. Молва о затѣваемомъ заведеніи этого типа быстро распространилась повсюду, а особенно среди кіевлянъ. Мы живо помнимъ то время, когда въ Кіевѣ, между прочимъ пристеги-

вая и проектированную коллегію, вели выборную агитацію предъ избраніемъ перваго городского головы по новому положенію. Извѣстно, что въ кандидаты готовили главнымъ образомъ двухъ лицъ—Г. П. Галагана и П. П. Демидова, при чемъ мотивами избранія перваго выставляли предполагавшееся учрежденіе коллегіи, а второго—слухъ объ устойствѣ квартиръ для бѣдныхъ; такъ-что какъ-разъ въ разгаръ агитаціи—помнится намъ—выпущена была брошюра за подписью (кажется) Шиммельфенигъ подъ заглавіемъ (тоже кажется) „Что важнѣе для Кіева—двухсотъ-тысячная коллегія или квартиры для бѣдныхъ?“ Конечно, для Галагана вопросъ о коллегіи ничего общаго не имѣлъ съ мечтами о должности головы: онъ всецѣло преданъ былъ мысли о томъ, какъ устроить то заведеніе, которое должно быть коллективнымъ выразителемъ прерванной жизни его сына. *Павлусь* его достигъ 16 лѣтъ и по курсу наукъ готовился въ 6-й классъ—вотъ основанія, въ силу которыхъ предполагалось заведеніе воспитательное для юношей этого-же возраста и этихъ-же познаній.

Этотъ первоначальный проектъ, послѣ многихъ совѣщаній компетентныхъ лицъ, которыхъ просилъ самъ Галаганъ принять участіе въ разработкѣ устава, значительно измѣнился, во 1-хъ, въ смыслѣ разъединенія сожительства гимназистовъ со студентами, и во 2-хъ, въ смыслѣ устроенія особаго учебнаго заведенія съ самостоятельнымъ преподаваніемъ по курсу 5, 6 и 7 классовъ. Руководясь этими положеніями, и стали затѣмъ въ подробностяхъ разрабатывать уставъ Коллегіи Павла Галагана, по существу остающійся и до сихъ поръ такимъ-же, какъ и въ самомъ началѣ.

Изъ сказаннаго видно, что Коллегія Павла Галагана не только возникновеніемъ своимъ обязана, такъ сказать, лирическому моменту въ личной жизни Галагановъ, но и самое устройство ея, самая организація тѣсно связывается съ этимъ пережитымъ моментомъ. Вѣдь первоначальная мысль учрежденія состояла только въ обезпеченіи матеріальнаго быта и учебныхъ пособій, при извѣстномъ необходимомъ надзорѣ и руководствѣ молодыхъ людей, т. е. предполагалось, главнымъ образомъ, устро-

ить благотворительное общежитіе для юношей, начиная съ того-же возраста, въ какомъ умеръ Павелъ Гэлаганъ; когда-же эта мысль стала разрабатываться, чтобы быть приведенной въ осуществленіе, то естественно пришлось натолкнуться на тѣ педагогическія истины, которыя очень часто идутъ въ разрѣзъ съ лирическими мотивами. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, собрать подъ одну крышу нѣсколько десятковъ молодыхъ натуръ, взявъ ихъ изъ разнородныхъ семей, съ различными темпераментами, и притомъ взявъ въ томъ возрастѣ, который, какъ извѣстно, считается самымъ тяжелымъ въ воспитательномъ отношеніи? Поневолѣ нужно было сразу отказаться отъ мысли ограничить все дѣло благотвореніемъ и привлечь къ участію принципъ воспитательный. Еслибы въ предполагаемую коллегію поступали мальчики дѣтскаго возраста, лѣтъ 9—10, то воспитательное вліяніе оказывать было-бы вполнѣ возможно, даже при условіи, что воспитанники въ стѣнахъ заведенія только имѣли бы общежитіе и надзоръ, безъ учебнаго элемента, т. е. въ часы уроковъ посѣщали бы классы гимназій; но такъ какъ гимназисты должны поступать въ коллегію, какъ сказано, въ возрастѣ юношескомъ, то роль воспитателя въ этомъ случаѣ очень осложняется: для молодежи 16 или 17 лѣтъ воспитательное вліяніе, ограниченное только нравоученіями и дисциплиной, недостаточно безъ авторитета науки. Вотъ почему естественно пришлось соединить воспитательную часть съ преподаваніемъ наукъ, т. е. создать не общежитіе только, но учебно-воспитательное заведеніе. Нельзя сказать, чтобы этимъ окончательно было устранено неудобство въ педагогическомъ отношеніи собирать вмѣстѣ для житья юношество, не объединенное раньше общими какими-нибудь принципами, но по крайней мѣрѣ неудобство это ослаблялось тѣмъ, что воспитатель для юноши долженъ былъ явиться, подъ покровомъ научнаго авторитета, не туторомъ только, но ментором, и чѣмъ выше нравственный и умственный обликъ этого ментора, тѣмъ воспитательное положеніе его является болѣе прочнымъ.

Какъ только идея коллегіи обозначилась въ этомъ видѣ, сейчасъ-же выступилъ на очередь матеріальный вопросъ: о 200 ты-

сячахъ рубляхъ, первоначально опредѣленныхъ Г. П. Галаганомъ для этого заведенія, не могло быть и рѣчи, т. к. устройство общежитія съ учебно-воспитательнымъ персоналомъ для воспитанниковъ далеко превышаетъ эту сумму. Хотя Г. П. Галаганъ впослѣдствіи не постѣснялся болѣе чѣмъ въ пять разъ увеличить основной фондъ коллегіи, пожертвовавъ въ обезпеченіе ея существованія часть своихъ имѣній цѣнностью болѣе *милліона рублей*, а также купивъ усадьбу, стоившую, вмѣстѣ съ приспособленіями ея для цѣлей заведенія, около 200 тысячъ,—но и этихъ средствъ оказалось недостаточнымъ для постановки дѣла на широкую ногу, какъ хотѣлось учредителямъ. Благодаря этому, первоначальный планъ коллегіи, какъ учрежденія благотворительнаго, долженъ былъ видоизмѣниться, такъ-какъ въ уставъ ея внесенъ былъ пунктъ о своекоштныхъ воспитанникахъ, которые, внося ежегодно сравнительно большую плату за свое содержаніе и обученіе (первонач. 600 р., а потомъ—750 руб. въ годъ), должны въ значительной мѣрѣ усиливать ежегодный бюджетъ заведенія. И такъ въ коллегіи, въ силу вещей, должны были сойтись два основные, элемента учащихся: *стипендіаты*—значитъ, люди не изъ богатыхъ классовъ, но за то поступающіе изъ разныхъ учебныхъ заведеній по конкурсному испытанію, и при томъ съ повышенными требованіями въ знаніяхъ, и *своекоштные*—значитъ, люди вполнѣ состоятельные, поступавшіе часто прямо изъ дома родительскаго, а еще чаще—изъ другихъ учебныхъ заведеній безъ всякаго испытанія. Если соединеніе подъ одной кровлей молодежи, начиная съ 16 и 17 лѣтъ, вообще не вполнѣ удобно въ педагогическомъ отношеніи, то неудобство это еще болѣе усиливается при условіи соединенія въ общежитіи лицъ разныхъ сословій, разныхъ матеріальныхъ положеній, разныхъ наклонностей... Правда, насколько намъ приходилось слышать (хотя въ печати мы нигдѣ не встрѣчали этого), Григорій Павловичъ Галаганъ находилъ теоретическое обоснованіе этого не вполнѣ нормальнаго строя въ жизни своей коллегіи. А именно: онъ предполагалъ, что единеніе двухъ различныхъ элементовъ въ коллегіи, носящихъ въ натурѣ своей много хорошаго, равно какъ и дурного, будетъ взаимно перекрещиваться, при чемъ идеалисти-

ческія мечтанія, конечно, предполагали лучшее, т. е. взаимное воздѣйствіе одного элемента на другой будетъ проявляться въ усвоеніи лучшихъ сторонъ, а не худшихъ. Такъ напримѣръ, можно было предполагать, что стипендіаты, люди труда и энергіи, люди, привыкшіе къ лишеніямъ и невзгодамъ жизни, будутъ своимъ примѣромъ и нравственнымъ обликомъ вліять на своекоштныхъ воспитанниковъ, юношей съ иными привычками и наклонностями, вчастую вырабатывающимися въ сословіяхъ вполнѣ обезпеченныхъ; но за то эти-же воспитанники должны воздѣйствовать на стипендіатовъ всѣми проявленіями джентльменства, которое предполагается свойственнымъ высшимъ классамъ общества. Таковы, конечно, могли быть мечтанія, но отъ мечтаній до дѣйствительности бываетъ иногда цѣлая бездна, и мы готовы думать, что и въ данномъ случаѣ если практика не показала бездны, то далеко все-таки ушла отъ ожиданій.

Говоря все это, мы далеки отъ мысли ставить какіе-нибудь укоры заведенію, имѣющему въ теченіе 25 лѣтъ своего существованія прямыя указанія той пользы и тѣхъ благопріятныхъ плодовъ, какіе сказываются на дѣлѣ; еще болѣе далеки мы отъ мысли находить какую-нибудь вину въ дѣйствіи учредителей коллегіи,—можно только съ чувствомъ полнаго уваженія къ нимъ рисовать въ умѣ своемъ ихъ почтенный обликъ: мы хотимъ только отмѣтить тотъ фактъ, что если въ пережитый періодъ бывали тяжелые дни въ Коллегіи, то они главнымъ образомъ зависѣли отъ не совсѣмъ нормально поставленной основной мысли заведенія, какъ сказано, связывающейся съ лирическимъ моментомъ въ жизни Галагановъ.

Обратимъ теперь вниманіе еще на одну сторону вопроса, связаннаго съ учрежденіемъ коллегіи,—мы имѣемъ въ виду основной принципъ, выраженный въ пунктѣ *б* параграфа 2 устава коллегіи. Параграфъ этотъ говоритъ: „Коллегія Павла Галагана имѣетъ цѣлью: а) доставить нѣкоторому числу недостаточныхъ молодыхъ людей средства подготовительнаго къ университету образованія, и б) *способствовать развитію самостоятельнаго педагогическаго дѣла въ Россіи путемъ учебно-воспитательной практики.*

Этотъ пунктъ *б* настолько серьезенъ по своему значенію, что мы считаемъ умѣстнымъ остановиться на немъ подробнѣе.

Школа въ государствѣ есть, такъ сказать, зеркало, отражающее душу этого государства, и въ тоже время—измѣритель умственныхъ и нравственныхъ силъ его. Чѣмъ болѣе разнообразія и оригинальности въ постановкѣ школьнаго дѣла въ странѣ, тѣмъ опредѣленнѣе выступаютъ на сцену всѣ изгибы духовной стороны въ человѣкѣ, и чѣмъ болѣе проявляется самостоятельность и независимость въ педагогической практикѣ, тѣмъ вѣрнѣе залогъ общей успѣшности въ дѣлѣ народнаго развитія. Наша русская школа до сихъ поръ слишкомъ мало обнаружила этой оригинальной самобытности, будучи почти исключительно заводима и управляема самимъ государствомъ, совершенно естественно ведущимъ ее по строго опредѣленному принципу, установившемуся въ правительственныхъ органахъ. Какъ рѣдкіе примѣры, встрѣчаются случаи общественнаго почина въ дѣлѣ народнаго образованія, особенно съ оригинальной программой его, или по крайней мѣрѣ, съ оригинальными учебно-воспитательными пріемами. Школьная нивеллировка, подведеніе всего къ одной программѣ, къ одному типу—вотъ характеристика нашей школы вообще. Нельзя поэтому не радоваться каждый разъ, когда мы видимъ просыпающуюся въ обществѣ потребность выйти на болѣе широкую дорогу въ этомъ дѣлѣ, когда мы видимъ частный починъ въ педагогическихъ вопросахъ. Вотъ почему, читая строки вышеприведеннаго пункта *б* во 2 параграфѣ устава коллегіи, мы невольно возвышаемся духомъ при мысли, что это заведеніе можетъ внести въ наше русское педагогическое дѣло *тѣ новые учебно-воспитательные пріемы, при помощи которыхъ успѣшнѣе будетъ достигаться правильное умственное и нравственное совершенствованіе юношества.*

Желаніе ввести нѣчто новое въ школу сразу сказалось у Г. П. Галагана, когда онъ въ письмѣ своемъ къ министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, между прочимъ писалъ такъ: „я желалъ-бы дать учреждаемой коллегіи болѣе самостоятельности въ дѣйствіяхъ, чѣмъ сколько

имѣютъ ее казенныя гимназіи" (стр. 40), и—что особенно важно—эта мысль Галагана нашла полное сочувствіе въ высшихъ сферахъ, такъ-какъ Высочайшій рескриптъ Императора Александра II на имя Г. П. Галагана оцѣняетъ пользу отъ учрежденія школы, которая доставитъ нѣкоторому числу молодыхъ людей средство подготовительнаго къ университету образованія, а также будетъ способствовать *развитію самостоятельнаго педагогическаго дѣла въ Россіи путемъ учебно-воспитательной практики.* И дѣйствительно, уставъ коллегіи и объяснительная записка къ уставу во многомъ указываютъ эту оригинальность, или лучше сказать—возможность къ оригинальности въ постановкѣ школы, Такъ, параграфъ 4-й поручаетъ завѣдываніе коллегіи правленію, которое составляютъ всѣ воспитатели подъ предсѣдательствомъ старшаго воспитателя, насящаго названіе директора. Въ кругъ обязанностей правленія входитъ организація всей учебно-воспитательной части заведенія, порядка жизни воспитанниковъ, распредѣленіе ихъ занятій, дисциплинарныя правила,—словомъ, опредѣленіе всего строя жизни школы во всѣхъ подробностяхъ. На правленіе, слѣдовательно, падаетъ и отвѣтственность за порядокъ и благоустройство.

Въ объяснительной запискѣ, приложенной къ проекту устава, представленнаго въ Государственный Совѣтъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, Г. П. Г—нъ опредѣляетъ въ главныхъ чертахъ основные устои внутренней жизни школы. Учреждаемая школа всей обстановкой своей жизни должна воспитывающемуся въ ней юношеству обезпечить полное и правильное развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ; она должна быть не квартирой, въ которой живутъ молодые люди при извѣстномъ формальномъ, дисциплинарномъ порядкѣ, но воспитательной школой, гдѣ юноши подъ постояннымъ и полнымъ контролемъ и руководствомъ воспитателей совершенствуются въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Воспитательную и руководящую роль свою воспитатели могутъ выполнить, когда въ ихъ рукахъ будетъ соединено и обученіе главнымъ предметамъ курса, т. е. когда воспитатель будетъ въ то-же время и преподавателемъ.

Гр. П. Г—нъ желалъ, чтобы воспитаніе и обученіе въ коллегіи способствовало раскрытію въ душахъ и умахъ обучающагося юношества любви и пониманія главныхъ основъ русской жизни и сдѣлало бы ихъ впослѣдствіи способными служить дѣйствительнымъ интересамъ родной страны и помогло бы имъ быть хорошими гражданами дорогого отечества.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ сынѣ, Г. П. Галаганъ, говоря о немъ, даетъ намъ понять, на развитіе и воспитаніе какихъ качествъ въ воспитанникахъ онъ желалъ бы направить трудъ воспитателей. Павелъ Гр-чъ Г—нъ представляется своему отцу съ слѣдующими характерными чертами: любознательнымъ, прилежнымъ, ищущимъ и уважающимъ знаніе, любящимъ свою родину, воспріимчивымъ ко всему хорошему, отзывчивымъ на все доброе, неприхотливымъ, бережливымъ въ тратѣ на самого себя, врагомъ роскоши и щегольства, чистымъ честнымъ, юношей, полнымъ молодой, здоровой жизненной энергіи и лучшихъ человѣческихъ стремленій. Гр. П-чъ видѣлъ въ своемъ сынѣ зачатки будущаго честнаго человѣка, полезнаго гражданина своей земли,—и конечно, желалъ, чтобы таковыми же выходили молодые люди изъ той школы, которая основана въ память сына; средствами для достиженія этого должны служить свободно вырабатывающіеся въ школѣ воспитательные пріемы, не стѣсняемые шаблонной мѣркой казенныхъ заведеній.

Если привести въ систему все вышесказанное, то характеръ, задачи и цѣли этой школы, какъ учрежденія, имѣющаго характеръ общественный, представятся въ слѣдующемъ видѣ:

Во-1-хъ, въ коллегіи получаетъ подготовительное къ университету образованіе нѣкоторое число молодыхъ людей, необладающихъ достаточными личными матеріальными средствами, число которыхъ въ настоящее время ограничивается 30, но въ будущемъ, при развитіи матеріальныхъ средствъ коллегіи, оно можетъ быть увеличено (изъ объясн. зап.).

Во-2-хъ, коллегіи предоставляется право самостоятельной постановки учебнаго дѣла съ тѣмъ однимъ ограниченіемъ, чтобы каждый предметъ преподавался въ объемѣ не менѣе требованій, предъявляемыхъ учебными планами М. Н. Пр. для классиче-

скихъ гимназій.—Увеличеніе объема требованій по каждому предмету, назначеніе числа недѣльныхъ уроковъ, распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, устройство той или иной системы переводныхъ испытаній, опредѣленіе методовъ и пріемовъ преподаванія—предоставляется вполнѣ компетенціи правленія коллегіи.

Въ-3-хъ, еще большую самостоятельность предоставляетъ уставъ коллегіи въ устройствѣ воспитательнаго дѣла и всего внутренняго строя жизни школы. Въ этомъ отношеніи уставъ не дѣлаетъ никакихъ ограниченій. Коллегія по мысли учредителя составляетъ закрытое учебное заведеніе (§ 12 уст.), въ которомъ воспитаніе юношества составляетъ главнѣйшую задачу школы. Съ этою цѣлью воспитателямъ предоставляется правящая роль въ заведеніи. Они избираются изъ лицъ, получившихъ университетское образованіе, или же пріобрѣтшихъ особую извѣстность своею педагогической дѣятельностью (§ 17 уст.). На нихъ же возлагается обязанность преподаванія предметовъ учебнаго курса въ цѣляхъ дать имъ, какъ воспитателямъ, большую авторитетность и возможность болѣе всесторонняго вліянія и ознакомленія съ учащимися. Въ то время, когда въ гимназіяхъ, какъ заведеніяхъ открытыхъ и многочисленныхъ по составу учащихся, все воспитательное дѣло ограничивается по необходимости требованіемъ отъ учениковъ точно регламентированныхъ дисциплинарныхъ правилъ, въ большей части случаевъ состоящихъ изъ недопущеній, воспрещеній, строгихъ воспрещеній и т. п., въ коллегіи эта сторона дѣла вызываетъ болѣе серьёзныя требованія: роль воспитателя въ ней не можетъ быть ограничена однимъ надзоромъ за воспитанниками и наблюденіемъ за исполненіемъ требованій внѣшней формальной дисциплины. Воспитатель обязанъ способствовать развитію и вкорененію въ воспитанникахъ положительныхъ сторонъ. Онъ обязанъ помочь воспитаннику раскрыть въ себѣ тѣ добрые, живые, здоровые зачатки, какіе вложила въ него природа; онъ обязанъ воспитать волю воспитанника, направлять его на все хорошее и честное,—словомъ, воспитатель, по мысли учредителя, является живымъ лицомъ, дѣйствующимъ на воспитанника не одними

формальными требованіями и приказаніями, но силою своего умственнаго и нравственнаго авторитета и постояннымъ съ нимъ общеніемъ. При такой постановкѣ воспитательнаго дѣла въ коллегіи, когда воспитанника будетъ окружать постоянное вниманіе и забота объ его умственномъ и нравственномъ совершенствованіи, при хорошей матеріальной гигіенической обстановкѣ, Гр. П-чъ былъ вправѣ надѣяться, что коллегія для воспитанниковъ до извѣстной степени замѣнитъ родную семью, и въ любовномъ отношеніи къ школѣ они найдутъ побужденіе въ дальнѣйшей своей жизни быть хорошими и честными людьми. Въ такихъ началахъ была и выработана правленіемъ инструкція для воспитателей и директора, одобренная совѣтомъ коллегіи и утвержденная почетнымъ попечителемъ.

Такими, какъ мы видимъ, благими мыслями и намѣреніями руководился учредитель коллегіи, и съ такими задачами приступилъ къ выполненію ихъ первый воспитательный составъ. Но, какъ извѣстно, не всѣ наши благія пожеланія и намѣренія осуществляются въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально рисуются они намъ. Мы не станемъ слѣдить шагъ за шагомъ за тѣмъ, какъ текла жизнь коллегіи въ теченіе 25 лѣтъ, но отмѣтимъ только тотъ фактъ, что нѣсколько разъ уже въ отчетахъ коллегіи, ранѣе печатавшихся (см., напр., „Десятилѣтіе Коллегіи Павла Галагана“. Кіевъ 1882 г.), равно и въ только-что выпущенномъ послѣднемъ отчетѣ о 25-тилѣтіи ея (см. рѣчь директора коллегіи „Итоги 25-тилѣтней жизни и дѣятельности колл. П. Г—на“) совершенно опредѣленно обнаруживается, что за весь этотъ періодъ практика школы не выработала ничего особенно характерно-поучительнаго: нѣтъ никакой своеобразности въ программахъ (кромѣ ничтожныхъ мелочей), нѣтъ ничего прочно опредѣлившагося въ методахъ преподаванія, нѣтъ ничего оригинальнаго въ воспитательныхъ пріемахъ, чему можно было бы слѣдовать, какъ образцу. Да оно и не удивительно! Школа не правительственная, а частная тогда только можетъ своеобразно и твердо стоять на своихъ ногахъ, когда общій принципъ общественной жизни допускаетъ свободное развитіе всякой частной иниціативы. Коллегія же Павла Галагана возникала какъ

разъ въ тотъ моментъ, когда въ силу исключительныхъ причинъ, вопросы воспитанія и образованія юношества строго были регламентированы, и слѣдовательно, такъ сказать—въ воздухѣ носились иныя теченія, далекія отъ мысли о свободно-развивающихся педагогическихъ теоріяхъ. Однимъ словомъ, мы хотимъ сказать, что почтенная мысль учредителя нисколько не была гарантирована въ своемъ осуществленіи однимъ характеромъ устава этой школы: по такому уставу можно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигнуть блестящихъ результатовъ, при неудачныхъ—прійти къ печальнымъ послѣдствіямъ. Все тутъ сводится къ лицамъ, стоящимъ у самаго дѣла. Къ этому-то послѣднему условію мы теперь и обратимся.

При не особенно удачной комбинаціи въ постановкѣ воспитательныхъ задачъ въ коллегіи, въ зависимости отъ разнороднаго состава учащихся (стипендіаты и своекоштные) и отъ самаго тяжелаго въ воспитаніи возраста ихъ (переходный періодъ); при томъ колебаніи въ разныхъ методахъ отношенія къ воспитанникамъ, какое замѣчалось, по словамъ „Отчета“ въ теченіе 25 лѣтъ,—все же въ результатѣ получались вчастую очень утѣшительныя явленія воспитательной практики заведенія: изъ него выходили многія личности подготовленными къ труду, съ здоровыми, честными взглядами на жизнь, не съ наклонностями сухихъ эгоистовъ, а со всѣми задатками добраго сердца. Этотъ результатъ, помимо всякихъ причинъ, иногда внѣ школы находящихся, главнымъ образомъ, какъ намъ кажется, получился благодаря личнымъ воздѣйствіямъ того состава воспитательнаго, который подбирался, болѣе или менѣе удачно, по основной мысли учредителя—видѣть въ воспитателяхъ людей сердца, могущихъ въ школу вносить живую душу, а не одну лишь—такъ сказать, вицъ-мундирную оболочку. И дѣйствительно, личности самихъ учредителей коллегіи съ ихъ гуманнымъ обликомъ, съ ихъ любвеобильнымъ сердцемъ вообще, а по отношенію къ своему дѣтищу-коллегіи въ особенности—вотъ первый залогъ того добраго, человѣколюбиваго начала, которымъ должно было быть проникнуто воспитаніе въ этой школѣ. Просматривая списокъ лицъ, стоявшихъ у дѣла обученія и воспитанія коллегіатовъ въ теченіе

25 лѣтъ, мы находимъ тамъ тѣ имена, съ которыми связывается представленіе о лучшихъ сторонахъ въ жизни людей. Мы не будемъ перечислять этихъ лицъ, не желая въ данномъ случаѣ нарушать границы скромности людей, иногда намъ очень близкихъ но лежащій предъ нами послѣдній отчетъ коллегіи, не только даетъ намъ право, но и обязываетъ по отношенію къ двумъ лицамъ переступить эти границы.

Въ исторической запискѣ, составленной В. Куницкимъ подъ заглавіемъ „Двадцатипятилѣтіе коллегіи Павла Галагана", на стр. 145-й дается краткая характеристика представителей воспитательныхъ пріемовъ въ заведеніи въ послѣдовательномъ порядкѣ смѣны ихъ; тутъ, между прочимъ, читаемъ такія строки: „въ слѣдующее затѣмъ 11-тилѣтнее директорство И. И. Ничипоренка по внѣшности все оставалось въ прежнемъ видѣ, но, благодаря тому, что Г. П. Галаганъ, занятый въ это время болѣе важными государственными дѣлами, гораздо рѣже бывалъ въ Кіевѣ и не могъ принимать такого близкаго участія въ дѣлахъ коллегіи, какъ прежде, *во внутреннемъ строѣ и порядкѣ заведенія проявились нѣкоторыя отрицательныя стороны*".

Мы совсѣмъ не желаемъ полемизировать по этому поводу съ г. Куницкимъ, который, конечно, *вѣдаетъ, что творитъ*, но очень удивляемся тому, что въ книгѣ, редактированной самимъ директоромъ коллегіи и, слѣдовательно, носящей какъ бы оффиціальный, а не частный характеръ, прошла такая, по меньшей мѣрѣ *странная*, фраза. Не говоря о томъ, что всѣмъ лицамъ, знакомымъ съ бытомъ коллегіи за весь періодъ ея существованія, хорошо извѣстно нисколько не худшее положеніе дисциплинарной части въ директорство И. И. Ничипоренка сравнительно съ другими періодами,—мы укажемъ только, что самый „Отчетъ" даетъ лучшее опроверженіе этому упреку. Достаточно для этого раскрыть 62-ю страницу и прочесть выдержку изъ предсмертнаго прощальнаго письма Г. П. Галагана къ только-что окончившимъ курсъ воспитанникамъ; вотъ она: „вы воспитывались въ коллегіи въ самыхъ лучшихъ для нея условіяхъ, при отличныхъ воспитателяхъ и преподавателяхъ *и при такомъ директорѣ, который во всякое время клалъ за васъ душу; ему вы должны остаться*

вмѣстѣ съ нами глубоко благодарны". Конечно, есть и такая точка зрѣнія, что это качество въ человѣкѣ составляетъ недостатокъ, но мы, предоставляя право желающимъ держаться этого мнѣнія, скажемъ, что какъ учредители, такъ—думаемъ—и воспитанники разныхъ темпераментовъ и наклонностей, одинаково относились съ чувствомъ признательности къ тому человѣку, который, искренно любя юношество, всѣ силы свои, даже до излишества, отдавалъ дѣлу воспитанія молодыхъ людей. Если-же бывали случаи уклоненія отъ желательнаго поведенія воспитанниковъ, то, во 1-хъ, въ какой школѣ ихъ не бываетъ?, а во 2-хъ, въ коллегіи для этого имѣются исключительныя условія, зависящія, какъ мы сказали, отъ возраста и состава учащихся.

Но если приведенныя выше строки въ „Отчетѣ" можно посчитать за какойто странный *lapsus*, то ужъ никакъ не поймемъмы основаній для другого *lapsus'a*, явившагося по отношенію къ извѣстному преподавателю и ученому, П. И. Житецкому. Въ самой книгѣ нѣсколько разъ, при случаѣ, вскользь, упоминается, что имя П. И. Житецкаго связано съ коллегіей крѣпкими узами. Начать съ того, что онъ былъ домашнимъ преподавателемъ предмета словесности тому самому *Павлусю Галагану*, имени котораго посвящена потомъ коллегія (см. стр. 78, примѣч.); затѣмъ, онъ принималъ близкое участіе въ выработкѣ устава коллегіи (см. стр. 124); наконецъ онъ преподавалъ въ коллегіи предметъ словесности съ 1874 года по самый моментъ своего тяжкаго недуга, съ невольнымъ перерывомъ въ 2 года, которые онъ долженъ былъ прожить въ Петербургѣ. Ученый авторитетъ лица, талантливое преподаваніе, нравственное вліяніе на воспитанниковъ—вотъ тѣ данныя, въ силу которыхъ отчетъ о 25-тилѣтней жизни заведенія не можетъ вычеркнуть изъ страницъ своихъ хоть краткаго указанія на принесенные этимъ лицомъ плоды,—между тѣмъ мы въ этомъ отчетѣ встрѣчаемъ всѣ свѣдѣнія о директорахъ коллегіи (даже съ портретами ихъ), о всѣхъ воспитателяхъ (правда—уже безъ портретовъ), и ни одного звука о такомъ преподавателѣ, какъ П. И. Житецкій, кромѣ фамиліи и срока службы. Неужели форма играла, при составленіи отчета, такую роль, что, разъ лицо не было въ числѣ штатныхъ слу-

жащихъ, о немъ нѣтъ надобности и говорить? Неужели въ „отчетѣ“, который долженъ представить намъ картинку *культурно-бытовой стороны въ жизни заведенія*, только и можетъ быть рѣчь о *штатныхъ служащихъ*?

Пусть простятъ намъ оба названныя нами лица ту нашу нескромность, съ которой мы позволили себѣ коснуться ихъ! Но вѣдь мы говоримъ о нихъ въ данномъ случаѣ, какъ объ общественныхъ работникахъ, а при этихъ условіяхъ вопросъ о скромности отходитъ на второй планъ. Тѣмъ съ большимъ правомъ мы заговорили о нихъ, что теперь, когда коллегія вступила въ новый періодъ своей жизни, мы прежде всего пожелаемъ ей имѣть въ рядахъ своихъ побольше сотрудниковъ, подобныхъ тѣмъ, именами и авторитетами которыхъ создавалось лучшее въ прошлой жизни коллегіи, и которые, при благопріятныхъ условіяхъ для развитія педагогическаго дѣла въ Россіи вообще, дѣйствительно помогутъ выработкѣ оригинальныхъ и вполнѣ удачныхъ пріемовъ воспитанія молодыхъ поколѣній.

В. Науменко.

По поводу 25-лѣтія сценической дѣятельности М. Л. Кропивницкаго.

12 ноября настоящаго 1896 года исполнилось 25 лѣтъ со времени перваго публичнаго появленія на сценѣ найболѣе выдающагося дѣятеля малорусскаго театра, Марка Лукича Кропивницкаго. Считаемъ необходимымъ отмѣтить этотъ интересный юбилей, потому что Марко Лукичъ есть не только геніальный артистъ-исполнитель, но главнымъ образомъ его дѣятельность плодотворна, какъ основателя малорусскаго театра, перваго начинателя этого въ высшей степени полезнаго и глубоко-симпатичнаго дѣла народной сцены. Кромѣ того, дѣятельность М. Л. Кропивницкаго еще не ограничивается этими двумя сторонами: онъ также представляетъ изъ себя весьма талантливаго малорусскаго писателя-драматурга. На сколько велика была энергія М. Л., можно судить хотя-бы потому, что ему пришлось преодолѣть массу затрудненій на пути къ сценической дѣятельности.

Родился Марко Лукичъ въ глухой провинціи, въ селѣ Байбайракахъ, елисаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи, гдѣ отецъ его находился на службѣ у помѣщика Фундуклея.

Первоначальное образованіе М. Л. получилъ въ уѣздномъ училищѣ городка Бобринца, а потомъ готовился въ Кіевъ въ гимназію, куда ему поступить не удалось по причинамъ чисто формальнаго свойства; возвратившись домой, онъ продолжалъ готовиться къ экзамену, но и вторая попытка его не увѣнчалась успѣхомъ по тѣмъ же причинамъ. Послѣ этого Кропивницкій по настоянію своего отца поступилъ на службу, но прослуживъ два года, бросилъ ее и зачислился вольнослушателемъ въ

университетъ. Пробывъ два года въ университетѣ, М. Л. оставилъ его и долженъ былъ поступить въ канцелярію въ городкѣ Бобринцѣ, въ которой оставался около 9 лѣтъ, и только послѣ смерти отца въ 1871 году получилъ возможность удовлетворить вполнѣ давно овладѣвшему имъ влеченію къ сценѣ. Это влеченіе проявилось впервые еще въ бытность М. Л. въ уѣздномъ училищѣ и развивалось въ продолженіе всей его послѣдующей жизни; уступая этому влеченію, Кропивницкій съ 14 лѣтъ начинаетъ устраивать любительскіе спектакли, сначала въ домѣ своей матушки, а впослѣдствіи въ различныхъ городахъ, гдѣ ему приходилось проводить продолжительное время. Благодаря этимъ спектаклямъ, Кропивницкій сошелся съ Иваномъ Карповичемъ Тобилевичемъ (Карпенко-Карый) и многими другими лицами, впослѣдствіи ставшими его сотрудниками по сценѣ. И такъ, М. Л. немедленно послѣ смерти отца, сильно противившагося его артистической дѣятельности, оставляетъ службу и 12 ноября 1871 года дебютируетъ уже въ одесскомъ народномъ театрѣ гр. Марковыхъ, въ роли „Стецька“, въ извѣстной пьесѣ Квитки-Основьяненка „Сватанье на Гончаривци“. Успѣхъ дебютанта, по словамъ „Одесскаго Листка“, былъ на столько великъ, что Кропивницкому немедленно былъ предложенъ ангажементъ, какъ опытному артисту. Въ качествѣ артиста М. Л. служитъ на различныхъ провинціальныхъ сценахъ и даже въ Петербургѣ до 1875 года. Вездѣ онъ пользуется выдающимся успѣхомъ, особенно въ малорусскихъ пьесахъ.

Между прочимъ, въ 1873 г., служа въ Харьковѣ, въ товариществѣ, состоящемъ подъ управленіемъ Колюпанова, М. Л. ставитъ на сценѣ первое свое драматическое произведеніе „Дай серцю волю, заведе у неволю“, написанное еще въ 1863-мъ году. Здѣсь же онъ поставилъ весь малорусскій репертуаръ, состоявшій тогда не болѣе какъ изъ десятка разрѣшенныхъ къ представленію пьесъ. Въ 1875 году Кропивницкій былъ приглашенъ на гастроли въ Галицію, въ тамошнюю малорусскую труппу. Пробывъ тамъ 4 мѣсяца, М. Л. возвратился въ Россію и до конца зимняго сезона оставался въ Елисаветградѣ, неустанно трудясь надъ устройствомъ любительскихъ малорусскихъ спек-

таклей. Въ слѣдующемъ 1876 году послѣдовало безусловное запрещеніе какихъ бы то ни было малорусскихъ спектаклей, и Кропивницкій принужденъ былъ выступать исключительно въ русскихъ пьесахъ, но тамъ онъ является уже въ качествѣ режиссера. Вѣроятно, въ это-то время М. Л. пріобрѣлъ тотъ громадный запасъ административной и, главнымъ образомъ, режиссерской опытности, которымъ и не замедлилъ воспользоваться въ самомъ непродолжительномъ времени съ такимъ блестящимъ успѣхомъ. Именно: въ 1881 году М. Л. Кропивницкій, служа режиссеромъ въ Кременчугѣ у Г. А. Ашкаренка, положилъ, такъ сказать, начало новой эры для родного искусства, подавъ совмѣстно со своимъ антрепренеромъ прошеніе Министру Внутреннихъ Дѣлъ, графу Лорисъ-Меликову въ декабрѣ мѣсяцѣ о разрѣшеніи дать нѣсколько малорусскихъ спектаклей. Просьба была удовлетворена, и вотъ здѣсь-то началось самое плодотворное время въ дѣятельности М. Л. Имѣя въ запасѣ нѣкоторыя знакомства послѣ любительскихъ спектаклей и съ замѣчательнымъ умѣньемъ угадывая и распознавая таланты, Кропивницкій, работая исключительно среди новичковъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ добивается образцоваго ансамбля, которому могла-бы позавидовать любая труппа. Несомнѣнно, что новое дѣло созидалось на весьма прочныхъ основаніяхъ и имѣло превосходнаго руководителя, если такого короткаго времени было достаточно для того, чтобы вполнѣ окрѣпнуть и окончательно побѣдить всякія непріязненныя предубѣжденія, которыми всегда сопровождается каждая новая идея, каждое смѣлое предпріятіе. Не прошло съ того времени и 15 лѣтъ, какъ Кропивницкій создалъ цѣлую школу, въ которой выдвинулись замѣчательные артисты, могущіе по своей игрѣ смѣло соперничать со своимъ учителемъ. Укажемъ хотя-бы на Саксаганскаго, какъ на самаго талантливаго ученика этой школы, вообще далеко не бѣдной талантами. Да и на первыхъ порахъ дѣйствительность не замедлила обнаружить, что можетъ сдѣлать во-время начатое дѣло высоко талантливымъ иниціаторомъ. Какъ мы уже сказали, втеченіе двухъ лѣтъ Кропивницкій добился рѣдкаго ансамбля, новички сдѣлались опытными артистами; пребываніе труппы въ

каждомъ изъ городовъ сопровождалось колоссальнымъ успѣхомъ и самыми восторженными отзывами прессы. Объѣздивъ такимъ образомъ всѣ значительные города юга Россіи, въ ноябрѣ 1886 года Кропивницкій рѣшилъ поѣхать въ Петербургъ. Здѣсь спектакли его также произвели фуроръ. Публика и пресса были приведены въ восторгъ. Такіе вліятельные цѣнители искусства въ Петербургѣ, какъ Суворинъ, утверждали, что труппа изобилуетъ талантами. (И дѣйствительно, въ составъ ея тогда входили: Кропивницкій, Заньковецкая, Затыркевичъ-Карпинская, Саксаганскій, Карпенко-Карый, Максимовичъ, Садовскій и другіе). Были даны: спектакль въ театрѣ „Фантазія“ въ присутствіи Государя съ Августѣйшимъ семействомъ и парадный спектакль съ Высочайшаго соизволенія въ Императорскомъ Маріинскомъ театрѣ. Кропивницкій съ другими премьерами своей труппы былъ представленъ Государю и удостоенъ Высочайшихъ подарковъ, а также Великому Князю Михаилу Николаевичу и Супругѣ его, въ собственномъ Ихъ Высочествъ дворцѣ. Къ сожалѣнію, въ это же время начали возникать въ труппѣ между членами товарищества взаимныя недоразумѣнія, вызванныя главнымъ образомъ скопленіемъ талантливыхъ артистовъ, которые, работая въ одной труппѣ, не находили себѣ достаточно широкаго поля дѣятельности. Къ этой причинѣ присоединились и другія, ничего общаго съ интересами искусства не имѣющія, которыя послѣдовательно привели къ полному разрыву между артистами и режиссеромъ. Не будемъ останавливаться на этой печальной страницѣ въ исторіи малорусскаго театра, хотя-бы просто потому, что въ данномъ случаѣ трудно быть безпристрастнымъ, или нужно было-бы весьма тщательно изучить всѣ закулисныя отношенія членовъ товарищества, но едва ли подобный трудъ можетъ представить какой либо интересъ [1]). Констатируемъ только лишь тотъ фактъ, что въ 1889 году Кропивницкій окончательно разошелся съ товариществомъ, но энергія его отнюдь не истощилась, такъ что послѣ небольшого перерыва въ томъ же 1889 году М. Л. уже съ новою, совсѣмъ мо-

[1]) Насколько извѣстно, М. Л. Кропивницкій въ этотъ промежутокъ времени два года состоялъ артистомъ въ труппѣ М. Старицкаго.—*Ред.*

лодою, труппою выступаетъ въ небольшихъ городахъ юга Россіи. Хотя во второй труппѣ Кропивницкаго уже нѣтъ такого скопленія большихъ талантовъ, но общаго ансамбля онъ добивается такъ же быстро и уже въ 1890 году имѣетъ въ Петербургѣ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Но и эта труппа оказывается также не долговѣчна, и послѣ окончанія зимняго сезона 1893 г. товарищество, къ величайшему огорченію М. Л., почти неожиданно прекратило свое существованіе. Эта неудача глубоко поразила искренно преданнаго своему дѣлу М. Л., и онъ хотѣлъ совершенно отрѣшиться отъ режиссерской дѣятельности и въ теченіе двухъ лѣтъ ограничивался лишь тѣмъ, что ѣздилъ на гастроли. Однако глубокая преданность идеѣ, сознаніе обязанностей по отношенію къ своему таланту и любовь къ дѣлу взяли верхъ надъ личной обидой, и въ 1895 году Кропивницкій уже съ третьей труппой гастролируетъ въ Харьковѣ и совершаетъ артистическія поѣздки въ другіе города юга Россіи до настоящаго дня.

Такимъ образомъ мы видимъ, что М. Л. Кропивницкій не только основалъ дѣло, но и послѣдовательно приготовилъ ему нѣсколько поколѣній работниковъ; и до сихъ поръ многіе талантливые дѣятели на малорусской сценѣ, многимъ обязаны Марку Лукичу; и до сихъ поръ желающіе работать для роднаго искусства могутъ поступать, такъ сказать, „въ обученіе“ въ труппу Кропивницкаго, гдѣ воспользуются благотворнымъ вліяніемъ М. Л. Эти-то заслуги и создали Кропивницкому имя „основателя малорусскаго театра“, „батька украинской сцены.“

Предоставимъ театральнымъ рецензентамъ разбирать игру и особенности ея у М. Л., а позволимъ себѣ еще нѣсколько остановиться на Кропивницкомъ, какъ писателѣ драматургѣ [1]). Перо М. Л., въ значительной мѣрѣ обогатившее малорусскій репертуаръ, создало цѣлую серію пьесъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ трехъ изданіяхъ его сборника, а кромѣ того нѣсколькими отдѣльными мелкими изданіями и произведеніями, помѣщенными на стра-

[1]) Въ будущемъ 1897 году мы разсчитываемъ помѣстить въ нашемъ журналѣ обширную статью о малорусской драмѣ вообще и о драмахъ М. Л. Кропивницкаго въ частности—*Ред.*

ницахъ журнала „Артистъ“ и др. О первомъ изданіи сборника его драм. сочин., вышедшемъ въ Кіевѣ въ 1882 году и составляющемъ теперь библіографическую рѣдкость, своевременно на страницахъ нашего журнала (Кіевская Старина 1883 года, ноябрь) была помѣщена подробная библіографическая замѣтка съ разборомъ всѣхъ помѣщенныхъ въ сборникѣ пьесъ, среди которыхъ находилась „Глитай або-жъ павукъ“, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, нынѣ, къ сожалѣнію, снятая съ репертуара. Второе изданіе сборника представляетъ собою почти повтореніе перваго. За то громадный интересъ возбуждаетъ третій сборникъ,—это „Повный збирнык творивъ М. Л. Кропивницкаго,“ вышедшій въ Харьковѣ въ прошломъ году; онъ содержитъ въ себѣ не только всѣ разрѣшенныя къ представленію пьесы, напечатанныя раньше въ отдѣльныхъ и періодическихъ изданіяхъ, но и цѣлую серію пьесъ, нигдѣ дотолѣ не печатавшихся. Не будемъ подробно останавливаться на каждой пьесѣ Кропивницкаго, тѣмъ болѣе, что не ко всякой изъ нихъ можно примѣнить одинаковыя требованія: многія написаны исключительно для того, чтобы доставить посѣтителю театра возможность посмѣяться здоровымъ и непринужденнымъ смѣхомъ; таковы пьесы какъ оригинальныя, такъ и съ заимствованнымъ сюжетомъ: „Пошылысь у дурни,“ „Джигунъ“, „Помырылысь“, „Писни въ лыцяхъ“, „Вусы“, „Пидгоряне“ и проч., въ которыхъ авторъ прекрасно справляется со своей задачей, насквозь пропитывая ихъ богатымъ, народнымъ украинскимъ юморомъ. Но въ большемъ количествѣ случаевъ авторъ задается гораздо болѣе серьезными цѣлями: онъ имѣетъ въ виду перенести, такъ сказать, цѣликомъ на сцену украинское село, кстати сказать, прекрасно авторомъ изученное, со всѣми и свѣтлыми, и мрачными сторонами деревенской жизни. Особенно сосредоточиваетъ Кропивницкій свое вниманіе на типѣ, въ высшей степени въ настоящее время распространенномъ,—разбогатѣвшаго крестьянина, стремящагося изображать нѣчто высшее въ общественномъ отношеніи, чѣмъ простой „мужикъ“. Всѣ эти малорусскіе „мѣщане во дворянствѣ“ прекрасно воплощены во многихъ дѣйствующихъ лицахъ пьесъ: „Дви семьи“, „Олеся“,

и „Чмырь“, гдѣ они дѣйствуютъ на сценѣ, какъ живые люди, возбуждаютъ глубокій интересъ, зачастую вызываютъ смѣхъ, но неизбѣжно навѣваютъ цѣлый рой самыхъ печальныхъ думъ и размышленій на тему о непроницаемомъ духовномъ мракѣ, окутавшемъ густымъ покровомъ наше земледѣльческое сословіе; подобное же дѣйствіе производитъ и прекрасная картинка крестьянскаго судопроизводства, этюдъ—„По ревизіи“. Но, какъ видно, слишкомъ любитъ Марко Лукичъ изображаемую имъ среду, для того, чтобы остановиться исключительно на однѣхъ отрицательныхъ ея сторонахъ; онъ проникаетъ сквозь покровъ мрака и отыскиваетъ въ этой простой средѣ типы, исполненные самыхъ лучшихъ задатковъ, способные даже чуть-ли не на геройскіе подвиги; таковъ Иванъ въ пьесѣ: „Дай сердцю волю, заведе въ неволю“. Какъ только авторъ коснулся этого собственно эпизодическаго лица, онъ забылъ обо всемъ окружающемъ, о герояхъ пьесы, о развитіи дѣйствія и заставляетъ зрителя вмѣстѣ съ собою увлечься этимъ въ высшей степени симпатичнымъ типомъ. Кромѣ того, М. Л. разбираетъ и другія стороны крестьянской жизни: онъ разбираетъ строй семьи (Зайдыголова), общественное явленіе кулачества (Глитай), а также иногда удаляется въ глубь временъ и съ замѣчательной живостію рисуетъ бытовыя картины прошлыхъ временъ и вѣковъ; таковы: „Невольникъ“. Сюжетъ этой пьесы взятъ изъ поэмы Шевченка того-же заглавія. Наконецъ, послѣднее произведеніе М. Л. „Вій“, фантастическая пьеса, написанная по извѣстной повѣсти Гоголя. Кромѣ того, намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что портфель М. Л. заключаетъ въ себѣ нѣкоторое количество пьесъ, какъ оконченныхъ, такъ и недоведенныхъ еще до конца. Надѣемся, что онѣ не замедлятъ съ выходомъ въ свѣтъ и составятъ вкладъ въ малорусскую драматическую литературу, достойный имени автора.

Теперь же искренне привѣтствуемъ „батька украинскаго театра“ въ 25-ти лѣтній юбилей и желаемъ сохраненія ему силъ и энергіи для дальнѣйшей славной дѣятельности на пользу родного искуства на много и много еще лѣтъ. Д. А.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Шпага Карла XII. Въ московскую оружейную палату передана шпага короля Карла XII шведскаго. Сообщая объ этомъ, въ одномъ изъ осеннихъ номеровъ, «Московскія Вѣдомости» сопровождаютъ это свѣдѣніе слѣдующимъ комментаріемъ:

«Карлъ XII послѣ полтавскаго разгрома бѣжалъ въ турецкій лагерь, въ надеждѣ возбудить турокъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Извѣстно, что, будучи въ Бендерахъ, онъ впалъ въ такое изступленіе, что, вынувъ свою шпагу, принялся колоть ею во всѣ стороны. Тогда принуждены были обезоружить его, и шпага его, вынутая изъ ноженъ, осталась въ Бендерахъ. Къ счастью она сохранилась въ Бендерахъ, и бендерскій паша, бывъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ губернаторомъ Измаила, генераломъ Тучковымъ, подарилъ ему эту историческую шпагу, а Тучковъ передалъ ее въ 1822 году одному русскому генералу, уѣзжавшему со службы изъ Измаила въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ шпага Карла XII хранилась въ семействѣ этого генерала. Дочь его, почтенная особа уже 78-лѣтняго возраста, представила эту драгоцѣнность на Высочайшее распоряженіе, а Государь Императоръ повелѣлъ отправить ее на храненіе въ оружейную палату.

Шпага эта имѣетъ всѣ признаки достовѣрности: на клинкѣ вычеканено золотомъ «Carolus XII» .Владѣлица шпаги возила ее въ Парижъ, гдѣ знатоки признали ее подлинною, и артиллерійскій музей предлагалъ купить ее; но владѣлица шпаги уклонилась отъ сего, считая этотъ памятникъ достояніемъ Россіи.»

Разсказъ объ «изступленіи» и «обезоруженіи» Карла XII совершенно не вѣренъ. Возстановляя подлинные факты по достовѣрнымъ историческимъ источникамъ, князь А. В. Дабижа помѣстилъ въ № 244 «Journal de S-t Petersbourg» этого года разсказъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ взята была шпага короля-героя. Съ

разрѣшенія нашего уважаемаго сотрудника, приводимъ въ переводѣ его замѣтку, касающуюся лица, имя котораго фигурируетъ на страницахъ исторіи Малороссіи въ одинъ изъ самыхъ драматическихъ ея моментовъ.

Едва лишь сабля Ракочи [1]) покинула Императорскую Оружейную Палату, какъ шпага Карла XII Шведскаго появилась тамъ.

Это событіе не могло пройти незамѣтнымъ, хотя бы ужъ по причинѣ тѣхъ необычайныхъ обстоятельствъ, при которыхъ этотъ предметъ былъ взятъ нѣкогда у его обладателя.

Я не могу отказать себѣ въ желаніи возстановить, при этомъ случаѣ, въ его истинномъ свѣтѣ разсказъ, который наши большіе ежедневники воспроизвели, въ своемъ простодушіи, въ старомъ и изуродованномъ видѣ.

Газетное сообщеніе, передавая исторію этого оружія, докладывало намъ на дняхъ, что неустрашимый противникъ Петра Великаго «вынулъ свою шпагу изъ ноженъ въ минуту вступленія и принялся колоть ею направо и налѣво, до тѣхъ поръ пока не явилась необходимость его обезоружить.»

Я съ трудомъ представляю себѣ Карла XII, спокойнаго и холоднаго въ самыя критическія минуты своей жизни, всегда полнаго самообладанія, относящагося повидимому одинаково къ радости, какъ и къ печали, безстрастно присутствующаго при пораженіи подъ Полтавой, при потерѣ своего войска, крушеніи всѣхъ своихъ горделивыхъ замысловъ,—я не могу представить себѣ этотъ образецъ сдержанности, котораго вошедшее въ поговорку хладнокровіе никогда неизмѣняло себѣ, этого молчальника, также скупого на жесты и на слова,—въ той роли, которую хочетъ навязать ему эта забавная газетная справка.

Не думая читать урокъ исторіи, я считаю умѣстнымъ напомнить главные моменты этого необычайнаго приключенія, которое современники короля назвали турецкимъ словомъ *калабаликъ*, значащимъ буквально *охота на льва*, и которое, въ свое время, надѣлало, быть можетъ, больше шуму, чѣмъ всѣ побѣды воинственнаго шведа.

Въ минуту, когда были истощены всѣ усилія, чтобы прійти къ миролюбивому разрѣшенію разногласія, вышедшаго между королемъ и

---

[1]) Переданная по распоряженію Е. В. Государя Императора въ венгерскій національный Музей.

посланцами султана, и когда пушки начали гремѣть передъ шведскимъ лагеремъ въ Варницѣ, неустрашимый Карлъ XII рѣшился держаться съ своими *семьюстами* шведами противъ войска въ *пятнадцать тысячъ человѣкъ*.

Съ обнаженной шпагой, онъ проложилъ себѣ путь черезъ сплошную массу осаждающихъ. Вырвавшись изъ рукъ янычаръ, хотѣвшихъ взять его въ плѣнъ, чудомъ спасаясь отъ смерти, раненный въ лицо, онъ пробился съ тридцатью изъ своихъ къ дверямъ дворца. И здѣсь еще, одинъ на одинъ, онъ хотѣлъ сражаться съ врагами. Только употребивъ въ дѣло силу, стража его успѣла увлечь его внутрь дворца.

Многочисленные татары и турки уже ворвались туда и предавались грабежу королевской казны. Во главѣ своего маленькаго отряда, Карлъ бросается на нихъ, колетъ и рубитъ и разсѣиваетъ грабителей послѣ короткой схватки. Въ самый разгаръ стычки, окруженный густымъ дымомъ, перерѣзываемымъ только ударами выстрѣловъ, отдѣленный на минуту отъ товарищей, онъ вступаетъ въ борьбу съ тремя янычарами. Длинной своей шпагой онъ поражаетъ двухъ изъ нихъ; но остающійся въ живыхъ третій, въ свою очередь наноситъ ему жестокій ударъ палашемъ. Будучи обязанъ спасеньемъ жизни только случаю да своей большой мѣховой шапкѣ,—дѣло происходило зимой,—король раненный видитъ себя притиснутымъ къ стѣнѣ четвертымъ противникомъ. Одинъ изъ шведовъ раздробляетъ ему черепъ выстрѣломъ изъ пистолета, а Карлъ ударомъ шпаги избавляется отъ своего перваго преслѣдователя. Двое другихъ, скрытые въ спальнѣ короля, не успѣваютъ прицѣлиться въ него: *однимъ* взмахомъ своего ужаснаго клинка онъ пригвождаетъ ихъ къ полу. Третій, обезумѣвшій отъ всего видѣннаго, бросается къ его ногамъ, прося пощады. Карлъ даруетъ ему жизнь и выпроваживаетъ его самъ, черезъ окно, приказывая разсказать своимъ начальникамъ о томъ, что онъ здѣсь видѣлъ.

Очистивъ такимъ образомъ мѣсто,—непріятель оставилъ тамъ лишь своихъ убитыхъ и раненныхъ,—Карлъ и его солдаты стали у оконъ, съ карабинами въ рукахъ, ожидая новой аттаки.

Она не заставила себя ждать. И на этотъ разъ еще король обязанъ былъ своимъ спасеніемъ храброму оруженосцу Акселю Роосу. Едва перевязавъ кое-какъ свою рану, онъ бросился къ окнамъ, въ которыя старался проникнуть потокъ осаждающихъ. Учащенные залпы изъ мушкетовъ обратили ихъ въ бѣгство.

Наступилъ моментъ пріостановки борьбы.

Бендерскій паша и крымскій ханъ, прійдя въ бѣшенство отъ того, что не могутъ справиться съ этою горстью людей, рѣшили положить конецъ этому невѣроятному бою.

Турецкія пули стали ударяться о стѣны королевскаго жилища. Стрѣлы съ перьями, напитанными воспламеняющимися веществами, послѣдовали за ними и подожгли крышу дома. Вскорѣ весь домъ представлялъ изъ себя лишь пылающій островъ, такъ какъ осаждающіе, пользуясь замѣшательствомъ шведовъ, нагромоздили вокругъ стѣнъ множество горючихъ предметовъ. Огонь проникалъ быстро внутрь дворца, пожирая все на пути.

Вдругъ громкіе крики раздались въ рядахъ непріятельской арміи: крыша дворца обрушилась. Тогда глазамъ всѣхъ представилось зрѣлище, единственное въ своемъ родѣ: король, съ послѣдними защитниками крѣпости, стоялъ у оконъ нижняго этажа, среди потоковъ пламени, удушаемый дымомъ, но спокойный и готовый защищаться до послѣдней крайности.

Двое изъ шведовъ были уже опасно ранены обрушившимися горящими балками. «Государь, рѣшился сказать тѣлохранитель Вальбергъ, такое положеніе непереносимо. Ваше Величество признаетъ безъ сомнѣнья безполезнымъ заставлять погибать насъ среди огня. Не лучше ли будетъ удалиться отсюда?»

— Нѣтъ, сказалъ Карлъ съ досадой, гораздо почетнѣе умереть со славой, чѣмъ сдаться, чтобы продолжить немного наше существованіе. Къ тому же, прибавилъ онъ, я не вижу никакой опасности до тѣхъ поръ, пока платья наши не горятъ и не жгутъ намъ кожу.»

Вслѣдъ за этимъ кусокъ горящаго бревна, оторвавшись отъ переводинъ, упалъ ему на голову. Шведы вынуждены были удалиться въ послѣднюю уцѣлѣвшую комнату, бывшую опочивальню короля.

«Любезный Роосъ, сказалъ тогда Карлъ своему вѣрному товарищу, я надѣюсь, что мы останемся здѣсь до послѣдней минуты, пока все будетъ кончено.»

Эти нѣсколько храбрецовъ, твердо рѣшившіеся умереть за своего короля, окруженные въ своемъ убѣжищѣ, покрытые кровью и обжогами, задыхаясь отъ жары и дыму, мужественно отвѣчали на непріятельскій огонь.

Карлъ XII, сражавшійся до сихъ поръ только шпагою, схватилъ въ руки карабинъ и, выстрѣливъ изъ него въ турка, вырвался впередъ, съ обычнымъ своимъ презрѣніемъ къ опасности, подвергая себя граду пуль, сыпавшихся вокругъ него. Роосъ имѣлъ лишь время бро-

ситься впередъ его и тотчасъ упалъ, пораженный въ голову, на руки короля.

Огонь настигалъ шведовъ въ ихъ послѣдней засадѣ, когда Росъ, который былъ только раненъ, прійдя въ чувство послѣ удара, рѣшился предложить королю сдѣлать вылазку и пробраться боковой пристройкой дворца, которая еще не горѣла.

«Хорошо сказано», замѣтилъ Карлъ, дружески трепля его по плечу: ну, товарищи пора дѣйствовать, бросимся на невѣрныхъ!»

Оторвавши тотчасъ же дверь, маленькій отрядъ героевъ устремился впередъ, съ королемъ во главѣ, держащимъ въ одной рукѣ шпагу, а пистолетъ въ другой, вырываясь какъ вихрь изъ среды пламени, сметая все передъ собою.

Вдругъ король пошатнулся и, запутавшись о что-то шпорами, упалъ. Прежде, чѣмъ онъ могъ сдѣлать какое либо движеніе, толпа янычаръ бросилась на него и обезоружила его.

Какъ только онъ увидѣлъ себя плѣнникомъ, его воинственный пылъ упалъ какъ бы по волшебству. Внезапно успокоенный, онъ громко выразилъ удовольствіе быть во власти янычаръ, избраннаго войска, и избѣжать такимъ образомъ возможности попасть въ руки татаръ, которыхъ онъ презиралъ.

«Охота на льва» длилась приблизительно *девять часовъ*. Двѣсти турокъ нашли въ ней свою смерть.

Царственный плѣнникъ съ большой торжественностью былъ отведенъ въ лагерь паши.

Онъ гордо прослѣдовалъ черезъ городъ Бендеры верхомъ на богато убранномъ конѣ,—но въ какомъ видѣ! Покрытый кровью, грязью и дымомъ, въ одеждѣ, висящей лохмотьями, раненный въ руку, съ почти оторваннымъ концомъ носа и ухомъ, съ обгорѣлыми волосами и бровями, съ лицомъ чернымъ отъ пороха, почти неузнаваемый. «Сѣверный левъ», какъ прозвали его въ Константинополѣ, теперь похожъ былъ болѣе на «желѣзную голову», другое прозвище, данное ему турками [1]). Его осанка оставалась, тѣмъ не менѣе, полной достоинства и величія и представляла странный контрастъ съ безпорядочностью внѣшняго вида.

---

[1]) Это названіе передано было Карлу XII. „Я предпочитаю, чтобъ меня считали лучше сумашедшимъ чѣмъ, трусомъ", сказалъ онъ на это (*Фриксель*. Исторія Карла XII. Книга II).

«Я продолжаю быть королемъ и таковымъ надѣюсь и остаться», отвѣчалъ онъ одному изъ своихъ офицеровъ, сокрушавшемуся о его участи.

Шпага Карла была отдана ему только въ день отъѣзда въ замокъ Демурташъ, близъ Андріанополя, но онъ отвергнулъ ее съ гордостью и запретилъ офицерамъ своей свиты брать обратно свое оружіе, которое имъ возвращали изъ уваженія къ ихъ государю.

«Плѣнникамъ, намъ нечего дѣлать съ этими шпагами, говорилъ онъ имъ. Пусть тѣ, что взяли ихъ у насъ, хранять ихъ у себя; мы съумѣемъ, когда явится возможность, найти другія!»

Въ ту минуту, когда онъ садился въ карету, онъ дѣйствительно нашелъ тамъ шпагу. То была та, что взята у него. Хотѣли настоять чтобъ онъ взялъ ее, несмотря на его отказъ. Но устроить это было не легко.

Карлъ поспѣшилъ надменно выбросить ее изъ экипажа. Одинъ изъ турецкихъ всадниковъ его конвоя поднялъ ее и почтительно подалъ знаменитому обладателю, но также безуспѣшно. Оружіе тотчасъ же выброшено было изъ кареты и упало въ дорожную пыль.

Такимъ образомъ знаменитая шпага Карла XII осталась въ рукахъ злосчастнаго Исмаила-Паши, бендерскаго сераскира, который, будучи переведенъ нѣсколько времени спустя въ Очаковъ, заплатилъ своей головой за «недоразумѣніе», происшедшее въ Варницѣ 1 февраля 1713 года.

Кн. Александръ Дабижа.

Вѣсти о судьбѣ историко-статистическихъ матеріаловъ по Полтавщинѣ.—Въ «Кіев. Стар.» 1893 г., май, стр. 331—338, мною помѣщенъ листокъ новыхъ историко-статистическихъ матеріаловъ по Полтавщинѣ, хранящихся въ архивѣ полтавскаго статистическаго бюро.

Къ величайшему сожалѣнію приходится сообщить, что изъ тѣхъ матеріаловъ уцѣлѣла лишь незначительная часть, такъ какъ изъ архива выкрадено приблизительно до 200 пуд. старыхъ подворныхъ описей и поуѣздныхъ сборниковъ статистическаго бюро. Обиднѣе всего, что полтавскіе лавочники, повидимому, не смущаясь принимали приносимыя воромъ вороха бумаги и употребляли на обертку всякихъ товаровъ. Похититель обнаруженъ и подвергнутъ тюремному заключенію, но потеря остается невознаградимою, и масса интереснаго матеріала погибла навсегда. Въ настоящее же время, по произ-

веденной повѣркѣ оказываются въ наличности въ архивѣ статистич. бюро нижеслѣдующія *подворныя* описи:

Роменскаго уѣзда:

С. Черначья-Слобода 1841—46. 1853—58.
М. Смѣлое, козаковъ 1847—52.
С. Гриневка, тоже 1853—58.
Хрищатицкой нѣмец. колон. 1851—54, 1855—59.

Гадячскаго уѣзда:

С. Кнышевка, госуд. крест. 1847—52.

Лубенскаго уѣзда:

М. Яблуновъ, госуд. крест. 1847—52.
С. Оржица, коз. 1841—46.
» каз.-крест. 1847—52.
» Зарожье, коз. 1853—58.

Хорольскаго уѣзда:

М. Горошинъ, коз. 1857—58, часть 1853—57.

Зѣньковскаго уѣзда:

С. Пирки, коз., часть 1852—55.
» Тарасовка, тоже, часть 1841—46.
» Комыши, тоже, часть 1843—51, 1859—60.

Кобелякскаго уѣзда:

С. Велико-Кобелячковскіе, коз. 1847—52.

Кременчугскаго уѣзда:

С. Максимовка, коз. 1857—59.
» Мозолѣевка, тоже, 1847—48.
» » госуд. крест. 1847—55.

Книги переписи 1835 г. козаковъ.

Хорольск. уѣзда; м. Балаклеи.
Зѣньков. » м. Оношни.
Лубенск. » с. с. Круподеринецъ, Плехова, Денисовки, Великой-Селецкой, Малой-Селецкой, Онушекъ, Золотухъ, Савинецъ, Верхняго Иржавца.

Остальные матеріалы, поименованные на стр. 318, уцѣлѣли въ архивѣ.

В. Василенко.

Сообщеніе очевидца о великомъ пожарѣ въ Кіевѣ на Подолѣ 1811 года. (Изъ донесенія директора Гимназіи Мышковскаго Правленію Виленскаго университета отъ 31-го іюля тогоже года).

Доношу Правленію Императорскаго Университета о необычайномъ несчастіи города Кіева. Это выходящій изъ ряда пожаръ, принадлежащій къ числу величайшихъ, третій отъ основанія этого древняго города и первый со времени Бату-Хана. 9-го іюня въ 1 часу пополудни показался огонь на Подолѣ, въ 3-й части, около Днѣпра, надъ хижиной одного портного, и въ одинъ часъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ среди густыхъ деревянныхъ построекъ распространился болѣе, чѣмъ на версту до 2-й части. Восьминедѣльная засуха и жары приготовили дерево къ воспламененію отъ одной искры, вѣтеръ расширилъ, а запасы олея, сала, водки, пороху и разнаго дерева дали силу огню на такое пространство, что угли достигали до гимназическаго дома на Печерскѣ, бумаги летѣли за 36 верстъ, до города Василькова, а дымъ днемъ и зарево ночью можно было видѣть за 100 верстъ. Самыя улицы, вымощенныя деревомъ, служили проводникомъ огню. Къ вечеру вѣтеръ подулъ съ сѣвера, для полнаго уничтоженія 3-й части. Пожаръ сталъ столь огромнымъ и обширнымъ по захваченной имъ площади, что въ цѣломъ Кіевѣ не хватало людей для его гашенія, тѣмъ болѣе, что прежде всего надо было спасать людей и ихъ имущества, а не жилища, стоявшія предъ неугасимымъ огнемъ, предъ которымъ не могло устоять никакое каменное зданіе, ни склепъ, ни церковь, хоть и крытые желѣзомъ и вымощенные; погреба, съ желѣзными дверьми и рамами, если имѣли хоть что-нибудь деревянное или самое малое отверстіе, выгорѣли также. Остальные дома пламя охватило уже въ 3-мъ часу утра, перешедши половину высокаго побережья между Подоломъ и Печерскомъ. Порывы вѣтра, смѣшаннаго съ пламенемъ, уже бросали угли на заборъ царскаго сада, а пылающая мостовая угрожала уже театру, построенному въ началѣ 1-й части. Военная защита въ соединеніи съ преградой естественной въ видѣ глубокаго рва уничтожали опасность для Печерска, такъ-же, какъ и надбережье въ 50 саж. высоты со стороны Стараго Кіева и каналъ, называемый «Глубочица», со стороны 4-й части. Такимъ образомъ въ теченіе 16 часовъ поглощена необычайнымъ пламенемъ важная часть Кіева, извѣстная подъ названіемъ Подола. 1176 домовъ, Духовная Академія съ Братскимъ монастыремъ, Греческій монастырь, Первоклассный женскій монастырь, 11 церквей каменныхъ и 4 дере-

вянныхъ приходскихъ, обѣ почты, Магистратъ, Контрактовый Домъ и запасы разнаго дерева и другихъ товаровъ на берегу слѣлались добычей огня. Людей сгорѣло больше всего въ женскомъ монастырѣ. Къ этому несчастію присоединилось еще другое: еще во время самаго пожара разнесся слухъ о странномъ пророчествѣ, вышедшемъ изъ умной или глупой головы, но, конечно, не отъ добраго сердца, о будущихъ вскорѣ еще большихъ пожарахъ. Ни одинъ разумный человѣкъ не вѣрилъ пророчеству, но на несчастье показался огонь на Печерскѣ—сгорѣло только 4 дома; тѣмъ не менѣе басня получила такую силу и такъ овладѣла сердцами обывателей города, что они начали выбираться изъ домовъ и искать спасенія въ погребахъ и въ полѣ. Выдающіяся особы съ нашей улицы просили городское правленіе, чтобы имъ позволено было сохранять имущество въ домѣ гимназическомъ, болѣе защищенномъ отъ сосѣдскаго огня, о чемъ отъ имени военнаго губернатора плацъ-майоръ прислалъ мнѣ бумагу. Я охотно согласился. Хотя до этого не дошло, но обширная площадь и гимназическій садъ, нѣсколько дней были какъ бы лагеремъ выбиравшихся изъ домовъ семействъ и имуществъ. Или чрезвычайная засуха, или неосторожность домашнихъ, или замыслы подлыхъ злодѣевъ сдѣлали то, что тревога достигла до высшей степени. День и ночь летали вѣсти и устрашающіе слухи о поджогахъ. Комендатское управленіе, домъ войта и дворянское вѣдомство принимали предосторожности, но энергія городскаго правленія, принятыя мѣры, осторожность, до тысячи войска, стоявшаго ночью, сверхъ того выпавшіе дожди,—послужили къ успокоенію устрашеннаго народа, который мало по малу началъ возвращаться въ брошенные дома, хотя полное спокойствіе еще не наступило и до сихъ поръ. У насъ около гимназіи сторожа стучатъ цѣлую ночь, а въ Крѣпости подымаются мосты, и никто даже въ церкви, въ ней находящіяся, не можетъ быть пропущенъ безъ билета отъ коменданта...

Я прибѣжалъ съ своими домашними и конями на театръ ужаса и воплей и прежде всего принялся за спасеніе изъ дому бывшаго народнаго училища инструментовъ и библіотеки. Жертвуя сотней ради тысячей рублей, я нашелъ людей для выноски, которымъ отдавая подъ тщательнымъ моимъ и моихъ домашнихъ наблюденіемъ инструменты и книги, приказывалъ одни нести на рукахъ, другіе везти въ повозкахъ, прямо въ гимназическій домъ. Но усиливающійся огонь, значительное разстояніе отъ гимназіи, тѣснота отъ повозокъ и людей, особенно вечеромъ и ночью,—все это внушало мнѣ страхъ потери, и

я приказалъ складывать все подальше, прямо на дорогѣ подъ бдительной стражей. Вытащивши все главнѣйшее, когда уже загорѣлась училищная крыша, я распорядился объ отправкѣ всего въ гимназію такимъ же порядкомъ. Въ продолженіи 11-ти часовъ непрерывныхъ усилій окончена была эта работа, а въ половинѣ 1-го или 2-го часа пополуночи былъ охваченъ пламенемъ и самый тотъ помостъ у подгорья, который служилъ намъ складомъ. Не безъ того, конечно, чтобы что-нибудь въ поспѣшности, давкѣ, темнотѣ, при неумѣлости выносившихъ обращаться съ предметами, требующими осторожности, не было попорчено, но со всѣмъ тѣмъ, инструменты и библіотека препровождены счастливо въ гимназію. Съ простыми людьми я расплатился тотчасъ же съ благодарностью, а для неотступнаго писца моего Лушицкаго и для учителя приходской школы Нестеровскаго я прошу у Правленія Императорскаго Университета дворянской награды, дворянскаго чина. Меня весьма утѣшаетъ эта добыча гимназіи, выхваченная изъ когтей Плутона съ горсточкой помощниковъ новаго учрежденія, когда въ тоже самое время стародавняя духовная академія, считающая болѣе тысячи учениковъ и нѣсколько сотъ собственныхъ воспитанниковъ, потеряла какимъ-то образомъ всѣ свои литературные сварбы,—это теперь единственное утѣшеніе и удовольствіе въ тяжелыхъ обстоятельствахъ...» (Переводъ съ польск.). (Архивъ Кіев. I Гимназіи, книга Протоколовъ 1811 г. № 2, л. 41, 42, 44).

При чтеніи этого донесенія можетъ явиться нѣкоторое недоразумѣніе. Откуда спасалъ директоръ инструменты и книги? Дѣло въ слѣдующемъ. Кіевская (теперь I-я) Гимназія преобразована въ 1809 году изъ главнаго народнаго училища, открытаго при императрицѣ Екатеринѣ II въ 1789 году. Гимназія и помѣщалась до 1811 года въ зданіи того-же училища на Подолѣ. Уже былъ готовъ для нея домъ на Кловѣ, на Печерскѣ, но физическіе инструменты и библіотека не были еще съ Подола перевезены въ новое зданіе, почему и пришлось 9-го іюля 1811 года спасать ихъ отъ ярости Плутона.

Присоединяемъ еще два-три эпизода изъ этого печальнаго событія.

«Прибѣжавши на Подолъ, пишетъ тотъ-же Мышковскій, нашелъ я въ стѣнахъ училищнаго корпуса одного только сторожа, который, сыскавши нѣсколько мѣшковъ и наложивши одинъ книгами, не зналъ, что́ дальше съ ними дѣлать. Пока нашелъ я людей, пока досталъ повозокъ и сдѣлалъ распоряженіе къ выносу, какъ прибѣжалъ Г. Берлинскій и, признавъ свой мѣшокъ съ книгами, высыпалъ оныя въ

монхъ очахъ на крыльцо, а потомъ сорвалъ своими руками съ большихъ глобусовъ чехлы съ такимъ отзывомъ, что ему нужно пересыпать муку, которая для него дороже. Чехловъ не возвратилъ онъ въ Гимназію и доселѣ»...

«Учитель Закона Божія, священникъ Иванишевъ въ числѣ 6-ти душъ семейства имѣлъ домъ выгодный, а нынѣ живетъ въ землянкѣ. По отличному усердію къ благовоспитанію, принялъ онъ должность учителя по Греческому исповѣданію и внушеніемъ своимъ послужилъ къ перемѣнѣ мнѣнія горожанъ о новомъ порядкѣ воспитанія. Жалованье свое 75 руб., котораго мало ему и на проѣзды въ училище, отдавалъ онъ прежде на снабдѣніе неимущихъ учениковъ книгами, а теперь самъ бѣдствуетъ съ семействомъ. Великодушный его подвигъ когда оставя пылающій домъ свой, побѣжалъ онъ спасать церковь, разъ нѣсколько загоравшуюся, отливая водою среди окружающаго пламени, успѣлъ съ двумя мальчиками охранить отъ огня, одну только на Подолѣ изъ числа 17 окрестныхъ,—сей рѣдкій поступокъ достоинъ особаго вниманія духовнаго начальства»...

«Учитель холостой подольскаго приходского училища Нестеровскій, имѣвши у одного купца столъ за присмотръ дѣтей и храня тамъ свои вещи, лишился многаго во время пожара; однако, подоспѣвъ ко мнѣ, взялся беречь складываемыя при дорогѣ казенныя вещи и высидѣлъ при нихъ 9 час. на вѣтрѣ, не имѣвши чѣмъ и головы прикрыть»...

(Изъ донесенія директора Мышковскаго Виленскому Университету 1811 года 16 октября. Изъ книги Протоколовъ 1811 г. № 3, л. 5 и 6).

Сообщ. **П. Голубовскій.**

Артиллерійскій музей въ Петербургѣ. Однимъ изъ цѣнныхъ учрежденій столицы, посвященныхъ собиранію и храненію старины, является, безспорно, Артиллерійскій музей, къ слову сказать, не смотря на свою общедоступность, очень мало извѣстный даже Петербургской публикѣ. Цѣннымъ музей представляется именно потому, что, обнимая собой только извѣстную сторону прошлой, а также и современной жизни, онъ даетъ рядъ цѣльныхъ, систематическихъ картинъ, слѣдя за которыми, мы постепенно подвигаемся отъ глубокой старины къ послѣднимъ словамъ науки и техники въ данной области. Область эта, не смотря на то, что музей носитъ названіе артиллерійскаго,

нѣсколько шире—исторія русскаго вооруженія вообще, хотя главное мѣсто все таки занимаетъ огнестрѣльное оружіе. Въ настоящей замѣткѣ мы не имѣемъ намѣренія касаться ни исторіи самого учрежденія (основаніе музея восходитъ къ началу XVIII в.), ни богатаго содержанія его (всѣхъ предметовъ—болѣе 10000[1]) кромѣ вооруженія, здѣсь хранятся и нѣкоторыя вещи обще-историческаго характера; при музеѣ состоитъ также и очень цѣнный спеціальный архивъ старыхъ дѣлъ),—кто интересуется, можетъ получить эти свѣдѣнія изъ прекрасно составленнаго «Историческаго каталога С.-Петерб. Артиллерійск. музея» (въ 3-хъ томахъ), составленнаго завѣдующимъ музеемъ *Н. Е. Бранденбургомъ*; популярный очеркъ музея помѣщенъ *Д. П. Струковымъ* въ Историч. Вѣстникѣ (1892 г., апрѣль—«Артиллерійск. историческій музей въ Петербургѣ»). Въ настоящемъ случаѣ мы желаемъ обратить вниманіе на одинъ изъ отдѣловъ музея, начало которому было положено всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ и который образовался и устраивается по мысли Н. Е. Бранденбурга; какъ увидимъ ниже, отдѣлъ этотъ имѣетъ непосредственное отношеніе и къ нашему югу.

До послѣдняго времени содержаніе музея состояло изъ предметовъ, относящихся къ сравнительно болѣе близкимъ историческимъ эпохамъ; въ настоящее-же время, по мысли Н. Е. Бранденбурга, давно уже составившаго себѣ извѣстность своими археологическими разысканіями, положено начало отдѣлу, гдѣ бы сосредоточивались образцы вооруженія доисторическаго времени и болѣе раннихъ историческихъ эпохъ. Отдѣлъ этотъ началъ устраиваться только недавно, всего нѣсколько лѣтъ, не богатъ количествомъ предметовъ, но обладаетъ уже кое-чѣмъ, чему могъ бы позавидовать и любой западно-европейскій музей. Во всякомъ случаѣ, эта симпатичная мысль заслуживаетъ полнаго вниманія, и желательно было-бы, чтобы какъ общественныя учрежденія, такъ и частные собиратели дѣлились своими дубликатами съ артиллерійскимъ музеемъ.

---

[1]) Предметы малорусской старины почти совершенно отсутствуютъ; есть олько мортира, вылитая на средства Мазепы, со слѣдующей надписью: „За царства пресвѣтлѣишаго и великодержавнѣишаго госꙋдара цара и великаго кнѧзѧ Петра Алексѣевича всеѧ великиѧ и малиѧ и бѣлиѧ россіи самодержца старанемъ же и коштомъ ѧсне велможнаго его мл҃сти пн҃а Ноана Мазепы гетмана з воискомъ Запорожскимъ“. Кромѣ того есть, одна пушка половины XVIII., если не ошибаемся, Кочубея.

Какъ мы уже сказали, предметовъ въ этомъ отдѣлѣ еще очень немного: въ круглой витринѣ, занимающей середину этого уголка музея, расположено каменное и бронзовое оружіе: наконечники стрѣлъ, копій, молотки, топоры, происхожденія большей частью южнаго—есть, напр., предметы изъ кіевской и екатеринославской губерній. Но зато замѣчательной полнотой отличается подборъ предметовъ, происходящихъ изъ могилъ, гдѣ обнаружено такъ наз. погребеніе съ конемъ, изученіемъ котораго спеціально занимается Н. Е. Бранденбургъ [1]; почти всѣ остальныя витрины заняты разнообразными предметами изъ этихъ могилъ; тутъ царитъ каневскій уѣздъ, такъ какъ наиболѣе характерныя могилы этого типа находятся именно въ каневскомъ уѣздѣ. Здѣсь есть цѣлый рядъ желѣзныхъ шлемовъ (одинъ съ маской), панцырей, сабель, остатки сѣделъ, принадлежности сбруи, украшенія и т. д. Не довольствуясь сохраненіемъ отдѣльныхъ предметовъ, Н. Е. Бранденбургъ задумалъ перенести цѣликомъ такое погребеніе въ музей, для того, чтобы можно было имѣть полную картину его. Съ этой цѣлью, во время раскопокъ въ каневскомъ у., были намѣчены два кургана; раскопка ихъ остановлена въ тотъ моментъ, когда можно было надѣяться встрѣтить самое погребеніе; затѣмъ, эти мѣста обкопаны, образовавшіяся двѣ громадныя четырехгранныя глыбы плотной глины обложены брусьями, перевязаны и на волахъ отправлены на желѣзнодорожную станцію, а оттуда въ Петербургъ. И уже тутъ, въ музеѣ, была докончена раскопка: всѣ обнаруженные предметы оставлены и закрѣплены такъ, какъ они найдены. Впечатлѣніе получается полное: вы какъ будто-бы спустились въ только что раскопанную могилу этого воина и видите всѣ детали погребенія: вотъ гробъ, сколоченный изъ толстыхъ досокъ, въ немъ лежитъ вытянутый скелетъ; возлѣ гроба разбросаны части сѣдла (костяныя), тутъ-же черепъ вѣрнаго товарища погребеннаго—лошади; въ этой могилѣ гробъ не вполнѣ сохранился, и верхняя крышка его, сгнивши, провалилась, нарушивъ общую картину. Вполнѣ за то сохранилась вторая изъ перевезенныхъ могилъ: гробъ здѣсь цѣлъ, на верхней крышкѣ лежатъ сабля и наконечникъ копья (древко сгнило), часть одной изъ боковыхъ сторонъ пропилена, и черезъ образованное отверстіе можно видѣть скелетъ; въ томъ-же направленіи, что и гробъ, рядомъ съ нимъ—цѣлый остовъ лошади, которая какъ бы присѣла на всѣ че-

[1]) На Рижскомъ арх. съѣздѣ имъ былъ доложенъ рефератъ, касающійся этого вопроса (см. нашъ отчетъ о съѣздѣ въ октябрьской кн. „Кіевск. Стар.“ за этотъ годъ).

тыре ноги; что остову лошади при соединеніи костей его, придано положеніе такое, какое было въ дѣйствительности, на это указываетъ выставленный тутъ-же въ витринѣ фотографическій снимокъ). Надо отдать полную справедливость Н. Е. Бранденбургу—въ дѣлѣ храненія памятниковъ нашей старины трудно дальше идти!

Н. Бѣляшевскій.

Изъ путевыхъ замѣтокъ Великаго Князя Николая Павловича (1816 года). Извѣстно, что Императоръ Николай I, въ бытность еще великимъ княземъ, для довершенія своего образованія, лѣтомъ 1816 года предпринялъ поѣздку по Россіи. Для этого путешествія составлена была особая инструкція съ указаніемъ, гдѣ и какъ великому князю обозрѣвать назначенныя губерніи, на что обращать вниманіе и т. под. Между прочимъ, согласно желанію Императрицы-Матери, Николай Павловичъ велъ, въ продолженіе путешествія, журналъ въ двухъ отдѣлахъ: одинъ подъ названіемъ «Общій журналъ по гражданской и промышленной части» и другой—«Журналъ по военной части». Оба они сохранились; отрывки изъ нихъ напечатаны въ недавно вышедшемъ 98 т. «Сборника И. Р. Историческаго Общества», всецѣло посвященномъ матеріаламъ къ біографіи императора Николая I. Въ виду малодоступности этого цѣннаго изданія, извлекаемъ изъ названныхъ отрывковъ лишь то, что относится къ нашему краю.

«Въѣзжая въ черниговскую губернію изъ Бѣлоруссіи, проѣзжать должно чрезъ отлично богатую раскольничью слободу Добрянку; они (жители) всѣ весьма благонравны и чистые старовѣрцы, безъ всякой примѣси другихъ раскольничьихъ сектъ; ихъ до 1500 душъ... Въ Черниговѣ церкви весьма древни и тѣмъ только и хороши, но не въ лучшемъ вкусѣ. Прекрасный каменный новый острогъ со стѣною; въ немъ двѣ тюрьмы, но худо содержаны, а главная посереди каменная, очень хорошая; въ немъ болѣе 150 арестантовъ, изъ нихъ нѣкоторые болѣе 5-ти лѣтъ содержатся за невоспослѣдовавшимъ рѣшеніемъ Сената.—Школа за городомъ, въ коей живетъ 150 студентовъ; гимназія довольно хорошая, но сумма столь маловажна, что никоимъ образомъ нельзя ихъ порядочно содержать; напримѣръ, лѣтнее одѣяло парусинное полагается одно на 6 лѣтъ, а на содержаніе школьника по 3 копѣйки на день.—Ремесленное училище въ довольно хорошемъ, но худо содержанномъ зданіи; въ немъ до 60-ти и болѣе учениковъ, кои довольно хорошо работаютъ, особливо слесари и столяры.

Городовая больница довольно хороша, но не велика, и строеніе старое и худо поддерживается. Домъ сумасшедшихъ отмѣнно хорошъ и хорошо содержанъ, равно и аптека. Вообще всѣ заведенія Приказа очень хороши; жаль только, штаты положены такіе, что никоимъ образомъ содержать ихъ какъ должно невозможно; однако, сумма Приказа довольно велика, ибо считается до 962,000 съ копѣйками, но изъ оной до 300,000 отдано въ займы».

«Полтавская губернія ставитъ на службу 9 козачьихъ полковъ по 1200 человѣкъ. Нынче они распущены. Они учреждены были въ 12-мъ году, и равно какъ и черниговскіе, въ мирное время не служатъ и никакой пользы не приносятъ» (послѣ того слѣдовали слова: «то становятся въ тягость губерніямъ, кои ихъ одѣваютъ», но Великій Князь зачеркнулъ ихъ).

«О сю пору при Харьковскомъ университетѣ обучающихся студентовъ 180, весьма мало для столь обширной округи; но должно замѣтить, что число оныхъ ежегодно увеличивается и что въ послѣдніе годы большая часть молодыхъ людей увлечены были войною въ военную службу предпочтительно наукамъ»...

«Для увеличенія торговли Одессы, столь полезной и важной въ нынѣшнее время, необходимо нужно было бы сдѣлать слѣдующія работы: 1) увеличить гавань и укрѣпить батареями, которыя бъ защищали какъ гавань, такъ и рейду; безъ этого гавань сія никогда не будетъ годна, и нынѣ даже среди лѣта опасна; 2) сдѣлать пространнѣе карантинъ, который, отъ большого числа кораблей, пассажировъ и товаровъ, никакъ не достаточенъ; 3) опредѣлить особый отрядъ или баталіонъ, который бы принадлежалъ къ гавани и къ карантину и содержалъ посты на приходящихъ корабляхъ, ибо нынѣ войска недостаточно. Касательно же торговли мнѣ случилось слышать отъ особъ, давно занимающихся одесскою торговлею, что ежелибъ можно было ее объявить вольнымъ портомъ (port franc), то не только городъ отъ того бъ выигралъ, но даже вся торговля Средиземнаго и Чернаго морей симъ бы была сосредоточена въ Одессу и сверхъ того почти совершенно вывозная; ибо иностранный товаръ, какъ то: сукна, шали, шелковыя матеріи и проч. отъ карантинныхъ разныхъ предостерегательныхъ способовъ приходятъ въ негодность, и потому вся ввозная торговля можетъ только состоять въ винахъ, сахарѣ и проч., и отъ того Одесса будетъ всегда первымъ вывознымъ россійскимъ портомъ, и тогда можетъ быть первымъ торговымъ портомъ въ Россіи».

Природа Крыма очень понравилась великому князю, но не понравилось ея коренное населеніе: «Нѣтъ бѣднѣе и лѣнивѣе сихъ южныхъ татаръ», читаемъ въ журналѣ; «ибо какъ природа имъ все даетъ безъ дальнѣйшаго труда, то и нужды ихъ тѣмъ самымъ отмѣнно ограничены». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «Еслибъ Крымъ былъ не въ татарскихъ рукахъ, то бъ былъ совсѣмъ другимъ. Тамъ, гдѣ помѣщики и переселенцы русскіе или малороссійскіе, то все иначе: и хлѣбъ есть и обширные сады,—словомъ, пользуются богатствомъ благословенной сей земли».

Нельзя не пожелать, чтобы путевые журналы В. Кн. Николая Павловича были изданы въ полномъ видѣ, такъ какъ, судя даже потѣмъ весьма скуднымъ отрывкамъ изъ нихъ, какіе пока напечатаны, можно составить уже понятіе, насколько это важный и любопытный матеріалъ по самому ихъ содержанію, независимо отъ личности автора.

О. Л.

Черты характера гр. П. А. Румянцова. Въ одной рукописной повѣсти А. М. Марковича (1790†1865), издателя «Дневныхъ Записокъ» его дѣда Якова Марковича, мы встрѣтили слѣдующее мѣсто: «Въ часъ досуга онъ (одно изъ лицъ повѣсти) забавлялъ его милость (другое лицо повѣсти), разсказывая, напр., великолѣпное путешествіе императрицы Екатерины чрезъ Новгородсѣверское намѣстничество, какъ принималъ ея величество гр. Румянцовъ, какъ жилъ онъ въ своихъ готическихъ замкахъ въ Вишенькахъ и Ташанѣ, какъ мыши съѣли у него (Румянцова) 20 тысячъ ассигнацій, какъ въ разговорѣ называлъ онъ всѣхъ—батушка, какъ одного простодушнаго просителя увѣряли, будто графъ любитъ, чтобы его называли такъ-же, и какой отвѣтъ получилъ отъ графа проситель на это фамиліарное привѣтствіе; какъ графъ любилъ по окончаніи обѣда сидѣть часа по два за столомъ, часто къ большому затрудненію собесѣдниковъ, какъ спросилъ онъ однажды у г. Жоравки (Ив. Тим., генер. есаулъ и членъ малорос. коллегіи)—скажите, батушка, какая самая выгодная промышленность въ Малороссіи? и какъ тотъ отвѣчалъ: быть опекуномъ, ваше сіятельство! какъ портной Заика просилъ чина и какъ фельдмаршалъ потребовалъ, чтобы онъ сшилъ ему, не снимая мѣрки, мундиръ»... Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ приведенныя здѣсь подробности взяты Марковичемъ изъ разсказовъ лицъ, лично знавшихъ Румянцова, такъ какъ Марковичъ всю жизнь прожилъ около Глухова и въ

своей молодости, конечно, зналъ многихъ современниковъ знаменитаго правителя Малороссіи. Относительно съѣденныхъ мышами ассигнацій можно сказать, что этотъ случай былъ очень возможенъ при томъ значительномъ скопленіи денегъ у Румянцова, какое у него, повидимому, бывало обыденнымъ явленіемъ. У насъ имѣется рукописный «Журналъ представленій его сіятельству г. генералъ-фельдмаршалу многихъ орденовъ кавалеру, сущему побѣдителю Отоманской имперіи», веденный въ 1792 г. однимъ изъ управляющихъ Румянцова—Подлузскимъ; въ этомъ «журналѣ» находимъ, напр., счетъ денегъ, имѣвшихся въ мартѣ 1792 г. въ Черешенкахъ, *въ кладовой*. Въ этомъ счетѣ значится:

1) «Пріемъ покойнаго Петра Мартыновича Юркевича: серебряныхъ—23681 р. 64 к.; золотыхъ империалами—830 р.; голландскихъ червоныхъ на 28 р. 50 к.; ассигнацій—46375 р.; мѣдныхъ—21277 р. 55 к.».

2) «Пріемъ флигель-адъютанта Данила Петровича Юркевича въ 1790 г.: ассигнацій на 41000 р., мѣдныхъ—3417 р.».

3) «Къ оному числу 1791 г. вступило: ассигнаціями—43155 р., мѣдными—5753 р.».

Вмѣстѣ съ тѣмъ показанъ, впрочемъ, и расходъ; ассигнацій въ расходѣ значится—24800 р.; слѣдовательно въ мартѣ 1792 г., въ Черешенской *кладовой* находилось ассигнацій на 105730 р.—При такомъ обиліи бумажекъ было чѣмъ и мышамъ поживиться...

А. Л.

Хозяйство гр. П. А. Румянцова. *(Донесеніе одного изъ его управляющихъ).* Извѣстно, что въ 1789 г. Румянцовъ фактически пересталъ быть правителемъ Малороссіи и поселился въ своемъ имѣніи Ташани. Тутъ онъ прожилъ безвыѣздно до самой смерти. Удалившись отъ дѣлъ, Румянцовъ тѣмъ не менѣе старался по возможности слѣдить за хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ «экономіяхъ». У насъ имѣются свѣдѣнія о хозяйствѣ Румянцова въ слѣд. шести экономіяхъ: Гомельской, Топальской, Кочуровской, Вишенской, Дѣвицкой и Парафіевской. Въ каждой изъ этихъ экономій былъ особый управляющій, при чемъ въ Вишенкахъ сосредоточено было главное управленіе имѣніями. Въ 1792 г. Румянцовъ нашелъ нужнымъ поставить надъ всѣми этими управляющими особаго надзирателя или ревизора, въ лицѣ одного изъ Н.-Сѣверскихъ чиновниковъ надв. совѣтн. Осипа Подлузскаго;

послѣдній былъ обязанъ, въ свободное отъ службы время, объѣзжать экономіи для подробнаго ихъ осмотра, о чемъ затѣмъ и доносилъ Румянцову въ Ташань. Одно изъ такихъ донесеній Подлузскаго объ осмотрѣ имъ, лѣтомъ, въ 1792 г., Кочуровской и отчасти Вишенской экономій и приводимъ здѣсь, какъ заключающее въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о хозяйствѣ и богатствахъ Румянцова въ черниговскихъ его имѣніяхъ.

«Случившіеся четыре свободные отъ присутствія 21, 22, 23 и 24 сего маія дни, къ великому моему удовольствію, употребилъ оные на поездку въ Кочуровку [1])... Тамъ пошелъ я съ Старцевымъ (управляющимъ Кочуровскимъ) вовнутръ большого дворца и нашелъ я въ господскихъ покояхъ желаемую чистоту; въ нижнемъ этажѣ на полу, въ залѣ, на двохъ брускахъ, стоитъ одинъ кожею обитый за замками и печатью Старцова сундукъ съ дорогими турецкими на лошадей попонами, уздами, саблями, кинжалами, пистолетами и прочими принадлежащими къ тому вещами; я велѣлъ отпереть сундукъ и всѣ вещи освидѣтелствовалъ; хотя и немалѣйшей сырости воздуха въ сундукѣ не было, но въ случившійся тогда хорошій день всіо приказалъ пересушить, и всѣ богатыя на сѣдлы покрывалы налагаемыя, видѣлъ въ совершенной цѣлости... Въ верхнемъ этажѣ болшихъ покоевъ хранящуюся хрусталную посуду приказалъ перетереть и всю пиль очистить.—Въ круглой залѣ на потолокѣ показывается отъ дожжа течь и отъ оной въ местахъ почернѣло; кровля неминуемо требуетъ поновленія. Вышедши изъ болшихъ покоевъ на лѣво, былъ я въ флигелѣ;—тамъ цѣлостно хранятся въ ящикахъ серебряныя, фарфоровыя и протчія разныя вещи, коихъ всѣхъ по описямъ не могъ и пересвидѣтелствовать, а толко наружно обозрѣлъ. На правую сторону болшихъ покоевъ, въ погребѣ—разныя вины и ратафія въ пѣску, въ бутылкахъ, цѣлы; а кои въ ящикахъ, то иныя неполны бутылки, а иныя (какъ сказываетъ Старцовъ) полопались и сихъ послѣднихъ тамже и стекло разбитое хранится. Въ томъ же погребѣ и фаянсовая посуда лежитъ...

Близъ болшого дома, въ прудѣ—карповъ много, но всѣ младыя, а у Черешенкахъ я ни одного карпа не увидѣлъ, видно зимой, не имѣя продуховинъ, задохлись. Въ аранжереѣ деревьевъ лимонныхъ, апелсиновыхъ и протчихъ родовъ съ плодами и цвѣтами, такъ же и разной для стола зелени изобилно, и огороды разными для стола

[1]) С. Кочуровка—въ глуховскомъ уѣздѣ; теперь—Кучеровка.

и поварни сѣменами засажены и хорошо удобрены. Въ садахъ деревья яблоновыя и грушевыя отъцвѣли, и гусени обчищены, словомъ садовника, по моему малому знанію, нашолъ я въ должности исправнымъ. Огороды коноплями, а нивы яринными сѣменами засѣяны и рожъ на всѣхъ около Кочуровкѣ нивахъ обѣщаетъ богатую жатву. Заключаю бытіе мое въ Кочуровкѣ симъ, что управленіе тамошнимъ хозяйствомъ Старцова, имѣющаго страхъ и радѣніе къ добру господина, ни малѣйше меня не огорчило, а къ болшему его куражу обѣщалъ я испросить ему милость у в. сіятелства. Десятый уже годъ, опредѣленный отъ митрополита Кіевского въ Кочуровку, священникъ Антоній Голяховскій, есть человѣкъ благоговѣйный и въ своемъ званіи и должности прилѣжный и скромный. Онъ, устроивши тамъ домишокъ и все нужное, безмѣрно тревожится теперь, что нѣтъ ему утвержденія отъ соизволенія в. с—ва. Я навѣдывался о его состояніи у крестьянъ кочуровскихъ и у Старцева: всѣ единогласно доброе объ немъ говорятъ. Да и самъ преосвященный вчера приказалъ мнѣ доложить в. сіятелству, что сей священникъ заслуживаетъ по его добрымъ качествамъ быть въ Кочуровкѣ. А ежели соизволите и другого ково туда назначить, то хотя и исполнитъ преосвященный изволеніе в. с—ва, но сей добрій іерей въ обидѣ останется. (Сіи слова суть преосвященного).

При совершенной моей преданности и таковой же благодарности за премногія в. с--ва ко мнѣ милости, нижайше вторично прошу о подносителѣ сего Львѣ Лѣнковскомъ [1]). По сущей истиннѣ признаюсь, что ни отецъ его, ни онъ самъ и никто меня не просилъ рекомендовать в. с—ву. Но узнавъ о его добрыхъ качествахъ и охотномъ трудолюбіи, неимѣющаго притомъ покровителя и дарующаго насущный, осмѣлился отправить его при семъ, доволно зная и примѣтивъ, что и я, и мнѣ подобные, старые в. с—ва слуги, получивши и чины и пропитаніе, работаемъ не съ такимъ уже рвеніемъ и прилѣжностію, когда мы ничего не имѣли. А сей юностный—вѣрно не упуститъ употребить весь свой трудъ, чтобъ заслужить у великаго въ свѣтѣ героя, великихъ для себя милостей на будущое продолженіе своей полезной жизни. Чина хотя онъ и не имѣетъ, но позволяетъ законъ давать чинъ за науки. Вижу и примѣчаю и не могу посовѣсти не сказать, что Вишенское главное правленіе одно толко имѣетъ на себѣ именованіе, а ползы ни малѣйшей, хотя Данило Петровичъ и сидитъ съ

[1]) Сынъ Н.-Сѣверскаго протопопа.

Кокоревымъ надъ мѣсячными, присылаемыми изъ другихъ экономій вѣдомостми. Я ему совѣтовалъ, что бумагу можво разсмотрѣть въ два дни, а протчія 28 каждаго мѣсяца дни—лучше употребить на обозреніе хозяйства и таковымъ частнымъ обозреніемъ дать примѣтить каждому прикащику держать ухо востро.—Тутъ то бы вся въ хозяйствѣ исправность получила лучшій видъ и ползу. Предъ симъ, въ послѣднюю мою бытность въ Черешенкахъ, былъ я трожды у Данила Петровича. Онъ мнѣ ни единаго слова про экономію не упомянулъ. Весма мнѣ чувствительно, что таково его молчаніе не отвѣчаетъ моему усердію и потому просплъ я его, чтобъ пожаловалъ ко мнѣ поутру. Тутъ то я расположился спросить у него наединѣ—почему многія сотни строевого лѣса отъ пилной машины по разнымъ рукамъ ищезли? Почему скирды сѣна въ чужую ползу послужили? (о всемъ мнѣ Домбровскій [1]) сказывалъ). Да еще желалъ я получить точное отъ Дан. Петр. обясненіе, какой ради причины мною въ Черешенскихъ денегъ, противу его вѣдомости собственнаго его пріема, нашолъ я лишнихъ 1066 р. съ копейками. Но на другой день вмѣсто посѣщенія его, услышалъ я отъ Домбровскаго, что уже онъ въ 5-мъ часу утра въ Коропъ уѣхалъ. И такъ я, чтобъ не просрочить, отехалъ къ моей должности въ Новгородъ. Касателно главноуправляющаго Дан. Петровича необходимо нужно аккуратный щотъ произвесть по всѣмъ документамъ пріема и расхода денегъ, и начавши оный не долженъ ни я безъ него, ни онъ безъ меня—въ кладовой быть до совершеннаго окончанія; тогда точно узнать можно справедливо ли говорятъ, что и въ Коропъ изъ Черешенекъ ассигнаціи препровождаются... [2]).

Упоминаемый здѣсь Данило Петровичъ Юркевичъ былъ сынъ подполковника Петра Мартыновича Юркевича, одного изъ адъютантовъ Румянцова. Послѣдній, будучи адъютантомъ, въ тоже время былъ и главноуправляющимъ имѣніями Румянцова. Въ это время онъ купилъ себѣ Кролевецкое село Рождественное (изъ имѣній генерала Штофельна), въ которомъ было тогда болѣе тысячи крестьянъ. П. М. Юркевичъ управлялъ имѣніями до своей смерти, а послѣ его смерти управленіе это поручено было его сыну Данилу Петровичу, при чемъ денежныя суммы сначала были въ завѣдываніи єго матери Ирины

---

[1]) Вишенскій управляющій.

[2]) Точками обозначены опущенныя мѣста (не имѣющія интереса) въ письмѣ.

Петровны (рожд. Лайкевичъ). Д. П. Юркевичъ раньше былъ «поручикомъ при штатной короповскаго уѣзда командѣ». Но позже онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Румянцова. Эту должность онъ сохранялъ и въ 1792 г. Во время управленія имѣніями Румянцова, Д. П. Ю--чъ купилъ имѣніе въ с. Гирявкѣ, конотопскаго уѣзда, которое потомъ досталось его—сыну Николаю и дочери Ульянѣ, по мужу Блохиной

А. Л.

Библіографія.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Томы 2-й и 3-й. Спб. 1896. въ 8 д. л.

Мы уже говорили о первомъ томѣ этой интересной переписки, заключающей въ себѣ множество интереснаго матеріала, какъ о русской литературѣ 40-хъ годовъ, такъ и о людяхъ, стоявшихъ около нея. Вышедшіе теперь два тома этого изданія заключаютъ въ себѣ тоже много, хотя мелкихъ, но иногда очень характерныхъ фактовъ изъ исторіи тогдашняго общества и литературы.—Для насъ особенно интересны имѣющіяся въ этихъ двухъ томахъ «Переписки» свѣдѣнія о первыхъ шагахъ молодого въ то время г. Кулиша на литературномъ и общественномъ поприщѣ, при заслуженной поддержкѣ вліятельнаго ректора С.-Петербургскаго университета П. А. Плетнева.

Свѣдѣнія эти приводимъ здѣсь въ отрывкахъ изъ писемъ, обозначая при послѣднихъ—годъ, число и мѣсяцъ.

1845 г. 2—II. «Нѣкто Пантелемонъ Кулѣшъ изъ Кіева, авторъ историческаго, очень интереснаго романа (особенно по многочисленности фактовъ для исторіи Малороссіи) «Михайло Чарнышенко», прислалъ мнѣ пять главъ изъ новаго своего еще непечатаннаго романа: «Чорная рада». Его письмо и сочиненіе препровождены мнѣ Юзефовичемъ, помощникомъ кіевскаго попечителя, который рекомендуетъ мнѣ его, какъ человѣка и съ талантомъ, и съ благими намѣреніями».

— 22—VIII. «Въ нашъ университетъ понадобился для инородцевъ учитель русскаго языка... Я остановился на Кулѣшѣ, который прекрасно (какъ вижу по письмамъ) знаетъ языкъ и желаетъ служить въ Петербургѣ».

— 7—XI. «На дняхъ жду Кулѣша. Мечтается мнѣ, что онъ сниметъ съ меня много заботъ по Современнику[1]. Его письма заставляютъ меня надѣяться, что онъ пойметъ мою систему и исполнитъ ее».

— 14—XI. «Пріѣхалъ Кулѣшъ. Я велѣлъ ему ко мнѣ перебраться до пріисканія квартиры. Обѣдаетъ и чай пьетъ онъ со мною, а работаетъ и спитъ въ моемъ кабинетѣ, что въ университеской канцеляріи. Милый молодой человѣкъ, интересный и наружностію, и чистотою души, и умомъ. У насъ онъ будетъ учить русскому языку инородцевъ, а служба его настоящая въ V гимназіи. Жалованья у насъ 1200, да тамъ 2250 р. ас... Въ 6 ч. гулялъ съ Кулѣшемъ,—онъ все мое принимаетъ за образецъ».

— 17—XI. «Еще вчера вечеромъ отправилъ я Кулѣша съ визитомъ къ Максимовичу[2], который знаетъ его, видѣвшись съ нимъ въ Кіевѣ, и любитъ, ибо и мнѣ хвалилъ его. Кулѣшъ благоговѣйно исполняетъ что я ни предложу ему. Я предсказалъ, что Максимовичъ на завтра позоветъ его къ обѣду, и научилъ какъ отвѣчать. Сегодня все и пошло, какъ по писанному».

— 18—XI. «Кулѣшъ прочиталъ послѣ всю мою критику на «Мертвыя души», это почти вся моя эстетика. Я стараюсь всю свою теорію передать Кулѣшу, чтобы у насъ не было разноголосицы, какъ съ Никитенкой.

— 19—XI. «Я очень озабоченъ былъ, такъ какъ сегодня Кулѣшъ долженъ былъ читать въ университетѣ первую лекцію... Онъ, написавъ ее, прочиталъ мнѣ. Я его, какъ могъ, настроилъ. Наконецъ, она сошла благополучно. Онъ такъ деликатенъ, что хотя утромъ для чаю, къ обѣду и вечеромъ для чаю же является ко мнѣ, но всякій разъ, такъ и спѣшитъ оставить меня, чтобы не быть въ тягости.

— 24—XI. «Ты очень вѣрно оцѣнилъ достоинство присланныхъ пьесъ. Думаю, что онѣ еще не вдругъ попадутъ въ печать. Кулѣшъ, до прибытія ихъ, далъ мнѣ въ отдѣлъ повѣстей большой отрывокъ изъ своей «Чорной Рады». Я и не согласился бы взять отдѣльный этотъ кусокъ, если бы онъ не представлялъ въ себѣ цѣлаго, очень занимательнаго предмета—«Кіевскіе Богомольцы въ XVII столѣтіи», сюжетъ для всѣхъ русскихъ очень любопытный, а тѣмъ болѣе для

---

[1]) Плетневъ въ это время издавалъ „Современникъ", затѣмъ, въ 1847 г., переданный имъ Некрасову и Панаеву.

[2]) Павелъ Петровичъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета.

Малороссіи, гдѣ (какъ извѣстно Кулѣшу) много явится подписчиковъ, какъ скоро увидятъ, что «Чорная Рада» не прекращается въ Современникѣ. Это частію уже подтвердилось и теперь: кіевскій Писаревъ, прежде всѣхъ русскихъ, уже прислалъ деньги на 5 экземпляровъ Современника 1846 г.

— 21—XI. «Кулѣшъ молодой человѣкъ высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ правилъ. Онъ мнѣ болѣе и болѣе нравится».

— 12—XII. «Обѣдалъ у П. Максимовича. И Кулѣшъ тамъ. Онъ замѣтилъ, что Максимовичъ страстенъ къ Малороссіи, ничего не изучивъ ни въ ея исторіи, ни въ литературѣ... Вмѣстѣ поѣхали къ Александрѣ Осиповнѣ» (Ишимовной).

1846 г., 23—III. «Вечеромъ были только Максимовичъ съ женою, Лакьеръ, Кулѣшъ да Гребенка».

— 1—V. «Я согласенъ, что Герцъ (К. К.) много для меня работаетъ, но тутъ есть особая причина: онъ изъ оттисковъ составляетъ для себя книгу: Историческій сборникъ. Ему многаго не достаетъ, чтобы ты и я, подавая ему руку, убѣжденными оставались, что она въ рукѣ нашего брата по уму, сердцу и вѣрованію. Вотъ Кулѣшъ—такъ высокій образецъ чувствованій и дѣлъ».

— 8—V. «Я согласенъ, что фенноманія покамѣстъ чистый вздоръ. Со временемъ она будетъ что нибудь значить, если въ высшемъ слою ослабнетъ шведоманія. Только, мнѣ кажется, и тогда это мѣсто должна занять руссоманія, какъ теперь въ Малороссіи, не смотря на усилія Кулѣша и жолчь Павла Максимовича. Въ государствѣ, образовавшемся изъ разноплеменныхъ народовъ, всегда одинъ господствуетъ съ языкомъ своимъ: это законъ природы и дочери ея исторіи».

— 14—V. «Въ воскресенье ровно въ 11 часовъ пріѣхалъ на дачу ко мнѣ Кулѣшъ. Я растолковалъ моему гостю, что въ нѣкоторые часы на дачѣ (какъ теперь, напримѣръ), надобно и гостямъ, и хозяину работать что нибудь. Вотъ, онъ выпросивъ у меня карандашъ и бумаги, сѣлъ у окна въ залѣ—и началъ срисовывать извѣстную тебѣ ветхую часовню нашу...»

— 22—V. «Потомъ я составилъ для Шахматова (товарищъ министра нар.-пр.) записку о Кулѣшѣ... Погодинъ прислалъ въ здѣшнюю цензуру отрывки Кулѣшевой «Рады», ибо тамъ ужасно портятъ цензора [1]).

[1]) Погодинъ писалъ Плетневу: „У Кулѣша отличный талантъ и смыслъ. Жаль что для разнообразія недостаетъ или не видать еще веселости. Спасибо вамъ, что

— 25—V. «Погодинъ прислалъ Кулѣшу его отрывокъ изъ «Чорной Рады», печатающійся въ Москвитянинѣ, съ тѣмъ, чтобы здѣсь процензировать его, такъ какъ тамъ ужасно измарали цензора самыя невинныя мѣста. Вотъ Кулѣшъ и пріѣхалъ ловить Никитенку (цензора), который согласился на цензированіе не иначе, какъ бы это была не журнальная статья (такой онъ не въ правѣ цензировать), а отдѣльное сочиненіе».

— 7—IX. «Въ четвергъ было собраніе академіи... Читали о посылкѣ Кулѣша».

— 16—X. «Въ субботу я обѣдалъ у Балабина, что спасло меня отъ непріятной встрѣчи съ Краевскимъ у Максимовича, гдѣ обѣдалъ Кулѣшъ. Въ воскресенье вечеромъ у насъ, кромѣ Кулѣша, обѣдавшаго съ нами, и Савича, пришедшаго въ 10 часу, никого не было. Кулѣшъ у Александры Осиповны учится по англійски».

— 30—X. «Касательно славянщины я того мнѣнія, что прекрасную можно сдѣлать вещь, изучая памятники ея исторіи и литературы,—но не далѣе. Возгласы о томъ и о семъ—все это глупыя бредни. Я тоже совѣтую Кулѣшу и касательно Малороссіи. Кстати: его судьба рѣшена; онъ скоро уѣзжаетъ».

1847 г., 4—I. «Изъ Малороссіи Кулѣшъ писалъ мнѣ два раза: въ первомъ письмѣ объявилъ, что онъ уже помолвленъ, а во второмъ, что послѣ крещенья будетъ и свадьба его. Пока я думалъ, что Кулѣшъ уѣдетъ за границу женихомъ, то боялся за его успѣхи въ славянскихъ языкахъ. Теперь полагаю, что онъ дѣла свои исполнитъ, потому что ему не нужно будетъ тратить время на страстную переписку».

— 25—I. «Очень трудно сойтить съ нынѣшнею молодежью. Хотя бы отвергала она лжеученія, но самые термины ея отверженія обличаютъ, что она воздоена млекомъ ядоноснаго ученія. Кулѣшъ былъ какъ то спасенъ отъ всего».

1848 г. 10—I. «Мой пріятель (Кулишъ) изъ Тулы [1]) прислалъ мнѣ письмо, которымъ увѣдомляетъ, что, не бывъ въ состояніи исправлять должности (смотрителя больницы), возложенной на него военнымъ тамошнимъ губернаторомъ Крузенштерномъ, онъ подалъ

вы пріютили его, а въ Кіевѣ, который хотятъ русить и который не имѣетъ ни профессора русской исторіи, ни профессора русской словесности, нѣтъ ему мѣста! О, любезное отечество!

[1]) Гдѣ Кулишъ жилъ послѣ ареста въ 1847 г.

ему прошеніе о чистой отставкѣ, въ намѣреніи жить хоть бѣдно, но независимо. Мнѣ это не понравилось, тѣмъ болѣе, что едва ли выпустятъ его изъ службы, а думать будутъ о немъ хуже. Такова логика юной Россіи».

1850 г., 7—X. «Кулѣшъ ко мнѣ пишетъ, что тульскій губернаторъ поручалъ ему срисовать памятникъ на Куликовомъ полѣ, и что рисунокъ его былъ представленъ государю и великимъ князьямъ въ ихъ проѣздъ черезъ Тулу; всѣ остались довольны, но судьба его не улучшена. Онъ познакомился съ какимъ то помѣщикомъ, который военное поприще промѣнялъ на занятіе живописца и Кулѣшъ теперь преимущественно предался живописи, въ которой успѣваетъ».

1851 г., 10—Ш. «Кулѣшъ съ женою пріѣхалъ сюда искать службы.—Ему разрѣшено служить во всѣхъ министерствахъ, кромѣ нашего. Онъ ищетъ теперь должности у Киселева».

Въ этихъ же двухъ томахъ «Переписки» находится не мало свѣдѣній и о другомъ уроженцѣ Малороссіи—Ст. Ив. Барановскомъ, тогдашнемъ профессорѣ русскаго языка въ гельсингфорскомъ университетѣ. Барановскій уроженецъ г. Конотопа (р. 1818†1890) былъ извѣстенъ своею страстью къ изобрѣтеніямъ во всевозможныхъ областяхъ, начиная съ языка и кончая двигательными машинами и воздухоплаваніемъ... Особенно онъ много трудился надъ опытами по замѣнѣ пара, какъ двигателя, сжатымъ воздухомъ (De la pneumotion. Helsingfors. 1857). «Это была (говоритъ о немъ человѣкъ, хорошо его знавшій) оригинальная, недюжинная личность, въ которой богатыя природныя дарованія, къ сожалѣнію, парализовались отсутствіемъ выдержки характера и внутренней умственной дисциплины». Сынъ Ст. Ив. Барановскаго—Викторъ (род. 1846†1879) извѣстенъ, какъ изобрѣтатель скорострѣльной пушки, при опытахъ надъ которою онъ и погибъ.

А. Л.

Кіевъ и университетъ св. Владиміра при императорѣ Николаѣ I. 1825—1855. Изданіе университета св. Владиміра съ 16 свѣтопечатями и 2 цинкографіями. Кіевъ, 1896. (gr.-in-4. Стр. IV+100).

Это роскошное изданіе принадлежитъ къ разряду т. наз. юбилейныхъ (1896 г.—столѣтіе рожденія имп. Николая I и открытіе памятника ему въ Кіевѣ) и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей; введенія—имп. Николай Павловичъ и его политическая идея» (стр.

1—3), краткаго историческаго и топографическаго очерка Кіева до и при имп. Николаѣ I (4—50) и очерка исторіи университета до 1855 г. (50—100).

Изъ введенія узнаемъ, между прочимъ, что, служа предначертанной политической идеѣ «со всей энергіей, къ какой только была способна его державная, чисто государственная натура, Государь, однако-жъ, чутко понималъ своимъ инстинктомъ, что одной силы и могущества государственной власти еще мало для полнаго разрѣшенія русскимъ народомъ его историческихъ задачъ; что наука и искусство—великіе пособники въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ ихъ покровителемъ, меценатомъ въ истинномъ смыслѣ слова.—При немъ писали Пушкинъ и Гоголь, произведеніями которыхъ онъ наслаждался, относясь къ ихъ творцамъ съ родительской заботливостью. При немъ создавали свои картины Брюловъ и Ивановъ, а Глинка клалъ основаніе русской музыкѣ. При немъ въ лицѣ Полевого, Надеждина и Краевскаго зарождалась русская журналистика, вліяющая на общественное мнѣніе, а Бѣлинскій писалъ свои горячія талантливыя статьи. При немъ создана была Археографическая коммиссія, давшая возможность поставить русскую исторію на прочныя основы. Университетскимъ уставомъ 1835 года онъ поднялъ значеніе русскаго университета на такую высоту, на которой онъ никогда не стоялъ. При немъ министрами народнаго просвѣщенія были Уваровы, попечителями учебныхъ округовъ—Строгановы и фонъ-Брадке, на каѳедрахъ сидѣли Грановскіе и Соловьевы.—Явленіе это, конечно, не случайное: личность монарха, его вкусы и стремленія налагаютъ отпечатокъ на всю его эпоху, особенно у насъ въ Россіи. Процвѣтаніе русскаго университета, русской науки, русскаго искусства въ царствованіе русскаго Николая I въ значительной степени обусловливалось его личными свойствами» (стр. 2 и 3).

«Своей задачей въ юго-западномъ краѣ Императоръ поставилъ завершить возсоединеніе этой искони русской окраины, начатое Екатериной II. Но репрессивныя, дисциплинарныя мѣры, по глубокому инстинкту Государя, тутъ недостаточны: болѣе надежнымъ средствомъ онъ считалъ силы науки и образованія. Съ этою цѣлью онъ и создалъ университетъ св. Владиміра, озарившій свѣтомъ науки юго-западный край,—свѣтомъ, при блескѣ котораго должно исчезнуть все ложное и фальшивое,—а возсіять должна правда, истина и добро» и т. д. (стр. 3).

Въ какой мѣрѣ озареніе края свѣтомъ науки и возсіяніе правды, истины и добра имѣли мѣсто въ связи съ учрежденіемъ университета

св. Владиміра—подробно показано въ капитальномъ трудѣ г. Владимірскаго-Буданова: «Исторія императорскаго университета св. Владиміра», первый томъ котораго, именно посвященный времени импер. Николая Павловича, вышелъ въ 1884 году. Книга эта, несмотря на нѣкоторыя неизбѣжныя умолчанія и недомолвки, даетъ богатый матеріалъ для безпристрастнаго сужденія о положеніи университетской науки того времени и характерѣ ея дѣятелей. Свести этотъ матеріалъ (болѣе 700 страницъ), на протяженіи 50 страницъ разсматриваемаго изданія представляло задачу, безъ сомнѣнія, не легкую. Этимъ, конечно, должно объяснить нѣсколько внѣшнее впечатлѣніе, которое производитъ набросанный легкими штрихами очеркъ исторіи университета въ иллюстрированномъ университетскомъ изданіи 1896 года. Справедливость требуетъ сказать, что изданіе это не притязаетъ на научное значеніе. Заслуга его въ томъ, что оно способно возбудить интересъ къ предмету и заставить любознательнаго читателя обратиться къ трудамъ покойнаго Шульгина и г. Владимірскаго-Буданова. Разумѣется, ничего новаго настоящее изданіе не даетъ читателю да и не задается, повидимому, этою цѣлью. Для любителей легкаго чтенія книга представляетъ значительный интересъ. На ряду съ шеренгой именъ, датъ и цифръ читатель встрѣтитъ здѣсь нѣсколько глубокопоучительныхъ разсказовъ или воспоминаній, картинно воспроизводящихъ духъ эпохи, столь значительно разнствующій отъ духа новаго времени и въ то же время значительно къ нему приближающійся и родственный.

При всѣхъ очерченныхъ выше достоинствахъ этой половины новаго юбилейнаго изданія, которое въ фактической части своей отличается значительнымъ безпристрастіемъ, нельзя не указать и на нѣкоторые, неизбѣжные впрочемъ, недостатки ея. Главный изъ нихъ—неравномѣрность въ расположеніи матеріала. Данныя, сведенныя г. Владимірскимъ-Будановымъ въ третьемъ раздѣлѣ его книги (с. 529—662), который носитъ названіе: «Реакціи», т. е. 1849—1855 г. г., недостаточно оттѣнены во второй половинѣ изданія, какъ бы выпали изъ нея, что, безъ сомнѣнія, должно отнести не столько къ недостатку безпристрастія, сколько къ поспѣшности составителя, объясняемой причинами случайными. При томъ же, духъ человѣческій естественно склоненъ болѣе останавливаться въ прошедшемъ на картинахъ блестящихъ и явленіяхъ утѣшительныхъ, лишь оттѣняя ихъ тѣми неизбѣжными stubborn facts, которые слишкомъ громко заявляютъ о своемъ существованіи. Невполнѣ удобовразумительнымъ представ-

ляется намъ разсказъ о бѣдѣ, что «стряслась (надъ университетомъ въ 1847 г.) по поводу основаннаго въ Кіевѣ славянскаго (тайнаго) общества Кирилла и Меѳодія, которое задавалось разными неудобоисполнимыми проектами, по части внѣшней и внутренней политики» (стр. 77). Если общество, «существовавшее три мѣсяца въ умѣ трехъ ученыхъ мечтателей», можетъ быть названо тайнымъ обществомъ, то опредѣленіе понятія о тайномъ обществѣ дѣлается весьма затруднительнымъ. Въ популярномъ изданіи не слѣдовало бы воспроизводить понятія столь смутныя и почти необъяснимыя. Мы предпочитаемъ думать, что кирилло-меѳодіевское общество вовсе не было основано, а слѣдовательно и не существовало.

Очеркъ исторіи университета заключается слѣдующими словами: «быть можетъ, не все, что сдѣлано императоромъ Николаемъ Павловичемъ для Кіева, устоитъ предъ всесокрушающимъ дѣйствіемъ времени; но вѣримъ, что этого не можетъ случиться съ тѣмъ свѣточемъ науки, который зажженъ имъ въ этомъ краѣ. Онъ не угасъ въ тяжкую годину сомнѣній въ пользѣ высшей науки; не былъ заглушенъ бурями послѣдующихъ политическихъ переворотовъ. Здѣсь именно императоръ Николай I воздвигъ себѣ памятникъ «чудесный вѣчный»; «къ нему не заростетъ народная тропа» (стр. 100).

Предложенный въ настоящемъ изданіи очеркъ исторіи г. Кіева (стр. 4—50) представляетъ добросовѣстную сводку историческихъ, топографическихъ и частью статистическихъ данныхъ для внѣшней и внутренней исторіи нашего города до и при имп. Николаѣ I. Ограниченность мѣста, вѣроятно, не позволила дать исторической сводкѣ нѣсколько болѣе связный характеръ, внесла въ нее нѣкоторую разбросанность. Тѣмъ не менѣе, эта часть книги читается съ значительнымъ интересомъ и удовлетворяетъ своему назначенію. Нѣсколько рискованнымъ представляется обобщеніе (стр. 15), въ силу котораго имп. Павелъ I, будто бы «льготилъ историческимъ особенностямъ окраинъ», «какъ бы (?) стремился въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ возстановить польскія традиціи, навязанныя краю». Въ концѣ этого историческаго очерка находимъ слѣдующія прочувствованныя слова: «Граждане возрожденной матери городовъ русскихъ, мы должны тщиться сдѣлать нашъ городъ достойнымъ этого славнаго нарицанія. А въ сердцахъ своихъ мы навсегда должны запечатлѣть образъ Императора, преисполненнаго любви къ Россіи и заботъ о ея благѣ. Да напоминаетъ онъ намъ, что въ нашемъ Кіевѣ зарождалась національность и воплощающее ее русское государство, и что нашъ

Кіевъ, гордый своимъ прошлымъ, долженъ и въ будущемъ быть свѣточемъ для всей русской земли, которой онъ долженъ подавать примѣръ самоотверженнаго служенія великому принципу, провозглашенному имп. Николаемъ Павловичемъ; принципу православія, самодержавія и народности».

Фототипіи, цинкографіи и виньетки, помѣщенныя въ книгѣ исполнены превосходно, и вообще внѣшность изданія производитъ пріятное впечатлѣніе.

Н. М.

Акты, издаваемые Виленской Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIII. Акты Холмскаго гродскаго суда. Вильна. 1896. in.-4. Стр. CCXV,+399 и двѣ таблицы снимковъ автографовъ.

Настоящій томъ, говорится въ предисловіи, служитъ продолженіемъ изданнаго въ 1892 году XIX тома и заключаетъ въ себѣ документы холмскихъ судебныхъ книгъ съ 1604 по 1691 г., т. е. съ начала епископствованія Арсенія Андреевскаго до кончины епископа Августина Лодзяты.

Изъ послѣднихъ словъ уже ясно, что томъ этотъ посвященъ исторіи церкви, собственно борьбѣ православія съ католицизмомъ и уніей и подавленію послѣдними перваго; театромъ борьбы служили Холмская и Белзская земли. Изданіемъ такого тома въ текущемъ году, трехсотомъ со времени провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ, «въ виду торжественнаго празднованія и славословія уніи въ австрійской Руси», Виленская археографическая коммиссія желаетъ показать «настоящую правду, основанную не на тенденціозныхъ выдумкахъ, а на судебныхъ документахъ старой Польши» и тѣмъ подорвать «идеализацію уніи съ неизбѣжнымъ обманомъ и ложью, имѣющими цѣлью заманить въ іезуитскую западню еще тѣ православные народы, которые не испытали на себѣ послѣдствій соединенія съ Римомъ». Съ этой цѣлью авторъ «Предисловія» г. В. Площанскій излагаетъ исторію борьбы православія съ католицизмомъ и уніей по біографіямъ «управляющихъ холмско-белзской епархіей съ 1604—1691 г.», уніатскихъ и православныхъ епископовъ, вводя въ эти біографіи тѣ факты ихъ частной и общественной жизни, которые заключаются

въ актахъ разсматриваемаго тома. Наибольшій объемъ, интересъ и значеніе имѣетъ біографія Меѳодія Терлецкаго (1630—1649 г.г.). Далѣе слѣдуютъ отдѣльныя статьи: «Уніатскій женскій монастырь въ Холмѣ», «Уніатская гимназія въ Холмѣ», Свѣдѣнія объ «имѣніяхъ холмской православной (послѣ уніатской) каѳедры». За отдѣльными статьями помѣщена статья, посвященная «Римско-католическому духовенству холмской епархіи XVII в.», собственно высшему: бискупамъ и суфраганамъ; въ ихъ біографіяхъ онъ также, какъ и въ біографіяхъ епископовъ, располагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ факты, извлеченные изъ заключающихся въ томѣ документовъ; далѣе авторъ касается исторіи «имѣній Холмской римско-католической епископіи», «римско-католическаго монашества со школами въ Холмѣ», «Десятины», которая платилась въ пользу католическаго духовенства, и, наконецъ, «нѣкоторыхъ рѣшеній Холмскихъ сеймиковъ 1636—1681 г.г.», рѣшеній, имѣвшихъ предметомъ борьбу исповѣданій. Таково содержаніе «предисловія», представляющее собою, какъ мы говорили выше, систематическій сводъ актовыхъ данныхъ. Всѣхъ актовъ въ настоящемъ томѣ—352, и по содержанію они представляютъ большой интересъ не только для исторіи церкви, но и политическихъ событій 1648—1657 г.г., насколько тѣ событія могли отразиться на далекой окраинѣ Руси.

Къ актамъ приложены двѣ таблицы снимковъ автографовъ, изъ коихъ заслуживаютъ вниманія тѣ, которые принадлежатъ наиболѣе извѣстнымъ дѣятелямъ края: митрополитамъ, епископамъ, игуменамъ. Въ концѣ тома имѣются обычные личные и географическіе указатели.

И. Каманинъ.

Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 года. Издалъ Б. И. Ханенко. Кіевъ. 1896 [1]).

Изданіе г. Ханенка представляетъ точное воспроизведеніе (facsimile) извѣстныхъ плановъ кіевскихъ пещеръ и кіевопечерской лавры съ частью г. Кіева, приложенныхъ Кальнофойскимъ къ его «Тера-

---

[1]) Настоящая рецензія была доставлена въ редакцію раньше, чѣмъ въ мѣстныхъ газетахъ (Кіевлянинъ № 322) появился отчетъ о засѣданіи церковно-археологическаго общества, въ которомъ помѣщенъ отзывъ пр. Голубева объ изданіи г. Ханенка. *Ред.*

тургимѣ»; къ чертежамъ приложены объясненія ихъ изъ книги Кальнофойскаго (въ русскомъ переводѣ) и предисловіе (никѣмъ не подписанное). Изданіе чрезвычайно изящное и роскошное. Книга, сколько намъ извѣстно, издана въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, предназначенныхъ для разсылки извѣстнымъ учрежденіямъ и лицамъ; въ продажу поступило нѣсколько экземпляровъ по необыкновенно высокой цѣнѣ (10 рублей).

О значеніи плановъ Кальнофойскаго распространяться нѣтъ надобности; оно извѣстно всякому, интересующемуся исторіею Кіева, и перепечатка ихъ несомнѣнно будетъ встрѣчена сочувственно всѣми любителями старины. Но настоящее изданіе представляетъ одну особенность, на которую нельзя не обратить вниманія. Къ третьей таблицѣ (планъ Лавры и части Кіева) приложено на отдѣльномъ листѣ en regard *обратное изображеніе* нѣкоторыхъ частей плана. Объясненіе этой особенности находимъ въ предисловіи. Анонимный авторъ, упомянувъ о противорѣчивыхъ выводахъ, дѣлаемыхъ изъ плана Кальнофойскаго различными изслѣдователями, продолжаетъ: «Наконецъ, въ исходѣ прошлаго 1895 года, профессоръ Н. И. Петровъ нашелъ, что подлинный первоначальный планъ Кальнофойскаго, самъ по себѣ довольно правильный и точный, искаженъ былъ при гравированіи, въ которомъ участвовало не менѣе двухъ граверовъ (?). Первоначальный граверъ вырѣзалъ первую и вторую таблицы плана т. е. планы дальнихъ и ближнихъ пещеръ, и награвировалъ на третьей таблицѣ самый Печерскій монастырь, а также Кіевоподолъ и замковую, нынѣ Флоровскую гору, какъ крайніе пункты плана (?). По крайней мѣрѣ (?) все это награвировано правильно. Но этотъ граверъ почему-то не дограваровалъ третьей таблицы, которая восполнена и докончена какимъ-то другимъ неопытнымъ граверомъ, вырѣзывавшимъ недостававшее противъ чертежа на гравировальной доскѣ такъ, какъ онъ представлялся его глазамъ, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало. Вслѣдствіе этого, при оттискѣ на бумагѣ, вырѣзанныя имъ части плана вышли въ извращенномъ видѣ, и ихъ слѣдуетъ разсматривать и изучать съ оборотной стороны. Въ такомъ извращенномъ видѣ награвированы на третьей таблицѣ Никольскій монастырь и Старый городъ. Можетъ быть, вслѣдствіе такого искаженія плана, онъ изъятъ былъ изъ обращенія и не приложенъ къ большинству экземпляровъ «Тератургимы» Кальнофойскаго, почему и дошелъ до насъ чуть ли не въ единственномъ экземплярѣ. Настоящее изданіе имѣетъ въ виду дать средства къ возстановленію подлиннаго плана о. Кальнофойскаго».

Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ приведенными въ цитированномъ отрывкѣ мнѣніями пр. Петрова. Не говоря о томъ, что самое предположеніе пр. Петрова представляется чрезвычайно натянутымъ (какимъ образомъ граверъ могъ вырѣзать въ обратномъ видѣ *часть* плана, которая должна составлять продолженіе уже награвированнаго рисунка?), лучшимъ опроверженіемъ догадокъ г. Петрова можетъ служить расположеніе зданій на спорныхъ участкахъ плана. Если принять предлагаемыя г. Петровымъ поправки, то Никольскій монастырь долженъ находиться у самой ограды К.-П. лавры, а Софійскій соборъ—долженъ представлять крайнее зданіе Стараго Кіева по направленію къ Днѣпру; дальше отъ Днѣпра лежитъ будто бы Михайловскій монастырь, церкви св. Василія и св. Симеона и замокъ на Киселевкѣ; между Софійскимъ соборомъ и Днѣпромъ находится рядъ пустынныхъ холмовъ, покрытыхъ кое-гдѣ лѣсомъ. Всякому сколько нибудь знакомому съ топографіею современнаго Кіева, ясна ошибочность подобныхъ предположеній: Никольскій монастырь (Аскольдова могила) удаленъ отъ Лаврской ограды по крайней мѣрѣ на пол-версты; Михайловскій монастырь, церкви св. Василія (Трехсвятительская) и Симеона (Андреевская?) находятся надъ обрывомъ, обращеннымъ къ Днѣпру; на той же линіи, но нѣсколько дальше отъ Днѣпра надъ Подоломъ лежитъ Киселевка; между Софійскимъ соборомъ и обрывомъ расположена древнѣйшая часть Стараго Кіева; холмы же, изображенные на планѣ, находились за Золотыми воротами.

Итакъ, мы рѣшительно не можемъ принять рекомендуемыхъ предисловіемъ поправокъ къ плану Кальнофойскаго. Не можемъ мы согласиться и съ высказаннымъ въ предисловіи мнѣніемъ, что большое полуразрушенное зданіе съ покосившимся крестомъ представляетъ «дворецъ князей Олельковичей противъ Никольскаго монастыря». Не знаемъ, почему авторъ предисловія предполагаетъ существованіе у Никольскаго монастыря дворца Олельковичей, которые жили въ замкѣ на Киселевкѣ. Что же касается загадочнаго строенія, то объясненіе даетъ ему самъ Кальнофойскій: «43) дорогою на сѣверозападъ идемъ черезъ погостъ Спасскій, т. е. мимо церкви Преображенія Господня (ее построилъ изъ камня св. Владиміръ, но стѣны ея теперь едва стоятъ, мусоръ покрылъ всю землю)». Наконецъ, не можемъ не отмѣтить еще одной ошибки предисловія: авторъ полагаетъ, что планъ Кальнофойскаго былъ перепечатанъ Закревскимъ.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, изданіе г. Ханенка, представляетъ большой интересъ для занимающихся исторіею Кіева.

Планъ Кальнофойскаго, какъ справедливо замѣчено въ предисловіи «извѣстенъ больше по переизданію его кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ въ его «Описаніи кіево-печер. Лавры» 1826 г.». Точное воспроизведеніе этого плана, подающаго поводъ къ столь разнообразнымъ толкованіямъ, дѣлаетъ его болѣе доступнымъ для изслѣдованія. Желательно только, чтобы изданіе было повторено въ большемъ количествѣ экземпляровъ и продавалось по болѣе доступной цѣнѣ.

В. Щербина.

Поправка. Въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины“ за текущій годъ на стр. 56-й, въ статьѣ В. В. Лапина „Харьковское Общество благотворенія“, въ примѣчаніи къ эпиграфу 2-й главы вкралась слѣдующая опечатка (пропускъ строки): *вмѣсто* словъ „Девизъ этотъ представляетъ и т. д.“—*нужно читать* „Девизъ этотъ, *принадлежащій перу Державина, былъ принятъ обществомъ послѣ, того, какъ нѣкоторыми членами было забраковано стихотвореніе, которое* представляетъ и т. д.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ г. Кіева поступило въ продажу
НОВОЕ ИЗДАНІЕ КІЕВСКОЙ КОМИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ:

О Кіевской старинѣ. Два чтенія. Составилъ В. Щербина. Изд. 2-е испр. и дополненное, съ 6 рисунками. Уч. Ком. М. Н. П. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. Цѣна 15 к.

Пріобрѣтающіе непосредственно отъ Коммиссіи въ количествѣ не менѣе ста экземпляровъ пользуются уступкою 30%, при покупкѣ не менѣе 500 экземпляровъ—40%. Пересылка на счетъ покупателя, но пріобрѣтающіе не менѣе тысячи экземпляровъ пользуются безплатной пересылкой. Съ требованіями обращаться къ члену Правленія комиссіи нар. чтеній Владиміру Ивановичу Щербинѣ (Печерскъ, Рыбальская ул., № 14). На тѣхъ-же условіяхъ продаются слѣдующія изданія Комиссіи:

1) **Слѣпушкина.** О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну отъ польской неволи. Изд. 4-е. Цѣна 15 к.

2) **Андріевскаго.** Первый русскій книгопечатникъ. Изд. 3-е. Цѣна 5 к.

3) **Его-же.** Крымъ и крымскіе татары. Изд. 3-е. Цѣна 10 к.

4) **Его-же** В. А. Жуковскій. Біографическій очеркъ. Изд. 2-е. Цѣна 5 к.

Первыя три названія одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. какъ для школъ, такъ и для публичныхъ народныхъ чтеній, а четвертое—только для школъ.

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ дастъ, гг. подписчикамъ —

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. 52

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:
1. 52 нумера — «Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, сурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ,

отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками

(ПО ОБРАЗЦУ ДОРОГИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ пи-

сателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 нумеровъ «Живописное Обозрѣніе» и книгъ, пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою рускихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій») «Ясное утро». Большой романъ—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Разсказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш. ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ. К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калханъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости» повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«Игра судьбы», романъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. »За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло» разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая» разсказъ—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Иловайскій, П. І. «Дочь ростов-

щика», романъ —Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.—Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.—въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

3—2

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) 1897.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на зеленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

гдѣ помѣщаются романы повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ».

3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе, при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г. получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО".

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА"

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

4 Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества. **2**

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества", въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Доре"

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) 1 руб. 50 коп. Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—2

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на **1897** годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи: отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербурскія Вѣдомости“

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.			Съ казенными приб.	
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.— к.	9 р.— к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.— к.	10 р.— к.
Съ пересылкою иногородн.	17 р.— „	10 „— „	5 „ 50 к.	2 „ — „	19 „ — „	11 „ — „
За границу	26 „ — „	14 „— „	8 „ — „	3 „ — „	28 „ — „	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей проф. В. Н. Латкина.

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго, и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ

устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства: проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстима—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Пріамурскомъ краѣ: Я. Городыскаго—Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго—О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Націонализація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова—О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова—Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго—Бродяги и законъ; В. Волжина—Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ Ф. Клинберга—къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. П. Суворова—Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала—О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества; В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полетаева—Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго—Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака—Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности: В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В.

Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ СПБ. безъ доставки . . . . . 8 р.
Съ доставкою . . . . . 8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . 9 р.

Подписчики, желающіе получать сверхъ того рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой и пересылкой 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е., 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новоисаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ.*

3—1

Годъ въ 1897 году третій

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

I. Узаконенія и распоряженія правительства.
II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.
III. Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи.
IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше утвержденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.
V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи преимущественно въ области судоустройства, уголовнаго права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.
VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.
VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульферта, Н. Н. Галкина-Враскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ѳ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифланда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И Лихачева, П. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. Фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тува, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—1

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1897 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Учебные труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣе выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб., сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или посредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между, проч., напечатано: «Карьера Струкова» Пов. Эртеля. «О Развитіи Русскаго Народнаго Хо-

зяйства» Проф. К. Исаева. «Трильби». Ром. Ж.-дю-Морье. «Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго». «Любовь и ревность у дѣтей» Д-ра В. Якубовича, «Въ дудкѣ» Пов. Вас. Немировича-Данченко. «О направленіяхъ современной Эстетики» Э. Радлова. «Quo Vadis» Ром. Ген. Сенкевича. «Воспоминанія о А. И. Герценѣ» Н. Тучковой Огаревой. «Любовь» ром. О. Шапиръ. «Наслѣдственность пола» Е. Чижова. «Въ капканѣ» Пов. П. Боборыкина. «Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго» М. Чайковскаго. «Двѣ новеллы: a) «Наука любви и b) Любовь сильнѣе смерти» Д. Мережковскаго. «Новѣйшая испанская литература» Проф. А. Шепелевича. «Зеркала» Пов. З. Гиппіусъ. «Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена» М. Венюкова. «Фридрихъ Ницше» Оч. Л. А. Саломэ. «Жилищная нужда рабочихъ классовъ» Д. Герценштейна. «Гоголь и А. О Смирнова въ 1842—44 г.г.» В. Шенрока. «Новая французская школа въ музыкѣ» и «Ново-Германская музыка» А. Коптяева. «Александръ Дюма» и «Новыя теченія во Французскомъ романѣ» З. Венгеровой. «Новая побѣда науки» А. Гершуна. «Богъ театра» Разск. Я. Крюковского. Идея Иліады» Н. Минскаго «Таможенное разоруженіе» В. Бирюковича. «Исторія одного идейнаго преступленія» Проф. И. Оршанскаго. «Письма къ M-me Віардо и Г. Флоберу И. С. Тургенева». Искусство и дѣйствительность» Изъ соч. Дж. Рескина. «Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности» Н. Арефьева. «Къ звѣздамъ» Раз. Ѳ. Сологуба. «Москва и Римъ» Проф. А. Брикнера. «Польскій публицистъ-художникъ» К. Льдова. «Тургеневъ и Толстой» Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «Новая женщина и разводъ» П. Тверского. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» Проф. Ѳ. Батюшкова. «Сельско-Хозяйственные отхожіе промыслы» В. Бирюковича. «Плоскогорье» Ром. Л. Гуревичъ. «Нѣмецкій студентъ конца вѣка» Проф. А. Трачевскаго. «Атомизмъ и энергетизмъ» Проф. А. Введенскаго. «На конкурсѣ». Раз. А. Стерна., и мн. друг.—Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппіусъ, К. Льдова, К, Фофанова, К. Бальмонта, Ѳ. Сологуба, О. Чюминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. «Вопросы самообразованія» (Статьи проф. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимкевича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и др. II. Областной отдѣлъ». III. Земскій отдѣлъ» (Статьи Земское и городское самоуправленіе» М. Стиваля, «Земскіе финансы» В. Бирюковича, «Взаимное земское страхованіе» П. Ск—скаго, «Земское и городское самоуправленіе» П. Кузнецова и др.). IV. «Провинціальная печать» Л. Горева. V. «Внутреннее обозрѣніе». VI. «За предѣлами европейской Россіи» (Статьи: «Въ Сибири», «Кому просвѣщать Сибирь»? «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ» М. П., «При-

балтійскій край» П. К. «Привислянскій край» М. П. «Финляндскія дѣла» П. Кузнецова). VII. Кореспонденціи изъ-заграницы». VIII. Изъ жизни и литературы». IX. «Критика» X. «Библіографія». XI. «Литературныя замѣтки» А. Волынскаго (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (безъ измѣненія объема и состава книженъ). Разсрочка для иногородныхъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

Условія подписки:

	Годъ.	1/2 г.	1/4 г.	1 мѣс.
Для иногородныхъ . . .	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
» городскихъ (съ дост.)	11 »	5 » 50 к.	2 » 75 к.	90 к.
» заграничныхъ . . .	14 »	7 »	4	

Подписка принимается: въ Гл. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ Отдѣл. Конт. книжн. магаз. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ кн. маг. Карбасникова, «Новое Время», Печковской и др.

Редакторъ-Издательница *Л. Я. Гуревичъ.*

3—1

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости.

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и пр.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ; обозрѣніе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы, переводные и ориги-

нальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причемъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.,

Въ 1897 году въ «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостяхъ еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый **«отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства»** открываемый по ходатайству земскаго собранія, въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

на годъ	8 р.	на три мѣсяца . . .	2 р. 60 к.
на полгода	4 р. 40 к.	на одинъ мѣсяцъ . .	1 р.

Преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начинается съ января.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

на 1897 годъ

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также пе-

реводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ $^{2}/_{29}$ февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги.

„Воскресное Чтеніе за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за $18^{37}/_{38}$ г. (т. I), $18^{41}/_{42}$ (V), $18^{47}/_{48}$ (XI), $18^{48}/_{49}$ (XII), $18^{51}/_{52}$ (XV), $18^{53}/_{54}$ (XVII), $18^{54}/_{55}$ (XVIII), $18^{55}/_{56}$ (XIX), $18^{56}/_{57}$ (XX), $18^{57}/_{58}$ (XXI), $18^{60}/_{61}$ (XXIV), $18^{61}/_{62}$, (XXV), $^{63}/_{64}$ (XXVII), $18^{64}/_{65}$ (XXVIII) $18^{65}/_{66}$ (XXIX), $18^{66}/_{67}$ (XXX), $18^{67}/_{68}$ (XXXI), $18^{68}/_{69}$ (XXXII), $18^{69}/_{70}$ (XXXIII), $18^{70}/_{71}$ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. Н. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. Е. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его же, Слово сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ: а) св. Кипріана карѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—13 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—8—Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» (Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласнаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.;

т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и назначеніе) Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1894 т. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В. Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій*

3—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ 1897 году на Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1897 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляетъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья. Средней Азіи и Сибири):

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодческихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ. Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ) Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулагинъ, акад В В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ, (Минусинскъ), В. А. Машковъ (Варшава) еписк. Никаноръ, П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. каждая книжка отдѣльно 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются; Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

2—1

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить чи-

тателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ *Н. Дубровинъ*.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

1 «Церковный Вѣстникъ»—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «Христіанское Чтеніе»—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Примѣч. Доселѣ «Христ. Чтеніе» издавалось по одной книжкѣ въ два мѣсяца. Съ будущаго 1897 года оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 рублей на годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ» за два рубля, приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ одинъ рубль.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное

собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1897 г. будетъ изданъ третій томъ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца.

Новые подписчики, желающіе получить и первые два тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6 р. 50 к.**; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6 р. 50 к.**

б) За оба журнала 8 (восемь) руб. съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»**—9 (девять) руб. съ пересылкой.

ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

За оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»**—11 р. 50 к.; за каждые отдѣльно 7 (семь) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»**—9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й улицы и Дегтярной д. № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ.*

2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искусство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

Съ доставкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50,	10 —	9 20,	8 50,	7 80,	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харьковѣ:

10 — 9 50, 9 — 8 35, 7 50, 6 75, 6 — 5 25, 4 50, 3 40, 2 40, 1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

3—2

1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣ-

шеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ «Юридической Газетѣ», въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика», справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія, болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При внесеніи полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ какъ порученія, предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ

2-ой годъ изданія. „НОВОЕ СЛОВО" 2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «**Новое Слово**» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, Проф. К. Тимирязевъ, Антъ. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Ярощкій, А. И. Эртель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на «**Новое Слово**» принимается.

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р	— к.
» » » » » полгода. . .	5 »	— »
» » » » » три мѣсяца. .	2 »	50 »
» » безъ пересылки на годъ. . .	9 »	— »
» » съ перес. за границу на годъ.	12 »	— »

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. Отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «Новое Слово» въ книжномъ магазинѣ «Трудъ» —Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

„ЖИЗНЬ”

Журналъ будетъ выходить съ 1 января 1897 г. въ С.-Петербургѣ три раза въ мѣсяцъ (1, 11 и 21) книгами большого формата in 8⁰ въ 10—12 печ. листовъ (160-200 стр.) каждая.

Въ программу журнала войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Романы, повѣсти, разсказы (преимущественно русскихъ авторовъ) стихотворенія и пр.

II. Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанья и искусствъ, въ популярномъ изложеніи.

III. Статьи по общественнымъ вопросамъ.

IV. Критика и библіографія.
V. Русская жизнь.
VI. Заграничная жизнь.
VII. Театръ. Музыка. Живопись.
VIII. Смѣсь.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Жизни», состоящее изъ тридцати шести книгъ, семь рублей съ доставкой и пересылкою. За-границу—7 руб. золотомъ.

При обращеніи непосредственно въ контору «Жизни» (С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30) допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальныя.

По особому соглашенію съ конторой допускается разсрочка на болѣе льготныхъ условіяхъ (отъ 1 р. ежемѣсячно).

КОНТОРА РЕДАКЦІИ

С.-Петербургъ. Ковенскій пер., д. № 30.

Редакторъ-Издатель *С. В. Воейковъ.*

1—1

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LV, 1896 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ ВЪ ЮЖНОЙ УКРАИНѢ ВЪ XV СТОЛѢТІИ. **В. Антоновича** . . . . . 1—19

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ. **Н. Бѣляшевскаго.** 20—64

III. КЪ ВОПРОСУ О СТАРИННЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ. По поводу брошюры проф. Н. Сумцова «Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній». **А. Крымскаго** . . . . . 65—76

IV. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. (1817—1830 г.г.) 77—92 . . . . . 225—233

V. НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВЛЕВОЛЫНСКАГО БЫТОПИСАНІЯ. **Волынца** . . . . . 93—109

VI. НОВЫЯ ДАННЫЯ О СОЮЗАХЪ НЕЖЕНАТОЙ МОЛОДЕЖИ НА ЮГѢ РОССІИ. **В. Ястребова.** . . . . . 110—128

VII. РАЗВАЛИНЫ ЮРЬЕВОЙ БОЖНИЦЫ ВЪ С. СТАРОГОРОДКѢ. **М. Константиновича.** *(Съ рисункомъ и планомъ)* . . 129—136

VIII. ШАРОНЪ. (Разсказъ). **Ѳ. А. Кудринскаго.** . . . . . 137—165

IX. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. **Н. Сумцова.** 166—177

X. АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА. 178—224 . . . . . 337—374

СТР.

XI. СВАДЬБА МАЛОРУССКАЯ, КАКЪ РЕЛИГІОЗНО-БЫТОВАЯ ДРАМА. **Хр. Ящуржинскаго** . . . . . 234—273

XII. СВѢДѢНІЯ О ПОХОДѢ ВЪ КРЫМЪ МИХАЙЛА ДОРОШЕНКА. **К. Мельникъ.** . . . . . 274—286

XIII. ПРИ СТАРЫХЪ ПОРЯДКАХЪ. (Изъ недавняго прошлаго Волынской духовной семинаріи). **Константина Храневича** . 287—326

XIV. ОСТАТКИ ДРЕВНЯГО ГОРОДИЩА ВЪ М. СНѢТИНѢ ЛУБЕНСКАГО У., ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. **Василія Ляскоронскаго** 327—336

XV. ПО ПОВОДУ СТА ЛѢТЪ ОТЪ СМЕРТИ ГРАФА РУМЯНЦОВА. **Ал. Лазаревскаго.** . . . . . 375—395

XVI. ПЕРВЫЙ КІЕВСКІЙ АРХЕОЛОГЪ М. Ѳ. БЕРЛИНСКІЙ. **В. Щербины.** . . . . . 395—417

XVII. КОЛЛЕГІЯ ПАВЛА ГАЛАГАНА ВЪ КІЕВѢ (По поводу исполнившагося 1 октября текущаго года двадцатипятилѣтія ея существованія). **В. Науменка.** . . . . . 418—433

XVIII. ПО ПОВОДУ 25-ТИЛѢТІЯ СЦЕНИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ М. Л. КРОПИВНИЦКАГО. **Д. А.** . . . . . 434—440

ОТДѢЛЪ II й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Письмо святителя Феодосія Углицкаго. **А. Л.** б) Къ исторіи возстанія Наливайка. **В. А.** в) Изъ разсказовъ о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи. Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.** г) Полтава восемьдесятъ лѣтъ назадъ. **Егора Акимова.** д) Къ исторіи бродячихъ сказаній о мудрыхъ судьяхъ. **А. Крымскаго.** е) Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. Сообщ. **В. Науменко.** ж) Сказки о жабахъ. **В. Милорадовича.** з) Какъ поймали Наполеона Бонапарта въ лебединскомъ уѣздѣ. —* и) Отецъ Петръ. —* і) Черниговскій воспитательный домъ семьдесятъ лѣтъ назадъ. к) Недоразумѣніе. **А. Л.** л) Протоіерей Н. А. Лащенковъ. (Некрологъ). м) Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. **В. Науменка.** н) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. о) Шпага Карла XII Кн. **Александра Дабижи.** п) Вѣсти о судьбѣ историко-статистическихъ матеріаловъ по

СТР.

Полтавщинѣ **В. Василенка**. р) Сообщеніе очевидца о великомъ пожарѣ въ Кіевѣ на Подолѣ 1811 года. Сообщ. **П. Голубовскій**. с) Артиллерійскій музей въ Петербургѣ. **Н. Бѣляшевскаго.** т) Изъ путевыхъ замѣтокъ Великаго Князя Николая Павловича (1816 года). **О. Л.** у) Черты характера гр. П. А. Румянцова. **А. Л.** ф) Хозяйство гр. П. А. Румянцова. **А. Л.** 1—17, 37—51. . . . . 65—85

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Списокъ населенныхъ мѣстъ кіевской губерніи. Изданіе 3 Кіевск. Губ. Стат. Комитета. **Ал. А—ча.** б) А. Н. Лисовскій. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка. **И. Стешенка.** в) Выставка древностей, представляемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею на возрѣніе Государя Императора. **Б.** г) Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходять у Львові під редакциею Михайла Грушевскаго. **Н. М.** д) Волынскій историко-археологическій сборникъ. Вып. 1. Изданіе распорядительнаго комитета Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества. **Н. Бѣляшевскаго.** е) Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Выпускъ 2. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Б. Д. Гринченка **А. Л.** ж) Rocznik kółka naukowego Tarnopolskiego za rok 1895. **А. Л.** з) Указатель неоффиціальнаго отдѣла Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей за 1871—1895 г.г., **А. Л.** и) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Томы 2-й и 3-й **А. Л.** і) Кіевъ и университетъ св. Владиміра при императорѣ Николаѣ I. 1825—1855. Изданіе университета св. Владиміра съ 16 свѣтопечатями и 2 цинкографіями. **М. Н.** і) Акты, издаваемые Виленской Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIII Акты Холмскаго гродскаго суда **И. Каманина.** к) Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 года. Издалъ Б. И. Ханенко. **В. Щербины.** 18—36, 52—64 . . . . 86—98

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» (*въ концѣ книги*). . . . . .

СТР.

ОБЪЯВЛЕНІЯ о журналахъ 1897 г. 1—4, 1—12 . . . 1—26

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (353—368 369—384, 385—400, 401—418).

2) Любецкій Архивъ. (209—224).

Пятокъ. 4. День и ночъ были во всемъ зъ вчорайшими сходніе. Сей день никуда не бывалъ здому предреченной ради притчини.

Субота. 5. День былъ свѣтлій, тихій и теплій израдной погоди, ночъ такова жъ. Явились къ намъ еще вчорайшого дня отецъ Ісаия Заславскій зъ ердіакономъ Іоанномъ Заславскимъ зъ скаргою на ігумена Гамалѣевского Германа Кононовича за его показуемое имъ и другимъ законникамъ обиди зъ жалобою, которіи и подали доношеніе и обѣдали сегодня у насъ. Жена моя зъ дочерю Пазею пріехали въ Глуховъ зъ гостини своей отъ степнихъ маетностей. Обозний енералний Яковъ Лизогубъ зъ походу отъ Полши, черезъ С.П.Бурхъ, повернулся въ Глуховъ сегодня и сталъ у войсковомъ дворѣ.

Неделя. 6. День былъ зранку и черезъ все время до ночи зъ туманомъ, хмаренъ и холоденъ, такова жъ и ночъ была, а къ свѣту випогодилась. Обѣдалисмо въ дому и съ нами тіотка Кондзеровская и Гапка. Збѣгшого римара Степана козакъ зъ монастира Петропавловского Глуховского привезлъ, которий за тотъ побѣгъ и былъ наказанъ.

Понедел. 7. День былъ израдной погоди, свѣтелъ, тепелъ и тихъ. Обѣдалисмо вкупѣ, матка отехала по обѣдѣ въ Роменъ на Тулиг.

Вовтор. 8. День былъ израдной погоди свѣтелъ, тепловатъ и тихъ, такова жъ и ночъ. Сегодня рано поехалъ я и заехавши до обозного енер., поздравилъ его поворотомъ зъ походу, и отъ него поехалъ былъ у футорѣ, оттоть въ Сварковъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ у вечеру вернулся въ городъ и заехавши знову до обозного енер., доволно у него зъ судіею енер. Забѣлою просидѣлъ. За долгъ Манжули заплатилъ я черцямъ Глинской пустинки 1 р. Посланъ козакъ въ Кіевъ до архиерея Кіевского зъ писмомъ родител. и доношеніями отца Ісаии и дякона, законниковъ Гамалѣевскихъ.

Середа. 9 День и ночъ были противъ вчорайшихъ изрядной погоди, а къ свѣту морозъ. Сей день продновали у себе и подпіяхомъ ради тезаименитства моего, а били у насъ отецъ Ісаия,

законникъ Гамалѣевскій, попъ отецъ Мойсей, тіотка п. Кондзеровская и Гапка.

Четвер. 10. День и ночъ были противъ прежнихъ изрядной погоди. Сегодня былъ я рано въ судѣ, а обѣдалъ у себе зъ род. и зъ берейтеромъ Платомъ. После обѣда ездилъ смотрѣть ученія конского и до обозного заездилъ. Циганокъ Свар. повернулся съ Кіева и припровадилъ шевця утекшого Никиту зъ женою его и зъ синомъ. Такъже нѣкоторіе покупки: 2000 орѣховъ волоскихъ, да орѣховъ же волоскихъ приливанихъ 400, да дерену бочонокъ и шестодневникъ воскресний и 80 р.

Пятокъ. 11. День былъ израдной погоди, тихъ и холодноватъ, къ вечору хмаренъ зъ малимъ дощемъ да густимъ, ночъ тиха, хмарна и влажна. Сегодня поехавши я зъ дому, заездилъ до брата п. Михайла, а оттоль въ Сварковъ, где и ночевалъ. Сеей ночи противъ суботи згорѣло въ селѣ Сварковѣ дворовъ два, совсѣмъ старого и маладого Опанаса Сиваковъ, а третий дворъ, где попъ живалъ и четвертий отратовали.

Субота. 12. День былъ вѣтрянъ почасти, хмаренъ, зъ дощемъ густимъ, передъ вечоромъ дощъ переставалъ и въ ночѣ випогодилось, а къ свѣту туманъ. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ черезъ футоръ до Глухова и заехавши до обозного енералного, посидѣлъ мало зъ п. Михайломъ и повернулся домой на ночъ.

Неделя. 13. День былъ сперва съ туманомъ, а после немного вияснился. Ночъ тиха, ясна и холодна, къ свѣту туманъ. Рано были у князя Боратинского и у княгинѣ, а обѣдали у Боратинскаго зъ род., зъ п. Михайломъ и Андреемъ Миклашевскимъ, и подпіяхомъ. Оттоль зайшовши до Андрея Миклашевскаго, играли у карти зъ виграшомъ 20 к.

Понедел. 14. День былъ хмаренъ почасти и свѣтелъ, ночъ такова жъ, къ свѣту дожчъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ пріехали п. Михайло, Андрей Миклашевскій, Чуйкевичъ Федоръ, Лукомскій и играли въ карти зъ проиграшомъ моимъ 2 р. и 4 к.

Вовтор. 15. День былъ увесь зъ вѣтромъ и дощемъ, отчего умножилась грязь, ночъ такова жъ. Никуда не ездили зъ дому

для негоди. Зъ Бѣлополовки отъ дочери Ганни прислано писмо зъ обявленіемъ о тамошнемъ повоженню. Писалъ я въ Кіевъ до Петра, черезъ жолдака, о продажѣ гор. Писалъ я черезъ Омеляна до стар. Сухонос. о присилкѣ сюда хмелю, суши, сира, и горѣлокъ (?) приливанихъ, да до дворника Криворудского о приблудахъ.

Середа. 16. День былъ сперва вѣтрянъ велми и велми хмаренъ, съ дощемъ, а посля дощъ пересталъ и стало холодно, ночъ хмарна, вѣтряна и холодна. Рано поехали родитель и я въ Ясмань для споткоиня князя Шаховского, где и обѣдалисмо, и съ нами п. Михайло и Андрей Миклашевскій. У вечеру виехалисмо зъ обознимъ енералнимъ, при знаку, за Ясмань и уехавши верстъ зъ 4, стрѣтили князя и у Ясмань его запроводивши на квартеру, тутъ и ночлѣгъ имѣлисмо.

Четвер. 17. День былъ вѣтрянъ, почасти хмаренъ и почасти ясенъ, холоденъ, ночъ свѣтла, тиха и холодновата. Зъ Ясманѣ рано зъ княземъ пріехалисмо въ Глуховъ, которого привѣтствовали зъ палби пушечной и въ него подпіяхомъ. Оттоль шумніе зайшовши до Андрея Миклашевского, зъ п. Михайломъ и Холодовичемъ играли, зъ проиграшомъ моимъ 1 р. 80 к.

Пятокъ. 18. День былъ вѣтренъ, холоденъ, воздуха сухого, почасти хмаренъ, а посля свѣтелъ и тихъ, ночъ (?) Рано ездилъ въ склепъ, где зъ сулѣи насипалъ бутилокъ болшихъ 3, а меншихъ 2 петерцѣменту, да красного бутилокъ 2, да циця волоского, и тое все въ склепу оставили. Купилъ я на кунтушъ сукна красносѣрого у Пуховича, локоть 5 зъ четверткою, по 40 а., итого 6 р. 16 а. Билъ у енералной канцеляріи и видѣлъ указъ до князя зъ сената, въ якомъ написано по п. 4-му: по челобиттю подскарбѣя генералного Андрея Маркова селу Засуллю бить за нимъ попрежнему, буде у него прежная есть грамота, и оную осмотрѣть и ежели есть, то дать жалованную грамоту на оное село Засулле ему, подскарбью.

Субота. 19. День былъ почасти хмаренъ и свѣтелъ воздуха сухого и холоденъ, ночъ влажна, зъ малимъ дощикомъ, однако жъ холодна. Рано ездилъ я въ городъ, билъ у енер. к—ріи, а по-

воротясь домой, закусилъ мало и поехавши, билъ у футорѣ и въ Сварковѣ, и оттоль на ночъ повернулся домой.

Неделя. 20. День былъ хмарний, тепловатъ зъ дощемъ густимъ, отчего награзило, такова жъ и ночъ била зъ вѣтромъ и дощемъ до свѣта, а свѣтомъ переставъ. Были рано у князя, а обѣдали у Боратинского и подпіяхомъ.

Понедел. 21. День бѣлъ хмарний, знову зъ дощемъ, таковажъ и ночъ. Сегодня я никуда не ездилъ обѣдалъ въ дому, а род. у князя. Інструкцѣя подписана намъ въ комиссѣю енер., швакгеръ мой Андрей Полуботекъ, Андрей Миклашевскій, Петро Корецкій и я, и къ намъ опредѣленъ Степанъ Лукомскій, зъ которою у вечеру пріездили ко мнѣ Миклашевскій и Корецкій.

Вовтор. 22. День былъ подобній же вчорайшому и ночъ хмарніе зъ временнимъ дощемъ и незбитъ холодніе. Былъ у городѣ у дворѣ у князя и обѣдалъ, оттоль заехалъ до Миклашевского и игралъ въ карти, зъ проиграшомъ 4 а.

Середа. 23. День былъ хмарний зранку, великій дощъ, туманъ после, ночъ сходна, толко безъ дощу, а къ свѣту вияснилась. Рано былъ у князя и подпіяхомъ для именинника племянника его п. Якова Петровича, а оттоль заехавши до Миклашевского, игралъ въ карти безъ проиграшу, долго.

Четвер. 24. День былъ преизрадной погоди, ясний, тихій, холодний и сухій, ночъ сперва хмарна, вѣтряна и холодна, а къ свѣту зъ снѣгомъ. Сей день никуда я не ездилъ, кромѣ Андрея Миклашевского и то рано, а обѣдалисмо вкупѣ зъ род. въ дому, потому что князь на охоту ездилъ.

Пятокъ. 25. День былъ самой худой осѣнной погоди, хмаренъ, вѣтрянъ зъ густимъ снѣгомъ и метелицею, которая передъ вечоромъ перестала; ночъ хмарна, холодна къ свѣту зъ морозомъ, отчего ставъ по мѣстамъ и берегамъ стялся мало. Сей день для такой негоди никуда я не ездилъ.

Субота. 26. День былъ хмарний, воздуха сухого зъ морозомъ, ночъ такова жъ. Сегодня ездилъ я рано въ городъ до Андрея Миклашевского, въ которого квартери въпервое засѣданіе нашее

было комисарского слѣдствія, а оттоль были у князя, зъ которимъ кушали род. и я у маіора гвардіи Хрущова, и подпіяхомъ. Жена зъ Туліголовъ рано пріехала въ Глуховъ.

Неделя. 27. День былъ хмарний, воздуха сухого зъ морозомъ, отчего померзло все, ночъ такова жъ, а къ свѣту снѣжокъ густенкій. Были рано у князя, у церквѣ и у него кушали, а после обѣда зайшли зъ п. Михайломъ до Андрея Миклашевского и играли у карти, зъ виграшомъ 1 р. Ставъ Глуховскій здешній стявся въ первое.

Понедел. 28. День былъ хмаренъ зъ морозцемъ, отчего ставъ и болше скрепился, и тихъ, ночъ свѣтла, тиха зъ болшимъ морозцемъ, для чего стали по ставу ходить. Алексѣй зъ розсильщикомъ по Фармакѣя отправленъ и дано имъ 2 р. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и съ нами п. Михайло, а по обѣдѣ ездили до Андрея Миклашевского играть у карти, зъ проиграшомъ 1 р. 73 к.

Вовтор. 29. День былъ хмаренъ, холоденъ, зъ туманомъ чили інеемъ, ночъ тожъ туманна, толко жъ холодна была. Рано былъ въ засѣданіи своей комиссѣи, обѣдалъ въ дому.

Середа. 30. День былъ зъ морозомъ, зъ інеемъ великимъ, ночъ подобная въ стужѣ, такъ же почасти хмарна, отчего болѣе ставъ замерзъ. Сей день засѣдали у комиссѣи, а оттоль пріехавши домой, обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ ездилъ до Андрея Миклашевского и игралъ зъ выиграшомъ 80 к. Москвитинамъ, смолянамъ дорогобузкого уезду, человѣкамъ 5, уплатилъ за ихъ работу за 2 мѣсяца 6 р. Бабъ старую и шинкарку по дѣлу полковници Танской ведлугъ чаруванія, во вредъ якоби енерала Девейзбаха и въ ползу за арестомъ сидячого полковника Танского, въ судѣ енер. пекли, а присутствовали тому Гуревъ, родитель, Забѣла Михайло, суддя, и писаръ енер. Турковскій.

Четвер. 31. День былъ еще холоднѣйшій, зъ болшимъ інеемъ, ночъ мало яснѣйшая и холодна. Былъ я рано въ судѣ енер. и улику говорилъ противъ Кровнѣзкого[1]), повѣренного графа Гаврила

[1]) О Романѣ Кровницкомъ см. Опис. Стар. Малорос., I, 149 и 157.

Рагозѣнского, а посля у своей былъ комисѣи и обѣдалъ у себе. Табакерку золотую далъ я родителеви для потрати, за которой вичищенне золотару заплатилъ 50 к. До брата Марка писалъ о Красношапчиномъ грунтѣ.

М—ць ноеврій. Пятокъ. 1. День былъ еще холоднѣйшій зъ болшимъ інеемъ, у вечеру отлигло, въ ночѣ дожчъ и тепло стало, къ свѣту туманъ. Былъ я у своей комиссѣи, а оттоль ездилъ до Сваркова, где и ночевалъ. Зъ Крисіокъ привезли бересту 80 пучковъ въ Сварковъ.

Субота. 2. День былъ хмарний, туманний, а посля и дощеватъ, ночъ безъ дощу, толко жъ тепла и хмарна. Отпустилъ я теселъ Крисковскихъ въ доми до запустъ, и велѣлъ двомъ лутшимъ дать гор. по 20 квартъ, по полчверти жита и гречки, а подлѣйшому полчверти гречки и квартъ 10 гор. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ черезъ футоръ, где видѣлъ кобилъ 8, лошаковъ 2, лошатъ малихъ пригнаннихъ зъ футора Криворудского Янѣшевскимъ. Пріехавши въ Глуховъ, заехалъ до Андрея Миклашевского, где игралъ у карти зъ проиграшомъ 2 р.

Неделя. 3. День былъ хмарний, вѣтровлажний зъ дощемъ и снѣгомъ густимъ, ночъ подобная дневи, толко суха, а къ свѣту снѣжокъ малий. Рано были у князя, у службѣ у ст. Анастасіи и у него кушали, оттоль зайшли до Андрея Миклашевского, игралъ зъ виграшомъ 60 к. Князь Алексѣй Івановичъ Шаховскій обявилъ указъ именний ея величества, чтобъ сидѣть по прежнему въ судѣ обозному и Михайлу Забѣлѣ, суддѣ, енералнимъ. Максимъ Турковскій, которій сидѣлъ подъ карауломъ, освобоженъ.

Понедел. 4. День былъ хмарній зъ дощемъ, тихій и зъ снѣгомъ, ночъ тажъ хмарна, тиха зъ снѣгомъ. Рано ездилъ въ судъ, где повѣренний графа Гаврила окончилъ оправданіе, а я оттоль зайшовши до Андрея Миклашевского, комисіональніе дѣла отправляли и посля обѣдалъ въ дому, и никуда не ездилъ.

Вовтор. 5. День былъ хмарний зъ морозцемъ малимъ, тихій зъ снѣжкомъ, посля съ отлигою, ночъ такъ же хмарна, тиха, а къ свѣту зъ хорошимъ морозомъ. Рано ездилъ въ судъ енер. и закре-

пилъ оправданіе отвѣтчика Кровнѣцкаго, повѣренного графа Гаврила Рагозѣнского. Оттоль заездилъ до Андрея Миклашевского въ засѣданіе, а оттуду до п. Михайла ездили всею компанѣею, где играли у карти безъ проиграшу моего.

Середа. 6. День былъ зъ морозомъ хорошимъ, хмарний, тихій, ночъ таковажъ. Банкетъ билъ у князя для именинници жени князь Якова и подпіяхомъ. Оттоль пойшовши у вечеру до Миклашевского, играли въ карти, зъ виграшомъ 2 р.

Четвер. 7. День былъ и ночъ подобніе прежнимъ, толко еще холоднѣйшіе. Сегодня рано были у князя и службы Божой у ст. Анастасіи слухалъ. Обѣдалъ въ дому и со мною п. Михайло Скор. У вечеру были у насъ Андрей Миклашевскій и Лукомскій и играли у карти, зъ виграшомъ 30 а. Кобилъ 8 продали моихъ носатихъ у взяли за нихъ 23 р. готовихъ, а еще на боргу (въ долгу) денегъ до Рождества Х—ва 6 р. 50 к.

Субота. 9. День былъ и ночъ подобніе прежнимъ. Обѣдали у насъ Андрей Миклашевскій, Корецкій и Лукомскій и сотникъ Новгородскій; по обѣдѣ играли у карти, зъ виграшомъ 2 р.

Неделя. 10. День былъ подобній прежнимъ, толко зъ невеликимъ снѣжкомъ, такова жъ и ночъ. Сегодня били у князя и обѣдали тамъ. Фармакѣй пріѣхалъ грекъ, за которимъ ездилъ Алексѣй.

Понедел. 11. День и ночъ были противъ прежнихъ, толко въ день отлига зъ дощикомъ малимъ показалась на время, а къ вечору знову подобній прежнимъ морозъ. Сегодня кушалисмо компанеею нашею у п. Михайла и после играли въ карти, безъ проиграшу, куда пріехали полковники Миргородскій и Лубенскій Апостоли. Сегодня кушалисмо компанѣею своею у Андрея Миклашевского и играли въ карти, безъ проиграшу.

Вовтор. 12. День былъ и ночъ сходніе во всемъ прежнимъ, морозъ великъ съ иневмъ, да снѣгу нѣтъ. Сегодня кушалисмо компанѣею своею у п. Михайла, и после играли у карти, зъ виграшомъ нашимъ, куда потомъ пріехали полковники Миргородскій и Лубенскій, зъ полковъ своихъ, Апостоли.

Середа. 13. День и ночъ были сходніе во всемъ прежнимъ. Рано никуда не ездилъ для того, что у банѣ рано мился. А после обѣда, у вечеру, ездилъ до Андрея Миклашевского, зъ которимъ такожъ п. Михайломъ, Миргородскимъ и Лукомскимъ, после его играли у карти зъ виграшомъ.

Четвер. 14. День и ночъ были во всемъ сходни къ прежнимъ, зъ морозомъ, безъ снѣгу. Сегодня рано были у князя и кушали, оттоль били у полковниковъ Апостоловъ на квартерѣ и играли у карти, зъ невеликимъ виграшомъ. Тамъ же я и вечералъ.

Пятокъ. 15. День и ночь были противъ прежнихъ холодніе. Ездилъ въ комиссѣю и после на Бѣлополовку, где съ полковниками Луб. и Мир. игралъ въ карти, зъ виграшомъ.

Субота. 16. День и ночъ были хмарніе, тихіе зъ разствореніемъ воздуха, а по обѣдѣ ездилъ въ Сварковъ, и оттоль домой ворочаючись, заехалъ до Синявина и тамъ посидѣвши, пріехалъ на ночъ въ домъ.

Неделя. 17. День и ночъ были подобніе вчорайшимъ. Былъ рано у князя, обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ ходилъ на Бѣлополовку, играть въ карти, зъ виграшомъ моимъ же. По челобитью моемъ, которое я далъ князю Шаховскому, а онъ въ С.П.Бурхъ въ синодъ отослалъ, а зъ синоду оное зъ указомъ прислано до архіепископа Кіевского, а отъ архіепископа опредѣлени на розискъ архимандритъ Нѣжинскій Сава Шпаковскій, да игуменъ Густинскій Гавріилъ Леополскій, и пріехали въ монастиръ Рихловской о предерзостяхъ Крисковского попа Ѳедора, которіе до старости Крис. и писали, требуючи присилкѣ Клима Пѣщанского и нѣкоторихъ мужиковъ Крисковскихъ къ допросу, почему онъ, Климъ, сегодня и отехалъ. Климу на кожухъ далъ 5 р., да черезъ его жъ послалъ футро сѣрое и киндякъ старостѣ Крисковскому, и приказалъ черезъ его жъ о нѣкоторихъ дѣлехъ господарскихъ.

Понедел. 18. День былъ хмаренъ, сходенъ къ прежнимъ, а ночъ тепла и зъ густенкимъ, толко жъ мокримъ снѣгомъ, отчего дорога еще зимняя поправилась. Сегодня рано билъ у комиссѣи, а после обѣдалъ дома зъ Чуйкевичемъ; у вечеру ходилъ на Бѣло-

половку до полковниковъ, где на два верстати играли у карти, — полковники оба, Андрей Миклашевскій и я или п. Михайло и другіе.

Вовтор. 19. День былъ холоденъ зъ снѣгомъ великимъ и метелицею, которая къ вечеру перестала, а на то мѣстъ жестокій морозъ сталъ до свѣта, якого еще не бивало по сей день. Сегодня были у комиссѣи, обѣдалъ у себе зъ Чуйкевичемъ и никуда зъ дому не виездилъ. Извѣстился я, что опредѣлени въ Москву для переводу книгъ по силѣ указа отъ князя Шаховского 12 персонъ, а именно: зъ Кіевской епархіи—архимандритовъ 1 и ректоръ Дубневичъ, зъ Переяславля—игуменъ, зъ Печерского монастыра соборний чернецъ Юскевичъ, зъ Чернѣговской—игуменъ Макошинскій, протопопъ Ром. Савѣцкой, суддя енер. Борзна, полковникъ Полтавскій Кочубей, хоружій полковий Лубенскій Столповскій, да сотникъ Мглинскій Григорій Стороженко и бунчуковіе товарищи Семенъ Чуйкевичъ, да Василь Думитрашко Райча и зъ маистрату кіевского Нечай.

Середа. 20. День былъ зъ жестокимъ морозомъ, свѣтлій и тихій, и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо зъ п. Михайломъ у мене, онъ отойшолъ на Бѣлополовку, а я поехалъ въ Сварковъ и тамъ не бавлячись, повернулся домой. Княжна Варвара Алексѣевна Черкаская да жена князя Івана Юровича Трубецкого, невѣстка князя Юрія Юревича Трубецкого, пріехали въ Глуховъ и стали квартерою у Оболонского, писара судового.

Четвер. 21. День былъ и ночъ сходніе во всемъ зъ вчорайшими со жесточайшимъ морозомъ, свѣтліе и тихіе, почему и всѣ рѣки стали. Были рано у князя и съ нимъ ходили до Черкаской визиту отдатъ, а по службѣ былъ банкетъ у князя, где и мы обѣдали. По обѣдѣ, зайшли до Андрея Миклашевского и тамъ съ нимъ, зъ п. Михайломъ и Савкою Терлецкимъ играли у карти, зъ виграшомъ моимъ 1 р. 60 к.

Пятокъ. 22. День былъ сходенъ въ стужѣ, толко хмарний, зъ снѣговою густою метелицею, ночъ тожъ хмарна зъ малою отлигою. Сегодня въ первое зъездились въ квартеру на Бѣлополовку, въ дворъ гетмановой Апостоловой, мы, опредѣленніе въ коммесѣю.

До п. Михайла черезъ Тараса отослалъ 50 р. на куплю въ Москвѣ, черезъ Андріяна и Каратаева, двохъ печей, 140 пуд. гипсу, дроту на штукатур. полъ пуда, гвоздей малихъ цвяшковъ на то жъ 40 тисячъ.

Субота. 23. День былъ хмарний, тихій, мало з оттеплѣвшимъ воздухомъ, ночъ хмарна жъ, вѣтряна и зъ доволнимъ снѣгомъ, который передъ свѣтомъ пересталъ. Рано зъ Глухова поехалъ я и пріехалъ въ Тулиголови на обѣдъ, где и заночевалъ. По обѣдѣ ездилъ на млинъ далний, где одно коло порадне мелетъ и розмѣру зъ путивокъ три, оттоль на Бутурлимовскій, где розмѣру гречки зъ полубочокъ, да жита въ скринѣ. Привезли теперъ зъ футора Калюжновского жита четвертей 50 до винницѣ Тулиголовской.

Неделя. 24. День былъ хмарний, тихій, а после вѣтрянъ, холоденъ, ночъ такова жъ, а къ свѣту зъ отлигою знатною, къ мокротѣ склонною. Службы Божой зде въ Тулиг. слушалъ и обѣдалъ. По обѣдѣ поѣхалъ зъ Тулиг. и пріехалъ передъ ноччю въ Глуховъ. Отправленъ Янѣшевскій, конюшій, въ поля и зъ собою взялъ молодого коня гнѣдого. Ему жъ данъ приказъ пунктами о нѣкоторихъ дѣлехъ и 7 р. Теперъ зде въ Тулиг. горѣлки ничего не было, а вчора отсель въ Сварковъ отправлено гор. куеъ 2, одна до Демяна, а другая шинкарю дана Сварковскому. Въ Тулиголовахъ устроенъ мѣрний новий до всѣхъ млиновъ, Федоръ Козенко, и данъ приказъ старостѣ и ему, въ такой силѣ, чтобъ мимо его ничего не брато зъ млиновъ, а что озмется, въ томъ ему квѣтоватись карбами зъ старостою и мѣрочниками. Отъ октовр. 16 (когда зъ старости со всего знята ревизѣя) до сего ноевр. 24, собралось розмѣру зъ млиновъ, а именно: зъ Бутурлимовского—жита четвертей 5, гречки на лицѣ пуд. 3, а дробинѣ 19, овса дробинѣ путивокъ 8, денегъ зъ ступника 70 к.; зъ дворового млина—жита четвертей 3 и путивокъ 6, гречки на лицѣ пудъ 1, а употреблено путивокъ 5, овса на дробину употреблено путивокъ 7.

Понедел. 25. День былъ хмарний, не холодний, а после зъ дощемъ, ночъ также мокра зъ дощемъ и зъ вѣтромъ. Былисмо рано у князя и читали въ комиссѣи нашой доношеніе и екстрактъ

о полку Гадяцкомъ, оттоль зайшовши въ войсковую енер. к—рію подписались на чолобиттѣ о бѣглихъ, и оттоль заехавши на Бѣлополовку, сидѣли и возвратясь въ дворъ, я обѣдалъ. По обѣдѣ ездилъ зъ п. Михайломъ до Андрея Миклашевскаго и тамъ играли въ карти, зъ виграшомъ 1 р. зъ лишкомъ.

Вовтор. 26. День сходенъ во всемъ вчорайшому, еще зъ болшимъ дощемъ, такова жъ и ночъ, отчего снѣгъ увесь почти пропалъ. Были въ комиссѣи и оттоль поворотясь, обѣдали, а по обѣдѣ ездилъ я на пастовникъ и вечеринку имѣлъ у писара Печерского и Ігумена Густинского, который пріехалъ зъ архимандритомъ Нѣжинскимъ Савою, въ Глуховъ, допрашивать архимандрити Новгородского Мануйловича, по силѣ указу синодалного, о томъ, что онъ отъ церкви козака одного отлучилъ за грунта.

Середа. 27. День былъ подобній вчорайшому, толко безъ дощу, а съ полдня вѣтеръ показался холодний и стало мерзнуть и черезъ всю ночъ до свѣта. Были у своей комиссѣи и окончили свое мнѣніе якимъ лутшимъ порядкомъ отправлять комисарскіе дѣла комисарамъ и протчіимъ зъ полковой и сотеннихъ старшинъ. Обѣдалъ у себе. По обѣдѣ жена поехала въ Сварковъ, где и ночевали. Андріянъ поехалъ въ Москву до господъ своихъ Толстихъ, черезъ которого къ нимъ и къ Анастасіи писалъ и послалъ 2 бочонки, одинъ—орѣховъ приливанихъ, а другій—дерену прилитого.

Четвер. 28. День былъ хмарний, вѣтряний, холодний зъ стужею и между тимъ свѣтлий, ночъ была подобная дневи, холодна и вѣтряна, отчего померзло все и гололедица стала. Были рано у князя Шаховского и подавали мнѣніе отъ нашей комиссѣи составленное о порядкахъ комиссарского званія, что и аппробовалъ. Обѣдалъ въ дому и со мною Федоръ Чуйкевичъ, и по обѣдѣ ездилъ до Андрея Миклашевского и игралъ въ карти, безъ проиграшу.

Пятокъ. 29. День былъ вѣтряний зъ снѣгомъ, толко невеликимъ и сухимъ, ночъ еще холоднѣйшая и болше вѣтряная. Рано ездилъ до князя Шаховского и подалъ ему челобитте на розищиковъ архимандриту Нѣжинского да ігумена Густинского поданное въ томъ, что они розискуючи про попа Крисковского на писмѣ ничего

не писали, але толко голословно допрашивали. Ездилъ же я отъ князя посланний въ судъ енералний за тимъ, что суддѣ указу вой. енер. канцеллярiи закрѣпою Гурева до родителя моемо, безъ подпису княжого не приняли, чтобъ впредъ принимали, не требуя подпису княжого. Отехалъ Климъ, подданний Крисковскiй, которому на куплю жита далъ 60 р.

Субота. 30. День былъ очинъ вѣтрянъ и почасти холоденъ, ночъ хмарна, не такъ вѣтряна. Банкетъ былъ у насъ для тезоименитства родителя и былъ князь Шаховскiй съ многими, и подпiяхомъ. По отездѣ гостей, шумни, игралисмо у карти зъ Гуревимъ, п. Михайломъ и Андреемъ Миклашевскимъ и Холодовичемъ, зъ проиграшомъ 2 р. 40 к.

М-ць Декаврiй. Неделя. 1. День и ночъ были противъ прежнихъ, не такъ вѣтряніе, хмарніе, зъ нѣкоторою отлигою. Были рано у князя, обѣдалисмо у себе зъ род., у вечеру играли у карти у Андрея Миклашевского, зъ виграшомъ.

Понедел. 2. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ. Сегодня рано ездилъ до сестри Чарнишевой, оттоль до своей комиссѣи и обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ заходилъ ко мнѣ п. Михайло, зъ которимъ у пѣкетъ долго играючи, время просидѣли.

Вовтор. 3. День былъ подобний прежнимъ, хмаренъ, холоденъ, вѣтрянъ, да безъ снѣгу, ночъ такова жъ. Рано ездилъ въ свою комиссѣю, после до архимандрита Нѣжинского, где и пункты и указъ мнѣ показивали о слѣдствiи въ Крискахъ. Обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ у себе жъ игралъ у карти, зъ Михайломъ, Андреемъ Миклаш. и Холодовичемъ, съ проиграшомъ. У лазнѣ мился.

Середа. 4. День и ночъ были подобнiе вчорайшимъ. Были рано у князя. Обѣдали у себе. У вечеру зездились ко мнѣ писаръ енер. Турковскiй, Лисенко, хоружiй енер. Горленко и Корецкiй мирить сестру Чарнишеву зъ пасинкомъ ея Iваномъ Чарнишемъ, и принявши отъ нихъ претенсѣи, розехались по домамъ, а я ездилъ до Андрея Миклашевского и посидя, повернулся домой. Сегодня отехалъ отъ мене въ Москву мой мастеръ Василей Iвановъ, кото-

рому и денегъ далъ 5 р. 20 к. и росписку у него взялъ, и о присилкѣ его къ веснѣ—писалъ до Каратаева.

Четвер. 5. День былъ сходенъ прежнимъ, ночъ зъ отлигою и снѣгомъ малимъ. Рано ездилисмо въ свою комиссѣю, дома обѣдалъ, а по обѣдѣ пріехалъ швакгеръ п. Андрей Полуботокъ, съ которимъ ездили до Андрея Миклашевского, где игралъ въ карти зъ виграшомъ 45 к.

Пятокъ. 6. День и ночъ были сходніе противъ вчорайшихъ, толко зъ болшимъ морозомъ и инеемъ великимъ. Банкетъ былъ у князя Шаховского ради именинника сина его, и подпіяхомъ. Отехалъ Заруцкій Семенъ въ С.П.Бурхъ за дѣломъ родителскимъ, ради полученія грамоти на Засулле и за своимъ, черезъ которого писалъ я до Каратаева и 2 р. послалъ, и штановъ лосинихъ 3, рукавиць паръ 2 и фуфайку для починки и вимиття послалъ же. Писалъ же черезъ него до Михайла Хрущова и до Новоторжцова.

Субота. 7. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ. Сегодня для тезоименитства государинѣ принцесси Анни было молебствіе и обѣдали у князя.

Неделя. 8. День и ночъ были сходніе прежнимъ, толко зъ болшою стужею, а посля отлигою. Рано были у князя. Обѣдалъ я у себе и съ нами швакгеръ Полуботокъ, а у вечеру знову были у князя, которій, простившись со всѣми нами, зъ полночи поехалъ въ Суми; туда жъ швакгеръ поехалъ.

Понедел. 9. День былъ зъ отлигою, а въ началѣ ночи дожчъ пошолъ, а посля снѣгъ, и къ свѣту покрилъ землю гараздъ. Были рано у княжомъ дворѣ и на молебствіи ради тезоименитства государинѣ принцессѣ Аннѣ. Обѣдалъ у себе. Роздѣлался зъ Фармакѣемъ грекомъ черезъ медіяцѣю Петра Стерѣевича и Самойла Федорова, что онъ, Фармакѣй, долженъ заплатить родителеви 75 р., а мнѣ 375 р. наступуючого 1734-го году, априля 19. и на то далъ облѣкъ, а ему такіе денги должно доправить на Пѣперу съ товарищи или на поручникахъ.

Вовтор. 10. День былъ хмарний зъ отлигою, снѣгъ великій ишолъ и покрилъ землю, у вечеру переставъ; ночъ тожъ хмарна,

тиха, къ свѣту морозець. Сегодня былисмо у комиссѣи своей, обѣдалъ ръ род. По обѣдѣ зъ п. Михайломъ, Холодовичемъ и Павломъ Ломиковскимъ игралъ у карти, зъ виграшомъ 1 р. 70 к. Медіяторѣ въ справѣ сестри п. Чарнишевой зъезжджались и, побравши отъ ихъ реестри, розехались.

Середа. 11. День былъ зъ густимъ и доволнимъ снѣгомъ, ночъ тожъ хмарна, толко мало холоднѣйша, а къ свѣту зъ отлигою. Обѣдалъ я вмѣстѣ зъ родителемъ и женою у себе, а у вечеру ездилъ до Синявина и тамъ въ шахмати поигравши, повернулся домой.

Четвер. 12. День былъ сперва зъ густимъ снѣгомъ, холоденъ, а посля мокръ зъ дощемъ, такова жъ и ночъ была, а къ свѣту морозець. Сегодня рано поехалъ я и былъ у футорѣ, а оттоль въ Сварковъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ пріехавши уже смеркомъ въ Глуховъ, заехалъ до князя Боратинского и у него посидѣлъ, и сталъ шуменъ отъ вина доволно. У футорѣ скирту жита, а другую овса домолочували и того жъ жита усипали у яму четвертей 4.

Пятокъ. 13. День былъ хмарний, теплій съ разствореніемъ, ночъ такова жъ. Получилъ писмо зъ Кіева отъ Петра черезъ слугу п. Стефана Миклашевского, что еще осталось гор. куѳъ 52, якую де шафаръ Печерскій торгуетъ по 15 шаговъ. Отъ Янѣшевского козакъ зъ писмомъ, что виправа готова сюда, толко ждутъ дороги санной. Отъ стар. Перер. козакъ, что овци, пригнанніе зъ Гамал. туда, стали пасти (sic) да что требуютъ люде на откосъ денегъ на лѣто. Дѣло родителское зъ Коховскимъ рѣшено въ судѣ енер. и отказано Коховскому искъ пожилихъ денегъ для приходу бѣглого въ Короваи до указу 1718 году.

Субота. 14. День былъ хмарний, холодний, однако жъ мокрий, ночъ такова жъ, а къ свѣту холодна и вѣтряна. Сегодня рано ездилъ въ комиссѣю. Обѣдалисмо у себе и никуда не ездилъ.

Неделя. 15. День былъ вѣтрянъ, холоденъ, а зъ полдня вѣтеръ билъ же, толко теплій и мокрій, а къ вечору дожчъ якъ сталъ ити, то ажъ до свѣта ишолъ, отчего снѣгъ увесь почитать пропалъ. Рано, по прошенію брата п. Михайла, ездили мы, Андрей

Миклашевскій, Корецкій, Ломиковскій, Лукомскій и Александръ Левицкій, къ нему въ Дунаець, где обѣдали и ночевали и въ карти играли, зъ виграшомъ моимъ 3 р. 50 к.

Понедел. 15. День былъ подобній вчорайшому, хмаренъ, вѣтрянъ велми и мокръ. Такова жъ и ночъ, отчего и болше снѣгу пропало. Рано зъ Дунайця поехалисмо всѣ въ Глуховъ и я пріехавши домой, обѣдалъ зъ родителемъ и женою въ дому, и никуда неездилъ. У вечеру подданихъ Крисковскихъ за ихъ вини и непостоянство, что, подавши мнѣ суплѣку всѣ въ обидахъ на попа, посля зъ нихъ нѣкоторіе зрѣкались, наказивали кіевимъ боемъ.

Вовтор. 17. День подобній былъ прежнимъ, тепелъ, мокръ, вѣтрянъ велми. Ночъ такова жъ, толко вѣтеръ еще примножился, а съ полночи стала перемѣна воздуха и къ свѣту морозець. Рано ездилемъ въ свою комиссѣю, а обѣдали у себе и съ нами Стопповскій, хоружій лубенскій. Отправленъ козакъ Глуховской сотнѣ въ Кіевъ, черезъ которого писалъ я до архіерея, чтобъ вновъ мѣючіе опредѣлитись розищики въ Криски по поданной моей на попа челобитной, принимали до себе и впредъ жалобу отъ подданнихъ моихъ, якую они мѣютъ подать въ обидахъ вновъ отъ его попа имъ, подданнимъ, затѣяннихъ, а объ опредѣленіи другихъ розищиковъ, на мѣсто прежнихъ, писалъ князь Алексѣй Івановичъ до архіерея и чтобъ хто присутствовалъ зъ сторони княжой отъ енер. к—ріи, тому розискови. Да писалъ же я въ Кіевъ до Тарноліота и до Петра о продажѣ вина моего простого по 29 копѣекъ тамошнего ведра, и о куплѣ вина волоского доброго буты, на родителя и мене.

Середа. 18. День былъ велми вѣтрянъ, толко жъ вѣтеръ не сухого мороза и того ради не мерзло велми, ночъ такова жъ, а къ свѣту тиха стала и тепломокра, отчего уже и найпаче снѣгъ и ліодъ стаялъ. Никуда я не ездилъ, толко отправилъ старосту Крисковского Шоха, давъ ему приказъ и 5 р.

Четвер. 19. Денъ былъ подобній прежнимъ, толко еще зъ туманомъ и мокрохладний, самий осѣнний, а не зимній, ночъ та-

кова жъ зъ вѣтромъ. Ездилъ я рано на Бѣлополовку и билъ у п. Михайла на время, а не заставши своихъ, заехалъ до квартерѣ Миклашевского, а не заставши, пріехалъ домой и пріехавши засталъ, что баба, 18 лѣтъ при насъ жившая, нечаянно отъ глубокой старости умре, которую при Веригинѣ и погребли. Купилъ я въ лавкахъ оксамиту алого у Пуховича, локоть за 2 р. Била сестра п. Чарнишева у насъ и обявила, что пасинокъ ея, недождавшись окончанія миру, до которого не склонялся, отехалъ домой.

Пятокъ. 20. День былъ хмарний и велми туманний, мокрій зъ таяніемъ и осталного ліоду, такова жъ и ночъ, толко зъ убавкою вѣтра. Былъ у насъ отецъ Никифоръ, намѣстникъ, родителя и мене исповѣдалъ.

Субота. 21. День былъ зранку подобній вчорайшому, а съ полдня свѣтелъ показался, а къ вечору и велми ясенъ, такова жъ ясна и ночъ къ свѣту зъ морозомъ. Сегодня пріобщались св. Тайнамъ въ церквѣ княжой и у себе обѣдали.

Неделя. 22. День былъ зъ морозцемъ, и сегодня ничего не роставало, хмарній, а посля свѣтлій, такова жъ и ночъ, толко уже безъ морозу. Были рано у княгинѣ, а на службѣ у ст. Анастасіи, обѣдали тамъ же. А по обѣдѣ ездили зъ род. и княземъ Боратинскимъ до Глухова, а оттоль до капитана Сафонова и Кишкина, и посидя до позна, зъ шумомъ домой воротился. Зъ неделѣ на понеделокъ родился сынъ брату моему Марку Петро.

Понедел. 23. День былъ хмарний безъ морозу, толко жъ холодноватъ, а ночъ зъ дощикомъ, а посля зъ снѣжкомъ и зъ морозцемъ малимъ къ свѣту. Сегодня обѣдали мы въ дому, а родитель у Боратинского, куда и я по обѣдѣ пріехавши и виехавши оттоль противъ князя Шаховского, которого, зъ Сумъ едучого, стрѣтили за греблею Заруцкого и такъ совокупившись, пріехали съ нимъ въ Глуховъ, позно. Дочь моя Анна, зъ дочерю своею и зъ Калѣновкимъ пріехала зъ Бѣловодки сюда къ намъ.

Вовтор. 24. День былъ хмарний зъ малимъ морозцемъ, такова жъ и ночъ. Были рано у князя, а на службѣ у церквѣ Веригинской и вечерали у себе зъ родителемъ, а жена на уплави заболѣла.

Рождество Х—во. Середа. 25. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ. Были у князя и обѣдали, и подпіяхомъ. Видѣлъ указъ чили манѣфестъ печатній, въ которомъ написано, что князь Андрей Черкаскій, бывшій губернаторъ Смоленскій, за нѣкоторое важное преступленіе зъ тестемъ своимъ Корсакомъ да зъ поручикомъ Аршеневскимъ да зъ домовимъ его управителемъ Пробишовскимъ, сосланы въ силку, онъ въ Джумгайское зимове, а они въ Сѣбиръ, въ разніе городи.

Четвер. 26. День былъ и ночъ сходніе вчорайшимъ, толко жъ зъ болшимъ морозцемъ. Сегодня были у князя и обѣдали, а по обѣдѣ ездилъ до Гурева и тамъ посидѣвши, позабавилъ, а оттоль пріехавши домой, ходилъ до п. Михайла и посидѣвши мало, повернулся домой.

Пятокъ, 27. День былъ зъ морозцемъ хорошимъ и зъ снѣжкомъ маленкимъ, а къ вечеру отлигою, такова жъ и ночъ. Обѣдали у князя Шаховского, а посля зъ п. Михайломъ ездили до Кочубея и не заставши его, повернулись домой и у его играли у пѣкетъ долго, а посля пріехалъ домой. У вечеру зъ С.П Бурху пріехалъ атютантъ княжій Леонтиевъ зъ указомъ, за подписаніемъ собственной руки ея величества, чтобъ Михайлу Шереметцеву отдать индукту на 6 лѣтъ по 30 тисячъ, за добрими поруками Отъ архіерея Кіевскаго получилъ писмо, что въ монастиръ Гамалѣевскій на мѣсто Германа Конашевича игумена опредѣленъ архимандритъ Лѣнкевичъ.

Субота. 28. День и ночъ были сходніе прежнимъ, толко гораздъ зъ болшимъ морозомъ, особливе въ ночѣ. Сегодня рано причащали княгиню Шаховскую, которая еще отъ прошлого понеделка занемогла на головную болѣзнь. Былъ я рано у князя, а обѣдалъ у себе и со мною Гапка и тіотка Конзеровская.

Неделя. 29. День былъ хмарний, а посля свѣтлій зъ хорошимъ морозомъ, а ночъ еще мало холоднѣйшая и къ свѣту снѣгъ, толко малъ. У церквѣ на службѣ у ст. Анастасіи были, обѣдали у князя. Господаръ мой Будинскій, до сего времени при моемъ домѣ господарство правившій, отставленъ и въ доплатку далъ ему 5 р. 80 к. черезъ Клима.

Понедел. 30. День былъ хмаренъ зъ снѣжкомъ, толко невеликимъ и ночъ такова жъ, толко къ свѣту морозъ жестокій показался. Сегодня зъ дому никуда не ездилъ, а игралъ у пѣкетъ зъ п. Михайломъ, сидячи въ хатѣ. Василій Гуревъ присилалъ своего служителя, что его жена родила ему сына.

Вовтор. 31. День былъ хмарний зъ морозомъ и ночъ такова жъ, а къ свѣту вияснилось. Не ездилъ я никуда съ дому и обѣдалъ у себе, и съ нами п. Михайло, пріехавши отъ обѣду княжого. Увѣдомился я, что Михайло Шереметцевъ, который подписался за индукту давать по 30 тисячъ рублей, не сискалъ ни единой поруки, и для того, при паспортѣ княжомъ, поехалъ меншій его братъ у Михайловку до швакгра моего Андрея Полуботка, чтобъ онъ въ порукахъ подписался для того, что онъ зсилался на его, что онъ поручится.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.